

А. Д. КОЛЕСНИКОВ

ОСТРОВ В МОРЕ ОГНЯ

Министерство культуры Омской области
Омская государственная областная научная библиотека имени А. С. Пушкина

80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Министерство культуры Омской области
Омская государственная областная научная библиотека
имени А. С. Пушкина

А. Д. Колесников

ОСТРОВ В МОРЕ ОГНЯ

Второе издание, исправленное и дополненное

Омск, 2024

УДК 94(571.13) «1941/45»
ББК 63.3 (2Рос-4Омс) 622
К 60

Ответственный редактор: А. В. Ремизов, канд. ист. наук

К 60 Колесников, А. Д.

Остров в море огня / А. Д. Колесников; отв. ред. А. В. Ремизов; Омская государственная областная научная библиотека имени А. С. Пушкина. – 2-е изд., испр. и доп. – Омск: «Золотой тираж» [ООО «Омскбланкиздат», 2024. – 207 с.: ил.

Книга ветерана Великой Отечественной войны, доктора исторических наук, профессора А. Д. Колесникова (1919–2012) посвящена беспримерному подвигу воинов 138-й и 308-й стрелковых дивизий в Сталинградской битве, изменившей ход Второй мировой войны. Автор повествует о героической обороне завода «Баррикады» и «Острова Людникова» в октябре–декабре 1942 года.

УДК 94(571.13) «1941/45»
ББК 63.3 (2Рос-4Омс) 622

ISBN 978-5-8042-0867-8

Перепечатка любых материалов без письменного согласия издательства запрещена

© Омская государственная областная научная библиотека имени А. С. Пушкина, 2024

Сталинградская битва – событие всемирно-исторического значения. Это начало коренного перелома не только в Великой Отечественной, но и во всей Второй мировой войне, когда чётко обозначилась неизбежность победы над нацизмом: были полностью разгромлены пять армий гитлеровской Германии и её союзников. Именно с зимней кампании 1942–1943 гг. началось массовое изгнание оккупантов с территории нашей страны. Разгром врага под Сталинградом обусловил широкое

наступление советских войск: в январе 1943 г. была прорвана блокада Ленинграда, в феврале – освобождён Северный Кавказ.

Оборона Сталинграда, отличавшаяся небывалой масштабностью и ожесточённостью сражений, стала примером непревзойдённого героизма бойцов, командиров и военачальников. Во множестве документальных источников и воспоминаний полководцев Великой Отечественной упоминаются исключительные мужество и героизм воинов-сибиряков. На картах и схемах Сталинградской битвы есть точка, обозначенная как «остров Людникова». Это часть берега Волги восточнее завода «Баррикады», который защищали бойцы 138-й Краснознамённой стрелковой дивизии под командованием И. И. Людникова вместе с сформированной в Омске 308-й дивизией под командованием Л. Н. Гуртьева. Именно на территории заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь» шли наиболее тяжёлые бои. Бойцам приходилось отражать ежедневно по 8–14 вражеских атак. На 138-ю стрелковую пришёлся один из самых серьёзных ударов. Оказавшись в огненном котле, получившем впоследствии название «Остров Людникова», воины-сибиряки более месяца держали оборону. Благодаря героизму и стойкости бойцам дивизии удалось закрепиться на позициях и выстоять, сковать основные силы врага, не допустить выход немецких войск к Волге.

Книга А. Д. Колесникова «Остров в море огня. Омские дивизии в обороне сталинградского завода «Баррикады» доносит до нас подлинное дыхание Великой Отечественной, в ней дано «человеческое измерение войны», сохранена «живая память» о ней. Александр Дмитриевич Колесников (1919–2012) – наш земляк,

непосредственный участник Сталинградской битвы. В его фронтовой биографии оборона завода «Баррикады» и «острова Людникова» занимают особое место. События этих легендарных сражений легли в основу его документального повествования.

Имя Александра Дмитриевича хорошо известно в научных и краеведческих кругах. Профессор, доктор исторических наук А. Д. Колесников – автор исследований по истории заселения и освоения Сибири с ермаковых времён, многочисленных публикаций по истории городов и сёл Омской области, материалов, посвящённых омичам – героям Гражданской и Великой Отечественной войн. Серия его работ повествует об участии сибирских воинских формирований в Сталинградской и Курской битвах, в боях за Днепр. А. Д. Колесников на протяжении ряда лет являлся научным консультантом, членом редакционных коллегий многотомных трудов «Книга Памяти» и «Солдаты Победы».

Первое издание книги А. Д. Колесникова, предпринятое Омским книжным издательством, с предисловием другого нашего земляка, участника Великой Отечественной войны, Маршала Советского Союза Д. Т. Язова, увидело свет в 2012 году. Живое и правдивое повествование Александра Дмитриевича, воина-мемуариста и учёного-историка в одном лице, вызвало большой читательский интерес. Книгу высоко оценили ветераны Великой Отечественной войны и, особенно, участники Сталинградской битвы. Востребованное научным и краеведческим сообществом, педагогами и учащимися, широким кругом читателей, издание к настоящему времени стало библиографической редкостью.

Уверен, что переиздание книги к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне будет важным вкладом в осмысление нашей героической истории, сохранение исторической памяти, военно-патриотическое воспитание молодёжи.

*В. П. Хоценко,
Губернатор,
Председатель Правительства
Омской области*

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ГЕРОЕВ

Любовь к родной земле, готовность защищать её – высокое чувство, изначально присущее русскому народу. Наш народ с благодарностью вспоминает и чтит своих предков, разгромивших псоврыцарей на Чудском озере, гордится победой над татаро-монголами на Куликовом поле, славит героев Бородинского сражения, после которого армия Наполеона повернула вспять и перестала существовать в том виде, в котором пришла в Россию.

Самым ярким событием XX века стала наша Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Она никогда не изгладится из памяти потомков, ибо это был подвиг всего советского народа, отстоявшего независимость Родины и спасшего мир от фашистской чумы. Через горнило этой самой масштабной в истории войны прошли миллионы людей: одни исполняли свой патриотический долг в боях, другие ковали оружие Победы в тылу. В смертельной опасности находилась советская страна. Отлично отлаженная, отобюрокраченная, вскормленная промышленностью всей Европы немецкая военная машина казалась неуправляемой.

Громадное превосходство в военной технике, некоторая растерянность советского руководства от внезапности нападения и связанные с этим ошибки командования РККА внушали генералам вермахта надежды на скорую победу. Итогом летней кампании 1941 года должен был, по их расчётам, стать выход на линию Архангельск – Астрахань, полный разгром советских войск, ликвидация Российской государственности и – обретение столь желанного «жизненного пространства», для чего нужно было физически уничтожить миллионы советских людей. Лишь в Подмоскovie Красной армии удалось остановить танковые колонны врага, и не только остановить, но и перейти в контрнаступление. Впервые за всю войну разбитые немецкие дивизии спасались бегством... По признанию Г. Гудериана, «25 октября большая часть войск группы армий «Центр» была вынуждена перейти к обороне под натиском свежих русских сил, прибывших из Сибири».

В тех поистине легендарных сражениях активно участвовали дивизии, сформированные в Сибири и из сибиряков. Героизмом

и стойкостью прославились они. Благодарная столица отметила их подвиг монументом на 49-м километре Волоколамского шоссе.

Показать роль сибиряков в решающих битвах Великой Отечественной войны – в битве под Москвой, при обороне Ленинграда, в Сталинградской битве, в сражениях на Курской дуге и при форсировании Днепра – такую многотрудную работу взял на себя и успешно справился с ней доктор исторических наук, профессор А. Д. Колесников, сам коренной сибиряк в четырнадцатом поколении, участник Великой Отечественной войны и неутомимый собиратель фактов о боевых подвигах сибиряков. Александр Дмитриевич был непосредственным участником боёв за Сталинград, Курского сражения и форсирования Днепра. Поэтому при описании событий он широко использует и личные воспоминания, собственные оценки увиденного своими глазами.

Я читал эти книги – созданный в них исполинский образ воина-сибиряка поистине впечатляющ! Но тема предлагаемой читателю книги несколько более локальна. Автор подробно показывает один из эпизодов грандиозной Сталинградской битвы – оборонительные бои 308-й и 138-й стрелковых дивизий за завод «Баррикады» и ожесточённую схватку за крохотный участок волжского берега, названный впоследствии «Островом Людникова». 308-я дивизия была сформирована в Омске.

Однако величие совершенного советскими людьми подвига от этого не становится менее ярким. Просто среди оружейного грохота, пыли и гари проступают человеческие лица, из небытия, забвения возникают живые люди со своими неповторимыми характерами, своими мыслями и надеждами, которые совершают обычные человеческие поступки, привычно выполняют тяжёлую военную работу, вспоминают дом и родных, дружат и любят... От этого повествование приобретает особую человеческую глубину и пронзительный лиризм.

Это, повторяю, нисколько не умаляет свершённого советскими воинами. В Сталинграде решалась судьба Родины. После разгрома под Москвой в Германии была проведена дополнительная мобилизация, приняты срочные меры по увеличению промышленного производства. Пользуясь отсутствием второго фронта, Гитлеру удалось сосредоточить огромные силы на южном участке советско-

германского фронта и начать наступление с целью захватить Сталинград и выйти на Кавказ, к бакинской нефти. Страна оказалась в чрезвычайно тяжёлом положении. 28 июля 1942 года И. В. Сталин издал приказ № 227, в котором признал понесенные страной тяжёлые потери. «У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину. Наша Родина переживает тяжёлые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило».

Автор представленной книги обоснованно называет приказ № 227 молитвенным зовом Отчизны о спасении и считает его важнейшим фактором мобилизации сил на разгром врага.

С июля 1942 года началась историческая Сталинградская битва, в которой каждая из противоборствующих сторон бросила на чашу весов всё что могла. Здесь концентрировались материальные и духовные силы противников, это был ключевой участок советско-германского фронта. На нём военные действия, носившие исключительно напряжённый и бескомпромиссный характер, были как бы спрессованы во времени и пространстве. Многодневное изматывающее сражение требовало от его участников нечеловеческого напряжения сил. К ноябрю 1942 года установилась фиксированная линия фронта. В чью сторону изменится положение, зависело от морально-боевого духа войск, профессиональности решений и действий политического и военного руководства. Германия с союзниками и оккупированными странами Европы располагала гораздо большими людскими и военно-экономическими возможностями по сравнению с нашей страной. Советскому руководству предстояло мобилизовать последние ресурсы, избрать момент для перехода в наступление и достичь победы. Такой момент был найден и завершился великой победой.

На фоне крупных стратегических выкладок задачи, решавшиеся воинами сражавшихся бок о бок 138-й и 308-й дивизий, могут показаться незначительными. Но, если вдуматься, именно в каждом таком локальном сражении, где каждому нашему воину противостоял конкретный фашист, и решались судьбы чудовищных по масштабу

сражений. Вспомните гениальные строки А. Т. Твардовского о том, как «бьётся Тёркин, держит Фронт»! Именно так ставился тогда вопрос: выдержишь, не дрогнешь, не пропустишь немца – победишь, не выдержишь – прорвется враг на нашу святую землю. И бойцы омских дивизий не дрогнули – на их участке фашисты к Волге не прошли! у них не хватало боеприпасов, от многих воинских частей остались, как говорили, только номера, каждый поход к Волге за водой был сопряжён со смертельным риском, в последние дни обороны на «Острове Людникова» они, со всех сторон окружённые немцами, голодали... Но их боевой дух врагу сломить не удалось. И к великой русской реке они врага не пустили!

Приведу один из описанных в книге эпизодов. Утром 9 ноября позиции 344-го полка 138-й стрелковой дивизии, насчитывавшего на тот момент в составе 144 активных штыка, были, как обычно, подвергнуты интенсивным бомбёжке и артобстрелу. Затем начался штурм. После того как первая атака была отбита, немцы принялись штурмовать так называемый «П-образный дом», оборонявшийся миномётной ротой полка. На прямую наводку к зданию подошли 16 вражеских танков и разрушили его. Но в развалины дома фашисты смогли ворваться только, когда там почти не осталось живых. Даже развалины доставались врагу очень дорого! Один из немецких офицеров записал в дневнике: «Наши войска захватили весь завод «Баррикады», но мы не можем прорваться к Волге. Русские – не люди, они словно слиты из чугуна: никогда не устают и не боятся огня. Мы совершенно измотаны, в нашем полку едва наберётся людей на одну роту. Мы все, словно приговорённые. Единственное избавление здесь – получить ранение, тогда тебя отправят в тыл».

Наша печать также освещала эти события, но, как говорится, с противоположным знаком. В очерке «Направление главного удара», опубликованном в газете «Правда» 26 ноября 1942 года, который я прочитал впервые будучи командиром роты на Волховском фронте, говорилось: «...Количество бомб, сброшенных немцами на дивизию Л. Н. Гуртьева, исчислялось цифрой с четырьмя нулями... Этим грохотом можно было оглушить человечество, этим огнём и металлом можно было сжечь государство. Немцы полагали, что сломают моральную силу сибирских полков. Они полагали, что перекрыли предел сопротивления человеческих сердец и нервов.

Маршал Советского Союза Д. Т. Язов
с ветеранами войнами-омичами.
В первом ряду слева – А. Д. Колесников

Но удивительное дело – люди не согнулись, не сошли с ума, не потеряли власть над своими сердцами и нервами, а стали сильнее и спокойнее... Героизм стал бытом, героизм стал стилем дивизии и её людей, героизм стал будничной, каждодневной привычкой, героизм всюду и во всём». И это было именно так.

Некоторые страницы просто потрясают. Вот пример. Отражая яростные атаки врага, воины 138-й на «Острове Людникова» почти полностью израсходовали боеприпасы и с тревогой ждали нового штурма, который немцы называли «решающим» и собрали для него силы, во много раз превосходящие те, что оставались у нас.

Наши воины в эту ночь не спали считали и распределяли (поштучно) патроны, укрепляли, как могли, огневые позиции, готовили оружие и с нарастающей тревогой вглядывались в светлеющее небо... Однако на следующий день 19 ноября – вражеский штурм не состоялся. Началось контрнаступление советских войск. Но людниковцы о готовившемся контрударе не знали – связь со штабом армии отсутствовала... Этот эпизод ожидания в авторской передаче подкупает непосредственностью и задевает до глубины души.

Бывая в Волгограде, всегда прихожу на Мамаев курган, где на мемориальных плитах высечены сотни имён воинов 308-й и 138-й стрелковых дивизий. Склоняю голову у могил прославленных командармов М. С. Шумилова и В. И. Чуйкова, других военачальников. Память о подвигах их соединений переживёт века.

Горько сознавать, что сегодня перед нами, патриотами России, встала задача защищать нашу Победу. До сих пор находятся люди, пытающиеся очернить великий подвиг народа. Вот ещё почему важны и своевременны книги А. Д. Колесникова, в том числе и эта, которую я рекомендую читателям.

Больно сознавать, что автор не увидит свою последнюю книгу, созданную на 93-м году жизни... Поражаешься мужеству и силе духа учёного и гражданина! Всю свою жизнь он посвятил тому, чтобы рассказать людям о своих товарищах-сталинградцах. Мы должны рассказывать нашей молодёжи всю правду о нашей Победе. Без прикрас, но и без злопыхательства и очернительства. И тогда молодые с гордостью продолжат наше дело. Я верю в это.

*Д. Т. Язов,
Маршал Советского Союза
Май 2012 года. Москва*

Глава первая

РЕШАЮЩИЙ РУБЕЖ

МОБИЛИЗАЦИЯ ВСЕХ СИЛ НАРОДА

Для советского народа Великая Отечественная война не была просто очередным столкновением с внешним врагом. В войне с германским фашизмом решалась судьба тысячелетнего Российского государства, судьба русского народа и – шире – всех славян. В последнее время об этом стараются почему-то не упоминать, но поражение грозило нам гибелью. Идея о возможности деления наций на «передовые» и «малоразвитые», веками вынашивавшаяся в головах западных «гуманистов», в который раз ввергла человечество в кровавую бойню.

Руководство нашей страны знало о захватнических намерениях Германии, срочно нуждавшейся в «жизненном пространстве», знало и о том, что осуществление их означало бы ликвидацию государственности русских, истребление передовой части населения, уничтожение культуры и всего национального достояния русских, то есть устранение навсегда русской нации с мировой арены.

Поэтому страна готовилась к активной национальной обороне. Вот почему после нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года всё население встало на защиту Родины.

Первые же недели войны показали, что она будет тяжелейшим испытанием. Используя огромное преимущество в промышленном развитии и возможность объединения ресурсов всей Европы, германская армия стала одерживать военные победы. И вот здесь проявился русский характер. Войска, ведшие кровопролитные бои, проявляли массовый героизм, успешно началась мобилизация на военную службу, возникали народные инициативы по ускоренному переводу хозяйства на военные рельсы, эвакуации промышленных предприятий на Урал и в Сибирь.

По вековой традиции народ не запаниковал от военных неудач, а, напротив, удесятирил усилия по борьбе с врагом. Значительное превосходство военно-экономического потенциала противника, ошибки и просчёты советского руководства обусловили поражения Красной армии в первые месяцы боёв. За шесть месяцев и девять дней 1941 года советские войска потеряли безвозвратно более 3 миллионов воинов, огромное количество танков, самолётов и орудий. Казалось бы, было от чего запаниковать! Вероятно, на это и рассчитывали немецкие генералы. Но вышло ровно наоборот: усилия народа по защите от агрессии нарастали. Всё больше и больше становилось героев, совершавших военные подвиги.

Наступление немцев удалось остановить лишь в конце 1941 года в Подмосковье. Более того, усилившись, Красная армия перешла в контрнаступление и отбросила рвавшихся к столице фашистов на 100–250 километров. Это вызвало новый патриотический подъём в стране. Впервые считавшиеся дотолё непобедимыми армии вермахта были биты и повернуты вспять. Стало ясно, что планы блицкрига рухнули и перед Германией замаячила перспектива затяжной, длительной войны.

Вторая мировая война планировалась, тщательно готовилась и методично осуществлялась Германией от этапа к этапу. Сначала были ликвидированы мелкие буферные государства, затем разгромлены Польша и Франция, что создавало предпосылки победоносной войны против СССР. Дальше планировался захват Северного Кавказа и Ближнего Востока, выход к практически неограниченным

запасам нефти. И если первые этапы дьявольского плана были реализованы успешно, то «дранг нах Остен» (поход на Восток) был сорван упорством и самоотверженностью советских войск. Немецким генералам пришлось заново разрабатывать план боевых действий на 1942 год, о чём Гитлер рассказывал 3 января японскому послу.

Возможно, понятная эйфория от победы в битве под Москвой послужила поводом для некоторой переоценки сил Красной армии и дальнейшего хода кампании нашим высшим военным командованием. В марте, при обсуждении планов на 1942 год, маршал Б. М. Шапошников, объективно проанализировав обстановку, признал, что в условиях численного превосходства противника и отсутствия второго фронта в Европе лучшим была бы организация «активной обороны». Однако позиция маршала не была поддержана И. В. Сталиным, и стали разрабатываться малые наступательные операции в Крыму, на Юго-Западном (Харьковская) и Северо-Западном фронтах. Все эти операции закончились провалом, обескровив наши войска и объективно усилив немцев на южном секторе фронта, где они готовили мощный удар для захвата нефтеносных районов Кавказа и Нижней Волги.

НЕРАВНАЯ БОРЬБА ЭКОНОМИК

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков считал, что наши поражения первых месяцев были неизбежными, поскольку успешный период войны сопутствует тем, чьи вооружённые силы и страны в целом лучше подготовлены к войне.

И нам, я думаю, самое время разобраться, действительно ли так велико было превосходство Германии, о котором раньше говорили как о решающем факторе наших военных неудач, а в наши дни заклеямили как «коммунистическую пропаганду», оправдывающую-де ошибки и просчёты военачальников, того же Жукова? Замечу, что я не сбрасываю со счетов действительных ошибок нашего командования, речь о которых впереди.

...Поражение в Первой мировой войне многими в Германии было воспринято как национальное унижение. Гитлеру удалось воспользоваться этими настроениями, соединить крайний национализм с прусским милитаризмом и начать энергичную подготовку

к новой войне. Ещё одним фактором, позволившим Германии быстрыми темпами провести милитаризацию экономики, была позиция реакционных политиков западных стран, недовольных российской революцией.

Несколькими мощными ударами разбив Польшу и Францию, оккупировав некоторые государства Европы и получив таким образом доступ к их экономическим и природным ресурсам, Германия начала форсированную подготовку к нападению на Советский Союз – основной объект уничтожения на пути к мировому господству.

Авторы сборника «Всероссийская Книга памяти» обоснованно заключают, что к началу Великой Отечественной войны «фашистская Германия располагала значительно большим экономическим потенциалом, чем СССР. Её промышленная база, усиленная за счёт ресурсов оккупированных европейских государств, в 1,5–2 раза (а по станочному парку и добыче угля – в 2,5 раза) превосходила промышленную базу СССР.

Рассмотрим один из этих показателей – состояние станочного парка как основы промышленного развития – более подробно. Уровень и качество немецких станков известны и уважаемы во всем мире. В 1935 году Германия располагала 1 миллионом 245 тысячами станков. И число их постоянно росло, только в 1941 году – на 250 тысяч, а к 1944-му станочный парк достиг 2 миллионов 100 тысяч единиц. Производительность труда в Германии в 2–3 раза превышала советскую, достаточно сказать, что 90 % немецких предприятий работало в одну смену.

В 1939 году при заключении договора о ненападении между Германией и СССР было достигнуто соглашение о продаже нашей стране немецких станков. Внешторгом был составлен список из 26 тысяч наименований («список Микояна»), и небольшая партия станков, за которую было заплачено золотом и хлебом, поступила на наши предприятия. Руководители Запорожского моторного завода, позже эвакуированного в Омск и давшего начало моторостроительному объединению им. П. И. Баранова, утверждали, что Гитлер, соглашаясь на поставку в СССР станков, уверенно заявил, что русские не успеют ввести оборудование в строй и оно вскорости после начала войны вернется на немецкие заводы. Однако станки

были запущены в очень короткие сроки и хорошо послужили для создания русской военной мощи. Позже «список Микояна» повторялся в наших заявках для поставок по ленд-лизу.

До середины 1944 года Германия производила основных видов промышленной продукции больше, чем наша страна. Развитая промышленная база позволяла непрерывно наращивать объёмы военного производства. «В течение немногих месяцев, отмечается в уже упоминавшейся статье во Всероссийской Книге памяти, число произведённых истребителей ежемесячно возрастало с 490 до 1 109. Выпуск танков только за 1942 год увеличился в 3 раза, а к 1944 году – в 5 раз». Военной продукции, произведённой лишь в одном 1944 году, могло бы хватить для полного вооружения 225 пехотных и 45 танковых дивизий.

Немецкий исследователь Ганс Керль приводил такие цифры роста военной продукции гитлеровской Германии в 1942–1944 годах:

Наименование продукции	1942	1943	1944
Танки (шт.)	9 300	12 700	27 000
Орудия (шт.)	11 800	17 800	40 000
Самолёты (шт.)	14 500	25 000	38 000
Подводные лодки (водоизмещение, т)	191 000	202 000	233 000
Боеприпасы (т)	1 270 000	1 290 000	3 350 000

Как видим, производство танков выросло за два года в 2,9 раза, орудий – в 3,4, самолётов – в 2,6, подводных лодок (по водоизмещению) – в 1,2 и боеприпасов – в 2,6 раза. После столь быстрого наращивания военного производства в Берлине заявили: «Германия вступила в последний этап борьбы со столь подавляющим превосходством своей военной мощи, что результат этой борьбы не может вызывать сомнения». И действительно, преимущество было столь значительным, что только общая обстановка войны, исключительный героизм советского народа в борьбе за независимость сумели поколебать эту уверенность.

Если принять во внимание даже только приведённые данные, наша Победа была поистине выдающейся!

Росло военное производство и в нашей стране. За первые три месяца войны авиационные заводы увеличили выпуск машин в 2 раза, а к концу первого военного полугодия в 3 раза. Удвоилось производство танков. Однако необходимо принять во внимание

одно существенное обстоятельство – страшные потери Красной армии в первые месяцы войны. Если у немцев вновь производимые машины пополняли уже имевшийся парк, то нам практически приходилось создавать всё заново. За кампанию 1941–1942 годов из 22 тысяч советских танков было потеряно 20,5 тысячи, а в 1942 году – ещё 15 тысяч. Вот с таким обескровленным танковым парком мы подходили к Сталинградской битве... Авторы очерка в сборнике «Всероссийская Книга памяти» пишут, что к началу Сталинградской битвы противник имел перевес над советскими войсками в людях – в 1,7 раза, в танках и артиллерии – в 1,3 в самолётах – более чем в 2 раза. При этом надо принимать во внимание и качественный состав частей противоборствующих сторон. Если немецкие дивизии были закалены войной в Европе и годом военных действий на территории СССР, то у нас оборону занимали вновь сформированные дивизии второго формирования и курсанты военных училищ, семнадцати-восемнадцатилетние мальчишки.

После поражения в Воронежско-Харьковском сражении и потери Донбасса, Дона и Северного Кавказа у нас не стало преимущества в людских ресурсах и продовольствии, что вынужден был признать и И. В. Сталин. Ощущалась острая нехватка вооружения и боеприпасов. Потеря наиболее экономически развитых западных областей страны, эвакуации на восток множества предприятий, которые только-только начинали входить в строй и наращивать производство военной продукции, отвлечение на фронт огромного числа квалифицированных работников – всё это делало положение нашей страны чрезвычайно тяжёлым.

Мужчин на рабочих местах заменили женщины и подростки. Доля женщин, занятых в народном хозяйстве, выросла к концу войны до 59 процентов (в 1941 году – 41 процент). Около двух миллионов подростков окончили ремесленные училища и краткосрочные курсы и встали к станкам. Всего в 1944 году в народном хозяйстве страны было занято около 2,5 миллиона работников моложе восемнадцати лет, из них 712 тысяч подростков от четырнадцати до шестнадцати лет. Германия и работавшая на неё Европа такого не знали.

Не знали они и голода. Известны цифры, характеризующие калорийность продовольственного пайка в разных странах. В 1943 году в Германии он равнялся 1 980 калориям, во Франции – 1 060, самый

низкий в Польше – 555 калорий. В Нюрнбергском трибунале приводились слова Г. Геринга: «Если в этой войне придется голодать, то голодать должны не немцы, а население оккупированных районов». План этот неукоснительно претворялся в жизнь, со всей Европы в Германию свозилось продовольствие, захваченные области СССР подвергались тотальному разграблению; вывозились не только зерно и скот, но и чернозём.

В то же время в СССР городские пайки снижались до минимума, сельское население вообще никакого продовольствия не получало. Советские города и сёла голодали, и оттого подвиг тружеников тыла, вынесших на своих плечах неимоверные тяготы и лишения, но обеспечивших армию всем необходимым, представляется ещё более величественным.

ОДИН НА ОДИН С ЕВРОПОЙ

Исход Сталинградской битвы обеспечил перелом в Великой Отечественной и всей Второй мировой войне. Лидеры великих держав не скупились на высокие оценки нашей победы. Премьер-министр Англии У. Черчилль назвал её «изумительной»; президент США Ф. Рузвельт – «эпической» и определил: «Сталинградская битва остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии».

К 1942 году мировая война достигла апогея: сформировались коалиции и определились цели воюющих государств. В Берлине был подписан тройственный пакт Германии, Италии и Японии. 7 декабря 1941 года японцы бомбили американскую базу Пирл-Харбор, а Германия и Италия объявили войну США. 1 января 1942 года в Вашингтоне 26 государств, в том числе США, СССР, Англия, Китай, объединились в антигитлеровскую коалицию. С вступлением в войну мощной Америки явно обозначился перевес сил союзных держав над странами «оси». Но пока инициатива военных действий исходила от агрессоров, стремившихся использовать время в свою пользу для установления мирового господства.

На Восточном фронте Германия и её союзники сосредоточили главные силы и рассчитывали добиться решающей победы. После поражения под Москвой в Германии началась новая

мобилизация, наращивалась численность вооружённых сил для проведения кампании 1942 года. Пополняются и армии стран-сателлитов, на Восточный фронт выводятся армии Румынии, Венгрии, Италии. За короткое время, как уже указывалось выше, удвоились объёмы военного производства за счёт принудительного направления иностранных рабочих на немецкие военные заводы.

Не прекращались схватки и в других горячих точках мировой войны. В Европе немецкие самолёты бомбили Лондон, а подводные лодки топили в морях английские корабли. В Северной Африке итало-германские дивизии угрожали Египту и Суэцу с намерениями захватить Арабский Восток. Япония на Тихом океане проводила одну операцию за другой: на Филиппинах захватила американскую крепость Коррехидор, английский Сингапур, Бирму, вышла к границам Индии, подступала к Австралии. Мировая общественность с тревогой встречала эти новости и ждала, когда, где и кем будет дан отпор агрессорам и в войне наконец наступит перелом.

Разрабатывались планы текущих операций и определялась стратегия на будущее. Союзные государства – Англия и США – накапливали силы и особые надежды возлагали на Советский Союз, в войне с которым были задействованы основные силы Германии и её союзников. Блицкриг не удался, и в 1942 году Германия уже не имела сил для наступления по всему Восточному фронту, растянувшемуся на четыре тысячи километров, и стала сосредотачивать силы на юге, ставя цель разбить Советскую армию и выйти на рубежи решения планетарных проблем – захватить Кавказ, выйти к границам Ирана, в персидско-индийское пространство. Об этом говорилось в директиве от 8 декабря 1941 года и особо чётко – в беседе Гитлера с японским послом 3 января 1942 года, когда фюрер обещал в скором времени выйти к нефтяным месторождениям Кавказа, высказал намерения в отношении Индии и требовал, «чтобы Германия и Япония посоветовались о совместных планах на 1942 и 1943 годы. Союзники не должны ни при каких обстоятельствах останавливаться на полпути».

О планах Гитлера на будущее пишут генералы, работники штабов Вардмонт и Цейцер. Геббельс же 20 марта 1942 года заявил, что у фюрера есть планы занятия Москвы, Ленинграда и Кавказа и наступлений «на определенных» участках. Этими участками «особых

ударов» определялись Нижняя Волга и её центр – Сталинград, находящийся в сердце евроазиатского континента, Москва и Арабский Восток. Одновременно для дезинформации нашего командования проводилась операция «Кремль», как позже выяснилось, весьма успешно. Противнику удалось убедить наше командование в том, что главным приоритетом для немцев остается захват Москвы и главные события летней кампании 1942 года будут происходить там.

Наше командование прекрасно понимало всю сложность и остроту момента. Бывший начальник Генштаба СССР Маршал А. М. Василевский писал: «Ни у кого из нас не было сомнения, что противник не позднее лета вновь предпримет серьёзные активные действия с тем, чтобы опять захватить инициативу, нанести нам поражение. При этом все мы отлично понимали, что от результатов летней кампании 1942 года во многом будет зависеть дальнейшее развитие всей мировой войны, поведение Японии, Турции и т. д.».

Принимались меры по усилению обороны на занимаемых рубежах, созданию резервов, но... В первую очередь, на московском направлении.

Между тем противник энергично стягивал огромные силы на южном участке фронта. Он был разделён на две группы армий «А» и «Б», по четыре армии в каждой. К июню 1942 года в южной группировке находились 40 процентов пехотных и 50 процентов танковых и моторизованных дивизий от общего числа сил, воевавших на Восточном фронте. Непосредственно на Сталинград была нацелена 6-я армия под командованием Ф. Паулюса, которая в своём составе имела 4 армейских и 2 танковых корпуса, насчитывавших до 270 тысяч солдат и офицеров, 7,5 тысячи орудий и миномётов и до 740 танков; с воздуха её поддерживали самолёты. Немецкий историк Г. Дерр пишет: «Со всех концов фронта, даже с флангов войск, расположенных на Дону и в Калмыцких степях, стягиваются подкрепления инженерные и противотанковые, которые так необходимы были там, откуда их брали. Пять сапёрных батальонов по воздуху были переброшены в район боёв из Германии». Сообщение Г. Дерра дополняет командир одного из срочно переброшенных сапёрных батальонов майор Г. Вельс: «Отовсюду шлют сюда самые сильные батальоны. В Крыму, на Дону, на севере их грузят на машины или

в самолёты и прямым ходом к нам – в Сталинград». Фюрер выразился в том смысле, что такими силами «можно штурмовать небо». Располагая полученными разведкой сведениями, в марте 1942 года Лондон известил Москву о подготовке Германией мощного удара по южному сектору фронта и занятии впоследствии Ростова, Майкопа, Баку. Советское командование располагало данными о намерении Германии занять нефтяные районы Кавказа и пути доставки бакинской нефти в центр страны, через Сталинград. Ещё до начала Сталинградской битвы название города стало часто упоминаться в западной печати.

УДАР ГРУППЫ АРМИЙ „ЦЕНТР“

После поражения советских армий в Крымской, Харьковской и Любаньской наступательных операциях гитлеровцы захватили стратегическую инициативу и в июле 1942 года (официально датой начала Сталинградской битвы считается 17 июля) начали наступление на юге, прорвали фронт на Северном Донце и вышли в Донские степи. Начальник генштаба сухопутных сил вермахта Гальдер записал в дневнике 21 июля: «Войска Паулюса (6-я армия) очень быстро и энергично продвигаются вперёд к Сталинграду, куда противник пытается перебросить свои войска. Смена войск на фронте по Дону и подтягивание сил протекают хорошо».

Имея преимущество в живой силе и технике, особенно в самолётах и танках, противник занял большую излучину Дона, вышел на ближние подступы к городу, его танки прорвались к берегу Волги и отрезали обороняющийся Сталинград от центральных районов. Началась жесточайшая борьба неравных сил.

Зная сложившееся соотношение сил, английские генералы сделали вывод, что «положение на Восточном фронте тяжёлое и можно ожидать любого исхода». Более чётко определили обстановку начальники генеральных штабов США и Англии на заседании в Вашингтоне, подчеркнув: «Сумеют ли русские удержать фронт – от этого зависят наши планы на оставшийся период 1942 года».

О тяжелейшем положении страны И. В. Сталин неоднократно писал в посланиях Черчиллю и Рузвельту. Американскому президенту он писал: «Что касается положения на фронте, то за последние месяцы наше положение на юге, особенно в районе Сталингра-

да, ухудшилось из-за недостатка у нас самолётов, главным образом, истребителей. У немцев оказался большой резерв самолётов. Они имеют минимум двойное преимущество в воздухе, что лишает нас возможности прикрыть свои войска. Практика войны показала, что самые храбрые войска становятся беспомощными, если они не защищены от ударов с воздуха».

Однако союзники от оказания прямой помощи Красной армии воздерживались, оставляя её один на один с многократно превосходящей по силам военной машиной врага, прекрасно отмотобилизованной и оснащённой.

В упомянутом мной выше дневнике Гальдера говорилось также, что на этом участке немцам встречаются «разрозненные группы, которые уничтожаются наступающими с севера соединениями во взаимодействии с пехотными дивизиями». В верхах немецкого командования царило воодушевление, близкое к эйфории. При набранных темпах наступления (20–50 километров в сутки) планировалось к 25 июля с ходу захватить Сталинград. Но, как показало время, всё только начиналось. Прорвавшиеся дивизии противника встретили упорное сопротивление. Начиналась Сталинградская битва, которая не только похоронила надежды немцев на очередной блицкриг, но и предрешила исход всей войны.

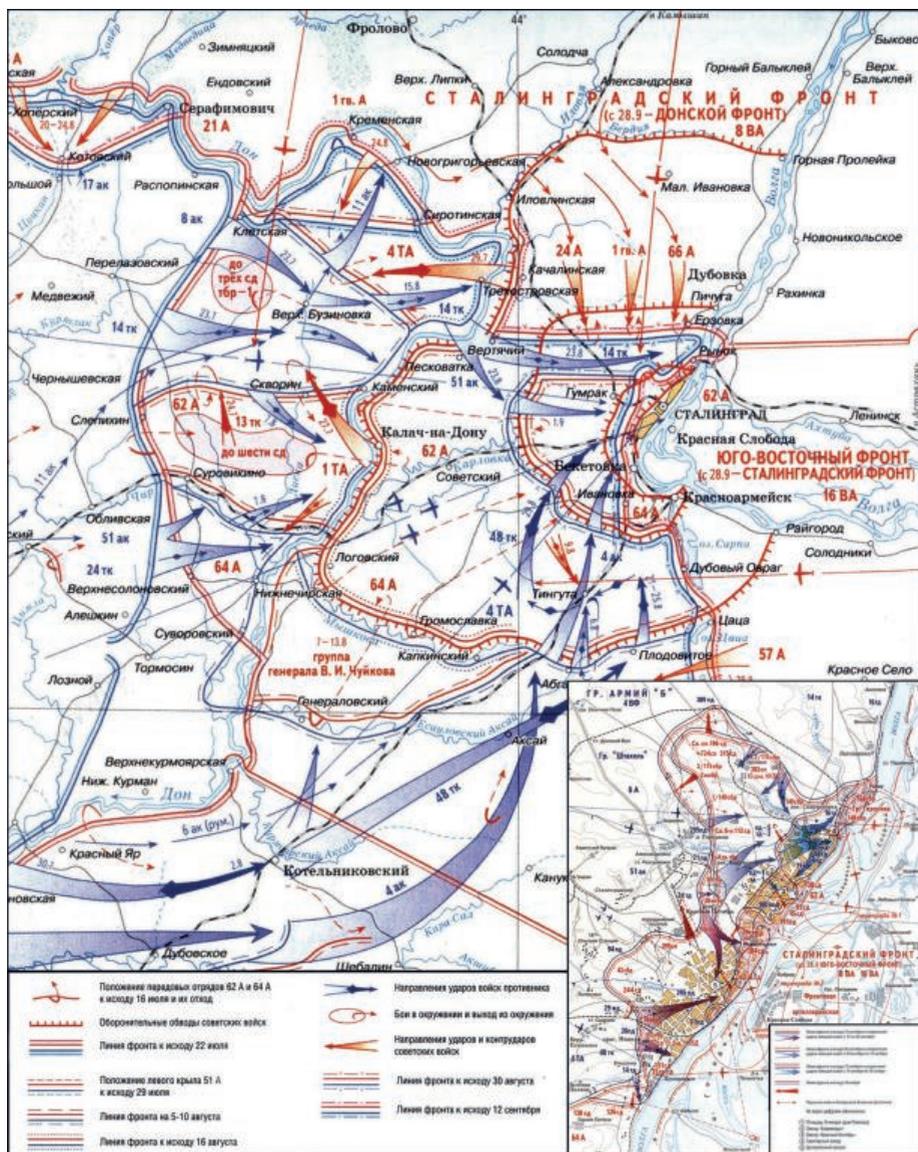
Советское командование хоть и располагало сведениями о сосредоточении войск противника на юге, к усилению Сталинградского направления приступило с опозданием. Лишь 12 июля, уже после прорыва фашистами Юго-Западного фронта, был создан Сталинградский фронт; начали формироваться 62-я, 63-я и 64-я армии, в состав которых перебазировались дивизии из-под Тулы и Рязани. Создавалась линия обороны по рекам Цимла и Чир. Для прикрытия образовавшейся брешы были срочно переброшены преобразованные в полки военные училища из Краснодара, Орджоникидзе, Грозного. На базе Урюпинского училища практически заново формируется 192-я пехотная дивизия. Поднятая по тревоге, находившаяся в процессе формирования дивизия, ещё не получив в достатке вооружение, совершила стокилометровый пеший марш, перешла Дон и заняла оборону.

Главная проблема заключалась в том, что переброска войск и вооружения под Сталинград осуществлялась по единственной

действовавшей на тот момент железнодорожной магистрали, которую противник то и дело бомбил и разрушал. Учитывая подавляющее превосходство немцев в воздухе, противопоставить этому можно было лишь самоотверженный труд ремонтных бригад дорожников, по мере возможности быстро восстанавливавших движение. Возглавлявший группу советских войск в излучине Дона В. И. Чуйков писал: «Дивизии и армейские части ещё только выгружались из эшелонов и направлялись на запад, к Дону, не боевыми колоннами, а в том составе, как они следовали по железной дороге. Головы некоторых дивизий уже подходили к Дону, а хвосты были на берегу Волги, а то и в вагонах. Тыловые же части армии и армейские запасы вообще находились в районе Тулы и ждали погрузки в железнодорожные вагоны». От себя добавлю, что в силу этого войска прибывали недостаточно вооружёнными, почему и не могли оказать врагу достойного сопротивления. Даже стрелковое оружие приходилось добывать самим, прямо в ходе боевых действий. Тяжёлого вооружения не было вовсе. Прямо со 120–150-километрового марша по пыльным и жарким Донским степям, измученные жаждой и слабо вооружённые, наши дивизии спешно занимали оборону в большой излучине Дона, рыли траншеи и готовились встретить врага.

Исследователи отмечают также, что прибывавшие, наспех сколоченные дивизии, не имели боевого опыта. А участок от Пещерского до Верхне-Курмоярского, протяженностью 50 километров, из-за запоздания дивизий 64-й армии вообще не был прикрыт войсками...

Вот на таком фоне и развернулись первые бои грандиозной битвы. Передовой отряд 192-й дивизии, 676-й полк, состоявший в основном из семнадцати-восемнадцатилетних курсантов училищ, принял боевое крещение у хутора Пронин, о чём в донесении за 17 июля сообщалось: «Сдерживая противника, полк с тяжёлыми боями в полуокружении отходил к полосе основной обороны дивизии». К исходу дня 21 июля противник развернул основные силы, и начались упорные бои. Штаб 33-й гвардейской дивизии докладывал, что было отражено три атаки: 88-й полк 21 июля вел бой с противником на рубеже в пяти километрах западнее Петровки. В течение дня гвардейцы отбили три яростных атаки врага, уничтожив до батальона пехоты и 20 танков».

Карта Сталинградской обороны 25

О том, что это были за бои, хорошо сказал командир 138-й стрелковой дивизии И. И. Людников: «Трудно воевать на широких донских просторах, когда танков у тебя нет, а противник маневрирует на ровной открытой местности, когда его самолёты безнаказанно летают через линию фронта, проникая в наши глубокие тылы, а над передним краем назойливо кружит фашистский воздушный разведчик. Все на виду у проклятой «рамы»...

Гитлеровцы широко использовали отработанные ими ранее методы прорыва, обхода и окружения обороняющихся частей. Имеющееся превосходство в силах позволяло им осуществлять этот манёвр. Но и в окружении, подвергавшиеся непрерывной бомбёжке, испытывавшие острую нехватку вооружения, боеприпасов, медикаментов и продовольствия войска сражались, держали оборону, выиграв время для подхода резервов. С самого начала великого противостояния на Волге наши части показали высокую боевую стойкость, нанося врагу значительный урон в живой силе и технике.

Тем временем немецкое командование приняло решение об усилении 6-й армии Паулюса. В неё впились ещё шесть дивизий, снятых с кавказского направления. С этой целью 4-я танковая армия противника изменила направление своего наступления и двинулась на Сталинград с юга. Вражеские генералы прекрасно понимали, что, как позже выразился на Нюрнбергском процессе Йодль: «судьба Кавказа решалась в Сталинграде».

Паулюс сформировал северную и южную группировки для прорыва русского фронта, прохода танковых колонн до восточной излучины Дона и удара против сосредоточенных здесь дивизий 62-й и 64-й армий. 5–10 августа при подавляющем превосходстве в силах и средствах, особенно в танках и авиации, немецкие корпуса 6-й полевой и 4-й танковой армий окружили шесть советских дивизий. Эти события стали настоящей трагедией, но в нашей печати об этом практически не говорится. В капитальном исследовании А. М. Самсонова дипломатично упоминается: «С запада от Сталинграда сосредоточились войска 62-й армии, где противник встал на пути от хода частей 33-й гвардейской, 147, 181, 229-й стрелковых дивизий». Немцы об этих же событиях выразились более чётко: «В большой излучине Дона взято в плен 13 тысяч русских».

Территориальные успехи фашистов ещё больше встревожили страну. 28 июля Верховный главнокомандующий И. В. Сталин издал приказ № 227, который требовал прекратить отступление. Ни шагу назад! Сейчас вокруг этого исторического приказа не утихают дискуссии, а тогда его зачитывали перед строем и принимали к беспрекословному выполнению.

Полки 138-й дивизии, в которой мне довелось в те дни служить, знали о содержании приказа после выхода из окружения от встречавших нас на Аксае воинов 126-й дивизии. Сам текст получили через сутки и начали разъяснять его бойцам. Проклятая «рама» кружила над степью, высматривая скопления людей, чтобы направить на них бомбардировщики, поэтому зачитать приказ перед строем было невозможно. Собирали бойцов небольшими группками в окопных ячейках и проводили беседы. По сути, индивидуальные. Но об этом я подробнее расскажу в следующей главе. Здесь лишь добавлю, что главное все понимали правильно и были готовы до последней капли крови драться за каждую пядь русской земли.

А враг был очень силён! Полки и батальоны 138-й буквально таяли. Пополнение же прибывало малыми группами, буквально по горсточке, в основном солдаты пожилого возраста. Причины всем были понятны – людские ресурсы страны были на пределе. Деревни буквально обезлюдели, рассказывали вновь прибывшие. Но народ крепился, преодолевая нужду и голод, делал все для того, чтобы армия не знала ни в чём недостатка. Пожилые мужчины шли на фронт, на их рабочие места становились мальчишки... Напряжение было столь велико, нужда в военной продукции столь сильна, что порой приходилось прибегать и к мерам принуждения. Статистики подсчитали, что за время войны разными формами было мобилизовано 29 миллионов 544,4 тысячи человек. Военкоматы мобилизовали людей на фронт, райисполкомы – на оборонные предприятия, шахты, железную дорогу, лесозаготовки...

Когда сегодня это принуждение называют «культом личности», «тоталитаризмом» и другими мудрёными словами, когда с презрением говорят о народе, покорно терпевшем» Советскую власть, я задаюсь вопросом: а был ли иной, более гуманный способ заставить

людей совершить невозможное? Была ли у народа иная возможность сохраниться, кроме как поверить этой власти и поддержать её? Иногда, чтобы сохранить человеку жизнь, ему удаляют и руки, и ноги, и внутренние органы... И кровь при этом течёт, и больно человеку, и страшно... Много я передумал об этом и пришёл к ясному пониманию: тогда другого пути спасения не было. От власти требовалось проявить чёткую и сильную политическую волю, и она её в достаточной степени проявила.

В Омской области население деревень сократилось почти на треть. По-разному сложились судьбы мобилизованных на новостройки и военные предприятия. Мне, как секретарю обкома комсомола, пришлось работать с этими группами населения, и я обязан сказать о них доброе слово. Если бы не они, не их терпение и мужество – могло и не быть нашей победы. В начале боёв за Сталинград у нас не хватало снарядов, и артиллеристы должны были отчитываться буквально за каждый выстрел. Стрельба в таких условиях должна была быть снайперской. А после Курской битвы мне довелось услышать такой вот разговор командира артполка с комбатом:

– Пятый, пятый! у тебя «огурчики» есть? Есть, товарищ первый. – а что ж ты тогда ворон считаешь? Я тебе ещё машину «огурчиков» посылаю. Отыскивай цели и долби!

А теперь представьте, насколько легче стало при таком раскладе пехоте! Насколько сократились потери! а всё люди, беззаветно работавшие на далеких тыловых заводах, выпускавших эти самые «огурчики»... Земной поклон вам, труженики!

Подводя итог всему сказанному, нужно спокойно и трезво признать, что к моменту начала Сталинградской битвы Советский Союз вёл борьбу с намного более сильным противником. Лишь устойчивые национальные традиции защиты Родины и энергично осуществляемые планы наращивания военной мощи помогли нашей державе выстоять. А наши союзники по антигитлеровской коалиции всё ещё «собирались с духом», выдерживая принцип, сформулированный ими ещё в годы Первой мировой войны: воевать до последнего русского солдата...

Да, летние бои на Сталинградском направлении начинались с ошибок и просчётов нашего командования. Если для укрепления

обороны по северному берегу Дона, чтобы не пропустить захватчиков в центр страны и к Москве, меры принимались энергичные, то опасность удара на юг оказалась недооцененной, более того, осталась неприкрытой «дыра», образовавшаяся восточнее Северного Донца. В неё-то и вонзились вражеские «клинья». Но наши ошибки породили ещё более крупные просчёты и стратегические ошибки немцев. Гитлер, загипнотизированный названием города, гнал в Сталинград всё новые и новые дивизии, оголяя фланги и коммуникации, что ещё в начале сражения смогли уловить наши выдающиеся стратеги. А. М. Василевский и Г. К. Жуков уже в середине октября начали разрабатывать грандиозную Сталинградскую наступательную операцию. В ней учитывался последний военный опыт, в том числе и опыт масштабных немецких операций по окружению наших армий.

В середине сентября, в один из тяжелейших моментов обороны, И. В. Сталин вызвал Василевского и Жукова и, выслушав сообщения полководцев, заключил: «Рвутся любой ценой к кавказской нефти». После оба маршала подробно описали состоявшийся разговор, где речь шла о необходимости искать «какое-то иное решение». На поиск его Верховный дал полководцам сутки. Как пишет А. М. Василевский, «хотя в целом по войскам Сталинградского фронта у нас не было преимущества перед врагом, но нам благоприятствовала оперативная конфигурация фронта, наши войска занимали охватывающее положение над основными силами противника в городе – вытянутыми флангами, что позволяло нанести мощные концентрические удары». На предложения стратегов Верховный сказал, что «у нас не хватает сил для такой большой операции». Выслушав доводы авторов плана, И. В. Сталин спросил: «А не далеко ли вы замахнулись ударными группировками?». В заключение же заметил: «Над планом надо ещё подумать и подсчитать наши ресурсы. Разговор этот продолжим, но то, что мы здесь обсудили, кроме нас троих, пока никто не должен знать».

Так началась подготовка решающего контрнаступления. Несмотря на большие пространственные успехи вермахта, наступательные возможности его оказались исчерпанными. Ударные группы «А» и «Б» были растянуты по фронту на 2 300 километров и находились на большом удалении как друг от друга, так и от

стратегического тыла. А. М. Василевский пишет: «Складывалась обстановка сосредоточения сил 6-й и 4-й танковой армий в городе Сталинграде при сравнительно слабых флангах. Напрашивалось решение организовать и провести контрнаступление, причём такое, которое не только изменило бы обстановку в этом районе, но и привело бы к крушению все ещё активно действовавшего южного крыла вражеского фронта».

Когда же контрнаступление началось, его выдающиеся успехи удивили и изумили мир. Особенность советской операции под Сталинградом в том, что она планировалась и начиналась в условиях преобладания Германии в промышленно-экономическом потенциале и почти что равенства военных сил. К началу наступления в строю у Красной армии насчитывалось 1 миллион 103 тысячи солдат и офицеров, у Германии – 1 миллион 11 тысяч. Самолётов у СССР 1 350, у Германии – 1 216. Лишь в орудиях и танках наша армия имела незначительное преимущество.

Сталинградская наступательная операция до сих пор изучается в военных академиях мира. Однако позволю себе заметить, что никакие планы командования не могли бы реализоваться, если бы не главный фактор нашей победы – невиданное мужество и стойкость советских войск, удержавших город, а потом нашедших в себе силы погнать врага на запад. Подсчитано, что за 160 суток обороны города наши войска потеряли 373 911 человек, из них 162 791 безвозвратно. Такова цена победы.

Обо всём этом и пойдёт речь в предлагаемой читателю книге. Я был свидетелем и непосредственным участником сражения, внесшего «великий перелом» в ход войны. Много лет я хранил в памяти огненную правду о Сталинграде. Изучал материалы, жадно прочитывал всё, что писали об этом другие. Мне самому не раз приходилось писать о Сталинграде и сталинградцах. Но здесь, сейчас, мне, перешедшему 90-летний рубеж, хотелось бы рассказать о людях, с которыми жил и сражался бок о бок, о красноармейцах и командирах 138-й стрелковой дивизии.

Глава вторая

НА ПОДСТУПАХ

Как уже было сказано в предыдущей главе, наше командование с запозданием определило направление главного удара немцев, больше всего опасаясь повторного наступления на столицу. Поэтому созданные Ставкой резервы начали перебрасываться под Сталинград из района Тула Рязань с некоторым опозданием. Этим и было предопределено высочайшее напряжение всего Сталинградского сражения.

Противник же сосредоточил к концу июня огромные силы и, начав 28-го числа наступление в направлении Щигры Воронеж, прорвал нашу оборону и уже 6 июля после ожесточённых боёв форсировал Дон в нижнем течении и начал продвигаться в большую излучину Дона, создавая тем самым непосредственную угрозу Сталинграду и Северному Кавказу. Избегая окружения, советские войска отходили с Северного Донца. Части 6-й немецкой армии развивали затем наступление по южному берегу Дона с целью захвата Сталинграда с ходу. Над городом нависла реальная опасность. В такой обстановке 12 июля, также с явным запозданием, был сформирован Сталинградский фронт.

Продолжая наступать, 23 июля фашисты заняли Ростов, к середине июля продвинулись до реки Чир. где были встречены спешно переброшенными сюда сибирскими дивизиями 112-й и 229-й.

НА ОСТРИЕ ГЛАВНОГО УДАРА

Дивизия второго формирования

138-я стрелковая дивизия, бойцам и командирам которой посвящена эта моя работа, была дивизией второго формирования. Так с 1942 года назывались вновь формируемые соединения, которым присваивались старые наименования – номера дивизий, так и не вышедших из окружения в начальный период войны. Формировались заново и дивизии, воевавшие с первых дней войны, от которых, как говорится, кроме номера, ничего не осталось. В этом был и большой нравственный смысл: новому личному составу как бы по эстафете передавались традиции прославленных соединений; сами же они, возрождаясь, как Феникс из пепла, становились символом бессмертия подвига во имя Родины. Именно такой была и 138-я стрелковая, боевое крещение получившая на Керченском участке и заново воссозданная на Кубани.

Дивизии второго формирования составлялись из призывников старших возрастов – указом Верховного Совета СССР призывной возраст был сдвинут с 1905 до 1895 и 1890 годов, чтобы «восстановить боевые потери, комплектовать вновь соединения и части, а также создавать резервы». Призыв в Красную армию воинов старших возрастов стал фактом признания тяжёлых потерь, понесенных нами в начальный период войны и огромной опасности, нависшей над страной. Но важно в этом и другое – уверенность власти в патриотическом настрое старшего поколения, помнившего ещё и старую жизнь, пережившего Гражданскую войну, годы засухи и голода, коллективизацию и раскулачивание, проводившиеся порой с грубыми перегибами. Но и получившего от Советской власти немало, главным образом, доступ к образованию. Расчёт оказался верным, дивизии второго формирования покрыли свои знамена неувядаемой славой.

История 138-й дивизии, командовал которой полковник И. И. Людников, может служить наглядной иллюстрацией критиче-

ского положения, в которое попали части, оказавшиеся в зоне прорыва немцами Юго-Западного фронта после позорного поражения в Харьковской операции. 138-я дивизия была создана в 1939 году и за бои на Финской войне удостоена ордена Красного Знамени. С началом Великой Отечественной дивизия героически обороняла Крым, где потеряла почти весь личный состав. Лишь горстка практически безоружных бойцов вышла к своим.

В числе вышедших из Крыма почти не было старших офицеров, командный состав комплектовался заново из числа выписываемых из госпиталей опытных офицеров. 28 мая полковник И. И. Людников получил из рук маршала С. М. Будённого орден Красного Знамени и назначение командиром 138-й Краснознаменной. Стали прибывать и другие старшие командиры. Как писал в воспоминаниях комдив, теперь трем командирам стрелковых полков не хватало «самой малости» – солдат. Вскоре прибыло и пополнение выписываемые из госпиталей призывники старших возрастов и ребята 1923–1924 годов рождения. Формирование проводилось стремительными темпами, но организованно и без суеты.

„Наш“ участок фронта

Итак, гитлеровцы прорвали наш Юго-Западный фронт и через образовавшуюся брешь на Северном Донце вышли в Донские степи. В начале июля комдив с группой офицеров был вызван на рекогносцировку местности по восточному берегу Дона. Определился наш участок предстоящего боя.

Информация запаздывала, и мы не знали обстановку. Когда нам назвали Дон местом будущего боя, мы даже не поверили этому. В газетах и по радио сообщали о боях за Барвенково и Изюм, и вдруг – Дон. 12 июля дивизия получила приказ перебазироваться на Дон в Дубовское, что в 35 километрах от Котельникова. Войдя в состав 51-й армии, она получила задачу занять оборону по левому берегу Дона от Цимлянской до Верхне-Курмоярской на рубеже шириной в 74 километра. При разгрузке в Зимовниках мы увидели кружившиеся над нами немецкие самолёты. Прозвучали первые команды «воздух».

Однако десятитысячный состав дивизии, как писал далее И. И. Людников, никак нельзя было назвать войском. Мы

располагали всего тремя сотнями винтовок и тридцатью автоматами. Эшелон с оружием, предназначенный для нашей дивизии, попал под бомбёжку на перегоне между Ремонтной и Сальском. Обстановка же осложнялась. По всем приметам было ясно – скоро воевать, а времени на то, что называется «сколачиванием подразделений», было в обрез.

С выходом на берега Дона полки рассредоточивались тоненькой цепочкой. В эти часы на Дону стали появляться группы и одиночки из числа отступающих с Северного Донца. Они стали нашими информаторами о неудачах на фронте. Многие отступающие были с оружием. Встречающий их работник штаба дивизии старший лейтенант В. Л. Коноваленко, решив собирать это оружие, срочно явился к комдиву и доложил обстановку.

И. И. Людников,
командир 138-й стрелковой дивизии

Об этом И. И. Людников пишет так: «Говорят, нет худа без добра. Худую весть принёс мне Владимир Коноваленко. Вечером он уехал проверить, как окапываются подразделения, и заодно разведать берег Дона, но вдруг прискакал обратно на взмыленной лошади. С непонятым восторгом Коноваленко стал докладывать, что через Дон переправляются разрозненные группы и подразделения частей. Я с удивлением глядел на Коноваленко – толковый командир, чему же он, дурень, радуется? – «Так ведь они с оружием, товарищ полковник! Кроме винтовок, есть пулемёты, четыре пушки с боеприпасами и на подходе гаубичная батарея». Решение было принято тут же. По берегу Дона в полках создали комендантские команды с задачей проверять и изымать оружие у отступающих. Изъятие проходило не так просто. Некоторые из бойцов уверяли, что

его винтовка «заговорённая» и спасает стрелка, а поэтому, прежде чем винтовку передать, целовали её и только потом, со слезами, сдавали.

За несколько дней мы частично вооружили дивизию винтовками и карабинами, ручными и станковыми пулемётами, противотанковыми ружьями, пушками, гаубицами, миномётами. Оружия было явно недостаточно, но жаждущий, как известно, рад и глотку воды.

13 июля, получив малое вооружение и не проведя ни одной боевой стрельбы, полки заняли боевые позиции на огромном протяжении восточного берега Дона, постоянно находясь под прицелом круживших в воздухе немецких самолётов. 17 июля восточнее хутора Красный Яр появилась группа вражеских мотоциклистов. Они направлялись к вновь построенному через Дон мосту, но были встречены огнём наших солдат и отступили. Так для 138-й дивизии 17 июля стало днём начала Сталинградской битвы.

18 июля немцы бомбили берега Дона. Но, так как мост они не тронули, наши опытные командиры определили, что надо ждать атаки немцев на мост. Они не ошиблись. После бомбёжки появились фашистские танки и автомашины с пехотой. Наши сапёры взорвали и подожгли мост. Началась активная перестрелка.

Встретив устойчивую оборону у моста, противник перенес главный удар южнее: у Цимлянской высадил десант, форсировал реку и начал возводить переправу для танков. Доставлены были детали сборного моста. Мы же не имели пушек для обстрела десанта и возводимой переправы. Оставалось скрежетать зубами. В воздухе непрерывно гудели вражеские самолёты, а у нас не было зениток для стрельбы по ним. По низко летящим самолётам палили из винтовок. Так было сбито два самолёта. (Об этом рапортовал наш штаб и соседний артполк, приданный для усиления.) в этом бою отличился помкомвзвода 768-го полка сержант Н. В. Смышляев, одним из первых в дивизии награждённый орденом Отечественной войны.

Из опубликованных данных известно, что в районе Цимлянской были сосредоточены четыре пехотные, две танковые и одна моторизованная немецкие дивизии. 25 июля соединения 4-й танковой армии врага, поддержанные значительными силами авиации и артиллерии, перешли в наступление с захваченного плацдарма. Эта

усиленная группировка смяла ослабленные полки нашей 51-й армии. Дивизии 4-го танкового корпуса врага с приданными к ним пехотными дивизиями атаковали станции Зимовники, Ремонтную, где размещались снабженческие базы 138-й и других наших дивизий.

В. И. Чуйков,
в июле 1942 года заместитель
командующего 64-й армией

На рубежи 138-й начала наступать 1-я румынская пехотная дивизия, усиленная танками и артиллерией. Удар наносился на стыке 650-го и 768-го полков, занимавших оборону на широком фронте. Воины дивизии стойко отразили атаки превосходящих сил врага. В очерке, написанном для создававшейся истории дивизии, я со слов очевидцев писал: храбро сражались бойцы 2-й роты 650-го полка, которой командовал комсомолец лейтенант В. С. Красноперов. Четыре раза противник пытался сбить роту с занимаемого рубежа, но, встреченный дружным огнём воинов, поворачивал вспять. Под вечер, когда натиск наступающих ослаб, лейтенант поднял роту в контратаку и отбросил врага на значительное расстояние.

В том первом бою в Сальских степях замечательно себя проявили и воины 295-го артполка, в котором появился первый кавалер ордена Красного Знамени старший сержант М. Г. Рябченко. Его бойцы точным огнём уничтожили несколько огневых точек и много живой силы противника.

За активную оборону, стойкость, отвагу и нанесение противнику значительных потерь личный состав дивизии получил благодарность от Военного совета 51-й армии.

30 июля части 4-й немецкой танковой армии, перейдя в наступление, заняли Зимовники, Ремонтную и продолжили развивать наступление на юг и север вдоль железной дороги и в Калмыцкую

степь. Четыре эшелона 208-й дивизии, прибывшей с Дальнего Востока, были уничтожены «Юнкерсами» и танками противника. 2 августа гитлеровские танки и мотопехота заняли Котельниково, а на следующий день – станцию Жутово в 100 километрах юго-западнее Сталинграда.

За Дон стали выбрасываться вражеские десанты. В связи с продвижением танковых колонн противника к Сталинграду 138-я и соседняя с ней 57-я дивизии потеряли связь со штабом армии и оказались с юга обойденными танками врага. Дивизии попали в труднейшее положение. Кончались боеприпасы, прекратилось регулярное снабжение продовольствием, а враг проявлял особую активность, его самолёты висели над нашими позициями буквально целый световой день. С утра появлялась «рама» – двухфюзеляжный разведчик, имевший хорошую связь с наземными войсками. Достаточно разведчику заметить машину или повозку – появляется группа бомбардировщиков и участок подвергался усиленной «обработке».

Однажды мы стали свидетелями того, как немецкий «Юнкерс» гонялся за нашим малым самолётиком У-2 как раз над позициями наших полков. Как оказалось, в У-2 находился заместитель командующего 64-й армией В. И. Чуйков.

В. И. Чуйков вспоминал, что после ознакомления с войсками, назначенными для контратаки, он решил пролететь на самолёте вдоль фронта 64-й армии и осмотреть наши позиции с воздуха. «Юго-восточнее Суровикина мы встретились с фашистским самолётом Ю-88, который сделал разворот и пошёл на нас в атаку. Наш самолёт У-2 был совершенно не вооружён, а Ю-88 имел пушки и пулемёты. Начался бой кота с мышью. Раз десять бросался в атаку фашистский пират. Казалось, наш самолёт развалится в воздухе от пушечного и пулемётного огня противника. Приземлиться в голой степи было нельзя, мы стали бы неподвижной мишенью и немедленно были бы расстреляны пушками Ю-88. Наш лётчик, ориентируясь по солнцу, стремился на восток и искал хоть какую-нибудь деревеньку или лесок, за которым мы могли бы временно скрыться от стервятника. Но степь была пуста... Не помню, после какой по счёту – девятой или десятой атаки противника наш самолёт ударился о землю и развалился пополам. Мы маневрировали у самой земли, поэтому падение для меня и лётчика обошлось

сравнительно благополучно. Нас только выбросило из кабин: меня с шишкой на лбу и с болью в грудной клетке и в позвоночнике; лётчика с кровоподтёками на коленях». Описанный маршалом воздушный бой происходил юго-западнее Суровикина на участке, куда ночью вышли подразделения 138-й дивизии, и мы были свидетелями этого неравного боя. После падения командующий и лётчик были приведены в штаб дивизии и представлены нашему комдиву. О месте размещения штаба нашей дивизии В. И. Чуйков отзывался не лучшим образом: «Людников пригласил меня в щель метра полтора шириной и метров шесть длиной. Она показалась настолько узкой, что, несмотря на приглашение, я не спешил в неё лезть». Срочно были вызваны разведчики, находившиеся вблизи наших позиций, которые и увезли В. И. Чуйкова. Замечание о неудобствах размещения штаба 138-й дивизии вполне справедливо. Мы лишь ночью вышли на эти позиции. И сапёры успели выкопать только ту «узкую щель», о которой пишет В. И. Чуйков. Эта щель являлась местом работы комдива и его штаба и вместе с тем наблюдательным пунктом за полем боя.

Приведённый факт демонстрирует соотношение сил воюющих сторон в воздухе. В боях над Доном, впрочем, как и в течение всей Сталинградской битвы, немцы умело и интенсивно использовали свою авиацию. Самолёты с рассвета и до темноты буквально висели над нашими войсками, гоняясь в степи за отдельными машинами, повозками и людьми, обеспечивая бомбоштурмовыми ударами наступление даже мелких подразделений.

Полки героев

Так уж сложилось, что в моменты наивысшей опасности в бой вступали курсанты военных училищ. Так было осенью 1941 года под Москвой, так было и в июле 1942 года в жарких Донских степях. В составе только что созданной для прикрытия Сталинграда 62-й армии находилось шесть стрелковых дивизий и четыре полка, сформированных на основе военных училищ юга страны. Около пяти тысяч курсантов Урюпинского, Нальчикского, Орджоникидзевского, 3-го Грозненского и Житомирского военных училищ входили в состав 192-й стрелковой дивизии. В сводках приходилось встречать назва-

ния Краснодарского и Винницкого училищ. Сводный курсантский полк, входивший в состав 138-й дивизии, покрыл себя неувядаемой славой, отражая бесчисленные атаки противника.

Считаю необходимым сказать о подвигах этих семнадцати-восемнадцатилетних мальчишек особо.

Бывший начальник штаба 62-й армии, будущий маршал Н. И. Крылов написал о них в своих мемуарах: «Курсантские полки первыми прибывали в Донскую степь, становились передовыми отрядами дивизий, боевым охранением, а потом нередко использовались в качестве надёжных отрядов прикрытия. Передаваемые различным дивизиям, они везде дрались доблестно, но день ото дня редели». «Полки героев», – сказал о них командующий 62-й армией Лопатин.

Я уже писал, что с вооружением было плохо, с тяжёлым вооружением – особенно. Это же в полной мере относится и к курсантским частям. Некоторые прибывали на передний край буквально безоружными, без средств связи. При отправке их обещали вооружить на месте... Но вот они прибывали первыми в степь, где ещё не было никого, а враг уже наступал. Добывать оружие приходилось в бою. Полки героев – иначе не скажешь!

12 и 13 сентября у Зелёной Поляны мне пришлось участвовать в боях вместе с бойцами сводного полка Краснодарского училища, отбивая атаку за атакой полка немецкой пехоты, поддержанной 30–40 танками. В короткие моменты затиший они рассказывали мне, как их подняли утром по тревоге и, ничего не объяснив, отправили на передовую. Многим из них не было и восемнадцати – чтобы попасть в училище, они прибавляли себе возраст. Позднее, когда выписывал им комсомольские билеты, ребята просили написать истинный год рождения.

И потом, уже в 1943 году, в ходе Курской битвы, мне вновь пришлось встретиться с курсантскими полками. И вновь – настал решающий час. Фашисты готовили реванш за поражение под Сталинградом, выигрывать битву нужно было во что бы то ни стало. А людские ресурсы страны были уже исчерпаны. Тогда к нам, на Курскую дугу, стали прибывать курсанты сибирских военных училищ, в том числе 380 человек из Кемеровского.

По их словам, в апреле по училищу объявили, что для получения

лейтенантских аттестатов им придётся пройти «практику в действующих частях». Личный состав училища был выстроен на плацу, и начальник, зачитав приказ, скомандовал сделать шаг вперёд тем, кто хочет отправиться «на практику», пояснив, что это не обязательно должны быть все курсанты, некоторые могут остаться в запасном полку.

Шаг вперёд сделали все. Несколько человек, зазевавшись, отстали, но быстро присоединились к строю. Начальник скомандовал: «Отставить!» – и ещё раз пояснил, что нужны только добровольцы. На сей раз шаг вперёд сделали все одновременно. Остаться в запасном полку не захотел никто.

Курсанты были распределены в 70-ю и 75-ю гвардейские дивизии 17-го гвардейского корпуса, стоявшего в обороне на орловском направлении, где враг сосредоточивал огромные силы для прорыва на Курск. Сибирские курсанты встали на пути немецких танков, подбивая машины, уничтожая пехоту. Стояли насмерть, понесли большие потери, но атаку чудовищной силы отбили!

Позже курсанты Кемеровского училища стали проследить судьбы своих однополчан. Выяснилось, что из 380 прибывших тогда под Курск мальчишек войну довелось закончить лишь 126...

Даже сегодня, по прошествии десятков лет, не могу спокойно вспоминать об этих ребятах. Цвет нации! Они тянулись к образованию, они были талантливы и красивы, они были горячими патриотами. Даже представить себе невозможно, какой была бы жизнь страны, останься те мальчишки в живых!

Расскажу об одной судьбе. 13 ноября 1942-го в окопчике на «Острове Людникова» рядом со мной отбивал атаки немцев Фёдор Дмитриевич Егоров, 1924 года рождения. Прибыл в нашу дивизию из Краснодарского авиационного училища и был радистом дивизионного штаба. Повезло, был дважды ранен, но закончил войну и демобилизовался. Решил сменить специальность и поступил в Московский топографо-картографический институт. По окончании вуза получил назначение в картографическую экспедицию. Получил правительственное задание пройти от Урала до Охотского моря и на широком мало-, изученном участке нанести на карту точные координаты гор, рек, расщелин и т. д. После трёх лет работы создал карту (отпечатанную, кстати сказать, на Омской картогра-

фической фабрике), получившую высокую оценку и удостоенную Государственной премии. Был награждён орденом, стал директором Свердловской картфабрики, преподавал.

А сколько других, не менее талантливых ребят полегло на полях сражений под Москвой, в Сталинграде, на Курской дуге! и невольно встает вопрос: а так ли уж необходимы были эти жертвы? Сколько исписано бумаги на эту тему в годы «перестройки» и позже! Да и самого меня не покидает глубинное и неизбывное чувство вины...

Легко сегодня, сидя в тёплом кабинете, рассуждать о целесообразности того или иного действия военного руководства воюющей державы. Конечно, курсант – будущий (причём в очень скором будущем) офицер, командир, и разбрасываться такими кадрами, используя их в качестве рядовых солдат, неправильно, неразумно. С другой стороны, велик и соблазн исправить допущенный просчет, «заткнуть дыру» курсантами, уже готовым, отмотилизованным и частично обученным подразделением, состоящим к тому же из молодых, сильных ребят! Полагаю, что и такое случалось, чего только не бывало за четыре года войны!

Но я, в отличие от сегодняшних «гуманистов», видел этих ребят в деле, говорил с ними и никогда, как бы тяжело ни приходилось, не слышал от них жалоб или стенаний! Стоит лишь представить, как одновременно шагнули вперёд 380 кемеровских курсантов, и слёзы наворачиваются у меня на глазах. Слёзы гордости за ту молодёжь, которая, в отличие от нынешней, понимала, за что идёт в бой и за что, если придётся, не жалко отдать жизнь.

А чувство вины... Об этом объединяющем всех выживших чувстве гениально написал великий русский поэт Александр Трифонович Твардовский:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там.
И не о том ведь речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь.
Речь не о том. Но все же... все же... все же...
Вечная память вам, мальчишки.

28 июля 1942 года Народный комиссар обороны И. В. Сталин обратился к армии и народу с приказом № 227, в котором с суровой прямоотой показал нависшую над страной смертельную опасность и потребовал прекратить дальнейшее отступление, остановить наступающего врага. Этот указ обоснованно можно назвать молитвенным зовом Отчизны о спасении и её призывом к народу о принесении новых жертв ради сохранения страны.

К войскам, находящимся в Сальских степях на острие главного удара превосходящих сил противника, приказ № 227 относился в первую очередь. Но одно дело – получить такой приказ, находясь в обороне. И совершенно другое – получить его в условиях, когда войска вынуждены отходить под напором сотен танков при непрерывных бомбёжках! а именно в таком положении и оказались полки 138-й дивизии, которые после упорных боёв на Дону под Цимлянкой, отрезанные от основных сил Северо-Кавказского фронта, отходили на юго-восток, не имея связи с высшим командованием. Комдив 138-й И. И. Людников получил телеграмму командующего 51-й армией о предоставлении ему права действовать самостоятельно с учётом обстановки. Такой самостоятельности, пишет И. И. Людников, не возрадуешься: «Боеприпасы и продовольствие на исходе, до армейских складов не добраться, а как и кто будет нас снабжать – неизвестно. Потом связь с 51-й прекратилась вовсе».

Приходилось действовать на свой страх и риск, стремясь закрепиться и держать оборону. Полки и другие подразделения ночами спешно передвигаются на новые рубежи. На новых местах в темноте срочно окапываются, маскируются. Утром появляется «рама», с воздуха просматривает местность. Достаточно ей заметить скопление солдат, немедленно вызывает группу бомбардировщиков. И горе тому, кто попадет под бомбёжку.

Через соседние дивизии получили текст приказа № 227, начали его разъяснение. Проводили беседы по подразделениям, используя минутные остановки, кухонные перерывы, организовывали групповые читки. Пришлось исползать весь передний край, добираясь даже до отдельных стрелковых ячеек, чтобы побеседовать с бойцами, донести приказ до каждого. Следует отметить правильное по-

нимание солдатами необходимости сталинского приказа и объективность оценки ими обстановки. Многие сами говорили: дальше нам отступить некуда, позади Волга. Мне пришлось проводить беседы в батареях артполка и в ротах 344-го стрелкового полка.

Дело прошлое... Непросто приходилось политработникам в начальный период войны! Начинаешь разговор, бойцы внимательно слушают о состоянии дел на других участках фронта, об утраченных нами территориях, об оказываемом врагу сопротивлении. Начинаешь говорить о героической работе заводов в тылу – сразу вопрос: а почему же тогда у нас так мало танков, почему совсем не видно наших самолётов? не все сразу, объясняешь, видимо, сейчас их посылают на другие фронты, дойдет очередь и до нас... Лично я делал упор на вековую отсталость России: мы стремились за десять лет провести индустриализацию и догнать развитые страны, но не успели. А по глазам видишь и верят, и не верят. Всегда обязательно спрашивали о втором фронте. Приходилось выкручиваться, ведь и самого зло на союзников берёт, и в то же время нельзя же их ругать, всё-таки «товарищи по оружию»! Неудачи 1941 года объясняли внезапностью нападения немцев, 1942-го – трусостью рядового состава и младших командиров... О громадном превосходстве врага в технике и вооружении не говорилось ни слова... Впрочем, это бойцы видели своими глазами и чувствовали на своей, что называется, шкуре.

В приказе главкома говорилось о необходимости повышения дисциплины и порядка. На это солдаты реагировали правильно. В последнее время – начиная с «перестройки» – в печати много пишут о штрафных ротах и заградотрядах. Не могу судить о других участках фронта, но лично я на рубежах 138-й и соседних дивизий таких подразделений не встречал и не видел, хотя мы как раз находились на участках отступления. (Кстати, слово «отступление» старались употреблять реже. У нас чаще говорили о смене позиций, о переходе на новые рубежи.) в результате постоянных тяжёлых боёв полки и роты несли немалые потери, подразделения находились в некомплекте, людей не хватало для занятия обширных позиций. С выходом на Есаульский Аксай тысячному составу нашей дивизии был отведён рубеж шириной в 20 километров – то есть в среднем на одного стрелка приходилось 20 метров фронта. И вот в такой

обстановке некоторым сегодняшним «мудрецам» представляется, что позади стрелков стояли ещё заградотряды, удерживая солдат от бегства. Не было такого. Люди сознательно шли на жертвы ради победы над заклятым врагом. Я видел это собственными глазами.

При отходе на Мышковец я узнал, что на соседнем участке через Дон отходят части 229-й дивизии, сформированной на моей родине, в Ишиме. Захотелось встретиться с земляками. Через Васильевку и Громославку мы ночью проскакали на лошадях до переправы через Дон и никаких заградотрядов не встретили. Не комиссары удерживали бойцов на позиции, а бойцы вместе с комиссарами ходили в атаки, держали оборону и вносили свой вклад в ослабление врага, что в итоге и обеспечило Сталинградскую победу.

Недавно скомплектованные подразделения отступали ночами. Солдаты знали номер своей роты, но не всегда могли назвать соседние. Часто шли вразброд, были отстающие. Некоторые прибывали с большим опозданием, разыскивая свои роты, взводы.

Вместе с нами вышел из окружения странный солдат: он двигался босиком. А связанные шнурками ботинки нес через плечо. Добравшись до наших, попросил воды. Выпив две кружки подряд, отправился искать офицера, нашёл, доложил, что отстал от части, поскольку ему достались плохие ботинки, которыми стер ноги, шёл босиком, а вот выданный ему противогаз пришлось бросить, замаскировав в степи. На вопрос, почему же не остался в каком-нибудь селе, солдат твердо ответил: «Я же при оружии и должен быть в строю».

На всю жизнь запомнился мне этот немолодой воин, босой, с винтовкой в руках. Для меня он был и остается олицетворением борющейся России, усталый, плохо вооружённый, но преданный Родине и готовый сражаться за неё до конца.

Смена позиции – не отступление

С выходом колонн 4-й немецкой танковой армии к железнодорожным станциям Котельниково и Жутово и форсированием Дона у Верхне-Курмоярской 138-я и 157-я дивизии, отступающие от Цимлянской, оказались под угрозой окружения и, пользуясь ночной темнотой, избегая бомбёжек, спешно отходили к Есаульскому Аксаю.

138-я дивизия по-прежнему действовала самостоятельно с учётом обстановки. Когда противник, двигавшийся вдоль железной дороги, начал обход дивизии, войска начали отходить по узкому участку восточного берега Дона. Нам предстояло быстро преодолеть около 50 километров и выйти на Аксай.

Отход начали по малопроезжей дороге, по которой отступали местные колхозы со скотом и имуществом. Комдив приказал обогнать неповоротливую гражданскую колонну, чтобы успеть потемну выйти на новый участок. А для этого было выделено несколько наиболее сильных бойцов, чтобы провести разведку. Попал и я в эту группу. Мы где бегом, где на лошадях проскочили гигантский табор и довольно быстро достигли цели, где встретили казаков из сотни самообороны. Один из нас вместе с казаком отправились назад для доклада, остальные присели отдохнуть. Мимо нас нескончаемой чередой шли и шли смертельно усталые люди, спасавшиеся «от немца»...

Третьего августа в этот район прибыл В. И. Чуйков, назначенный командующим южной группировкой 64-й армии. Он взял отходящие дивизии под своё командование и определил чёткие задачи: создать устойчивую оборону по реке Аксай. 138-я заняла оборону по северному берегу Аксая на рубеже Городской, Ново-Аксаиский. Так как фронт обороны оказался растянутым на 20 километров, создавались лишь опорные пункты. Справа заняла оборону 214-я дивизия, а слева – 157-я.

Активно стали действовать разведчики. Они установили сосредоточение значительных сил врага, что свидетельствовало о подготовке наступления. На рассвете 5 августа враг открыл ураганный артиллерийско-миномётный огонь, завершившийся налётом нескольких групп вражеских самолётов. В. И. Чуйков, находившийся в эти часы на позициях 138-й, пишет: «Когда вечером 5 августа наши разведчики и наблюдатели обнаружили перед фронтом обороны скопления пехоты, артиллерии и обозы, особенно в балке Попова, стало ясно: противник готовит наступление. Командующим было принято решение: упредить противника, на рассвете ударить по скоплению противника». А далее В. И. Чуйков отмечает: «С наступлением темноты противник повел себя беспечно. На его стороне машины двигались с зажжёнными фарами, нисколько не боясь

нашей авиации, танки не прятались, они ждали, когда для них наведут переправу. Стало ясно, что противник пустит в ход бронированный кулак, когда его авиация повиснет над нашими головами, когда артиллерия подавит наши огневые точки, пехота двинется вперед, и противник рассчитывает проутюжить наши окопы гусеницами. Наш контрудар готовился на раннее утро. Наш расчёт на внезапность полностью оправдался. Чуть свет артиллерия открыла огонь по скоплениям противника, и мы, находясь на высоте 147, видели, как из балок и укрытий начала разбегаться вражеская пехота, за ней обозы и артиллерия. Все это в беспорядке бросилось на юг. В результате боя 6 августа противник понес большие потери убитыми, ранеными и пленными. Мы захватили восемь орудий, много винтовок, пулемётов». В заключение В. И. Чуйков пишет: «Я убедился, что войска, собранные при отступлении, не потеряли боевого духа, дрались хорошо, в атаки ходили дружно, врага встречали без паники и стойко, а это было самым главным».

Ошибаются те, кто думает, что с отступлением проблемы подразделения заканчиваются. Наоборот! Вот, к примеру, результат личных наблюдений при многочисленных «сменах позиций». За короткую летнюю ночь надо было не только перевести часть на 15–20 километров, не растеряв при этом личный состав, но и разместить на новых рубежах, рассредоточить, замаскировать, накормить солдат и обеспечить связь. То, что отцы-командиры проявляли выдающееся воинское мастерство, спокойствие и рассудительность, у меня лично не вызывает никакого сомнения. Сужу, разумеется, по своей 138-й дивизии.

При отходе от Цимлянской до Бекетовки, напомним, без регулярной связи со штабом армии, за месяц полки дивизии трижды едва не попадали в кольцо окружения. Выходили по узкому коридору дважды, ориентируясь на немецкие ракеты, освещавшие их передний край. Выходили подразделениями, часто мелкими группами, но к рассвету быстро собирались и успевали занять оборону. Люди лишь в редких случаях не находили своих и вступали в строй в новых взводах или ротах. Все спешили к своим, чтобы, не дай бог, командир не зачислил в число «уклонившихся», чтобы не опозорить своё имя (слово «дезертир» так же, как и «отступление», старались не употреблять).

В деле сохранения организованности, военной дисциплины не последнюю роль играла организация снабжения. Батальонные конные кухни превращались в объекты сосредоточения, и в том, что они функционировали бесперебойно, огромная заслуга командиров и их ближайших помощников – старшин. Конная кухня и сопровождающая её повозка с продуктами в Сальских степях стали объектами нападения вражеских самолётов. И надо было их беречь, укрывать днём, готовя пищу, чтобы ночью накормить роту или батальон. Худо было с организованным снабжением, но старшины искали и находили выходы, умели вступать в сношения с колхозниками и обеспечивать солдат питанием. В Сальских степях не раз нам на ужин выдавали кашу из дробленой пшеницы, взятой из ворохов на колхозных бригадных станах. Эта же пшеница становилась основой для щей или супа, заправленного мясом.

При больших переходах за короткую летнюю ночь важным оставалось не просто вывести подразделение, но и успеть укрыться от дневных стервятников. И. И. Людников в воспоминаниях приводит рассказ пулемётчика Белобородько, который одним из первых под Цимлянкой получил орден Отечественной войны. После тяжёлого ночного перехода командир одной роты, молодой лейтенант, привел роту в станицу, решив оставить свою изнуренную команду на отдых в селе: «Завернем до хат, притомились солдатки, нехай отдохнут». Командир же второй роты повел своих бойцов и лошадей в камыши. Днём фашистская «рама» зафиксировала скопление наших солдат, налетели «юнкеры», и первая рота понесла большие потери. После гибели части роты 344-го полка командир полка Алексеенков особо предупредил о необходимости маскировки от фашистских самолётов. Движение больших групп бойцов и транспорта при наличии в воздухе «рамы» запрещалось.

Спешные ночные переходы по почти безлюдной степи остались навеки в памяти. Особо запомнился переход к берегам реки Есаульский Аксай. Из района северо-восточнее Котельникова с берегов Курмоярского Аксая полкам дивизии предстояло за ночь выйти к Есаульскому Аксаю. Карт не было, расспрашивали местных и спешно шли. Перед этим мы помогали, частично приняв их в свои ряды, сибирякам из 208-й дивизии, попавшим под бомбёжку в Котельникове и на станции Чулеково. Шли по дорогам, забитым

стадами скота, – продолжалась его эвакуация из районов, которым угрожала оккупация.

Немцы продвинулись по железной дороге и высадили десанты за Дон, угрожая сомкнуть кольцо и окружить две наши дивизии. До завершения окружения оставалось чуть-чуть, стоило лишь перекрыть узенький коридор. Стоявшие немецкие дивизии непрерывно стреляли ракетами, обозначая место своего размещения. Эти ракеты и обозначали тот коридор, по которому мы могли выйти. Во главе колонны стал сам комдив И. И. Людников. К нему примыкала группа конных разведчиков и пехотинцев из числа молодых и сильных. Я оказался в их числе. Из общей группы решили выделить несколько человек, которым предстояло пробежать километров пять, разведать путь и вернуться навстречу идущей колонне. Я вновь попал в эту группу. Ориентируясь на вражеские ракеты, мы бежали с полчаса, потом повернули навстречу идущим, доложили комдиву, что километра на четыре путь свободен. За нами побежала новая группа, которая-то и вышла на боевой дозор наших частей западнее Есаульского Аксае. Так подразделения 138-й дивизии вышли из наметившегося мешка возможного окружения. (Вот как раз на берегу Аксае мы и наблюдали тот неравный воздушный бой, в котором чудом уцелел В. И. Чуйков.)

РУБЕЖ НА ЕСАУЛЬСКОМ АКСАЕ

Успешная атака 6 августа подняла настроение личного состава дивизии. И рядовым, и всему командному составу казалось, что мы практически приступили к выполнению приказа «Ни шагу назад!». Нам виделось, что мы разбили ударный кулак врага и предстоят новые наступательные операции. Некоторое смущение вызывало то, что в плен были взяты только румыны. Это дало основание командирам лучше готовиться к боям: догадывались, что позади румын главная сила – немцы с их техникой.

Начавшийся день 7 августа показал, что более тяжёлые бои ещё впереди. Утро ознаменовалось появлением «рамы» и массированным налётом бомбардировщиков. Одна группа самолётов сменялась другой. Наряду с бомбёжкой велся интенсивный обстрел артиллерией и миномётами. Вслед за обстрелом в атаку пошла пе-

хота. Как пишет В. И. Чуйков, «7 августа противник снова перешёл в наступление на том же направлении. К полудню ему удалось вклиниться в нашу оборону километров на пять–шесть. В обороне проявили себя наши пехотинцы и артиллеристы. Сближались с наступающими и вели прицельный огонь, наносили врагу значительный урон. Тяжёлые минуты пережили пушкари батарей 295-го полка. Ободренные успехом прошлого дня, сменили боевые позиции и увели передки в укрытия. Позиции артиллеристов подверглись особо яростной бомбардировке. Несмотря на потери, полки дивизии были готовы к новому наступлению».

С учётом действий врага В. И. Чуйков вместе с командирами дивизий решили изменить тактику. «Исправить положение снова решили контратакой, – пишет В. И. Чуйков. – Задача формулировалась кратко: разгромить и отбросить противника за Аксай. Но контратаку решили провести не днём, когда авиация противника действовала особенно энергично, и не утром, как это сделали 6 августа, а за два часа до захода солнца, когда его авиации почти не остается светового времени и когда его танки, отделенные от пехоты, будут ещё за рекой. Наша атака опять прошла успешно, противник был отброшен за Аксай».

Этот небольшой успех очень воодушевил бойцов. Мы были уверены, что нанесли урон ударной группировке врага. Проводили беседы по ротам, готовили боевые листки. Большая группа отличившихся была представлена к наградам.

Определенные выводы об аксайской группировке 64-й армии сделал, однако, и противник. Усилилась воздушная разведка над районом, участились авианалёты на наши позиции, что позволяло делать превосходство врага в силах, особенно в авиации. Танкисты перебросенной к нам в поддержку бригады вступили в бой с танками врага. Немцы бросили в атаку до 60 машин. С ними в бой вступили восемь наших танков, в том числе четыре Т-34. Мужественно сражаясь, наши танкисты ворвались в центр немецкой колонны и вынудили противника отступить, чему все мы несказанно радовались. Один из бывших строителей новых заводов с гордостью сказал: «Это наша индустриализация!».

На горстку наших танков немцы направили целую эскадрилью бомбардировщиков. В. И. Чуйков, наблюдавший этот бой, написал:

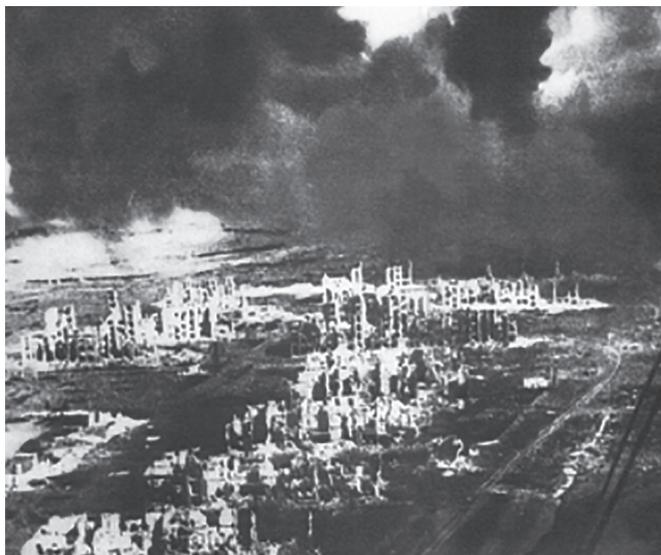
«Чтобы сломить сопротивление на этом участке, противник бросил свою авиацию, которая волнами по 20–25 самолётов бомбила боевые порядки, тылы и переправы». Ожесточённой бомбёжке подверглись две наши батареи, недостаточно замаскированные. Но 1-я батарея хорошо сохранилась. Перед нею была оборудована ложная батарея, её-то и бомбили немецкие стервятники. Передки же и лошади этой батареи были старательно укрыты в тальнике, недалеко от Дона. В этом была заслуга старшины Селиванова.

Об этом отважном защитнике Сталинграда следует сказать особо. После Финской орденосная 138-я дивизия была переведена на турецкую границу и размещалась в Армении, в городе Кировокане. Здесь нас и застал день 22 июня. Получили пополнение из местных мобилизованных, в основном из армян. Но среди призываемых были и русские, предки которых прибыли сюда ещё в XIX веке. Выскажу своё мнение об этих русских. Находясь вдали от основной родины, они жили думами о ней. Для них она оставалась в озарении святости. И, оказавшись в воинских частях вместе с русскими солдатами, эти русские из Армении проявили себя отличными воинами, мужественно и находчиво защищавшими свою страну. Таким был и старшина Селиванов из Степанокерта. Наш артполк был на конной тяге. Сохранить лошадей и держать их в хорошем состоянии – задача старшин. Селиванов отлично с этим справлялся. Старательный, думающий воин хорошо обеспечивал батарею питанием, часто появлялся на боевой позиции, подносил снаряды.

Южная группировка фашистских войск непрерывно увеличивалась. В состав 4-й немецкой танковой армии переводились всё новые и новые соединения. Понемногу росла численность и наших войск. «Переведенные части, как отмечает В. И. Чуйков, несколько увеличили довольно редкие боевые порядки Южной группы, особенно на правом фланге. Используя естественные препятствия – реку, овраги, балки, мы создали прочную оборону. На этих позициях полки 138-й простояли до 12 августа».

Переходу на новые позиции предшествовал крупный бой. Как пишет И. И. Людников, «в ночь на 11 августа я получил распоряжение отойти на новый оборонительный рубеж (внешний Сталинградский). Но ночную атаку, ранее назначенную, не отменил. Она началась в тот час, когда вражеские солдаты ужинали в своих окопах.

Без единого выстрела, без сигнальных ракет ринулись наши бойцы вперёд, одним броском достигли траншей неприятеля. В полночь, овладев населёнными пунктами Генераловский, Кондауров и Сазонов, мы истребили свыше четырёхсот гитлеровских солдат и офицеров. В своё расположение вернулись с двадцатью пятью пленными и с большими трофеями». «В эту же ночь дивизия бесшумно снялась, оставив на старом рубеже разведывательный и учебный батальоны, артиллерийскую батарею. ещё не забрезжил рассвет, а те, кого мы оставили для прикрытия, развили такую активность, что дезориентированный противник ждал новой атаки. Внезапно для гитлеровцев оба батальона и батарея через сутки отошли. Так дивизии удалось со вершить марш на новый рубеж, не имея за спинойседающего противника».

Сталинград в огне

Из фондов
музея-заповедника
«Сталинградская битва»

Новым рубежом обороны 138-й стал участок железной дороги – разъезд 74-й километр – район совхоза имени Юркина. Малочисленным попкам 138-й дивизии противостояла немецкая 297-я пехотная дивизия, поддержанная танками и самолётами. Контратаками удалось остановить наступление танковых колонн и мотопехоты врага. В завязавшемся бою особо отличился 3-й батальон 650-го

полка, имевший в своих рядах 120 человек. О бойцах 3-го батальона так вспоминал комдив И. И. Людников: – 138-й удалось контратаками остановить немцев в районе совхоза имени Юркина, но при этом понес значительные потери полк Печенюка (650-й стрелковый полк. – А. К.). Тяжёлый бой завязался у железнодорожного разъезда 74-й километр. Немного было людей в 3-м батальоне, но каждый из них заслужил, чтобы на братской могиле у этого рубежа, где погиб батальон, был воздвигнут памятник.

Шесть часов удерживали солдаты свой рубеж, хотя знали, что уже сражены комбат Бобыкин, военком Фёдоров и другие командиры. Немецкий полк, поддержанный большим количеством танков, прорвался лишь тогда, когда пал последний солдат 3-го батальона».

Кроме названных комдивом комбата и комиссара, в этом бою героически погибли командир роты В. В. Дубровин, командир взвода Г. К. Устинов. В числе особо отличившихся можно назвать красноармейца П. С. Водяного.

О напряжённости боя у разъезда 74-й километр свидетельствуют неоднократные атаки танков и пехоты врага. После налёта бомбардировщиков и артобстрела немцы предприняли первую атаку, но, потеряв несколько танков и солдат, отошли, и начались новая бомбардировка участка и интенсивный артобстрел.

Оставшимися в живых была отбита и вторая атака неприятеля. И лишь третья атака мотопехоты, когда из защитников никого в живых уже не оставалось, завершилась выходом гитлеровцев на рубеж батальона.

Немецкие танки с десантом пехоты продвинулись на соседний участок и перекрыли балку, где размещался штаб 650-го полка. Начштаба старший лейтенант А. П. Лапшин с лейтенантом связи, располагая группой связистов и сапёров, оказались окружёнными. Связь прервалась. В освобождении окружённых бойцов пришлось участвовать и автору этих строк.

Работники политотдела постоянно находились в подразделениях. Утром я направился в 768-й полк. Не требуя сопровождающего, на пункте связи взял в руки провод и побежал в подразделения полка. На пути встретил комсорга 650-го полка Павла Ковалёва, который и сообщил об окружении штаба полка. Ему удалось по взго-

рю преодолеть цепи немцев, и он просил о помощи окружённым однополчанам. В это время по соседней балке двигалась группа резервной роты на пополнение 768-го полка. Я, как старший по званию, приказал группе остановиться и готовиться к атаке.

Мои действия не получили одобрения работников штаба дивизии. Из 768-го полка пожаловались на самоуправство комсорга, который в противовес приказу задержал роту. Начальник оперотдела штаба дивизии высказал неудовольствие, приказав начальнику политотдела сделать мне предупреждение. Но прошло немного времени, и начштаба В. И. Шуба известил политотдел, что предупреждение отменяется. А. П. Лапшин из 650-го полка сообщил, что он заполнил наградной лист и просит наградить помощника начальника политотдела Колесникова медалью «За отвагу». Комдив дал согласие. В многотомном издании «Солдаты XX века», в книге о Сталинградской битве говорится: «В один из самых напряжённых моментов боя врагам удалось обойти 650-й полк и окружить его штаб. В это время шла рота учебного батальона. А. Д. Колесников остановил её и организовал контратаку на прорвавшихся гитлеровцев. Штаб полка был освобожден. За это Колесников был удостоен второй медали «За отвагу»,

После демобилизации полковник А. П. Лапшин работал в Омском стройтресте, и нам часто приходилось встречаться. Алексей Петрович любил вспоминать и разъезд 74-й километр, и Крым, где мы вместе отбивали танковую атаку Манштейна и были награждены медалями «За отвагу». (Тогда-то, при получении этих наград 1 мая 1942 года, мы и познакомились поближе.)

В сводке за 22 августа по 64-й армии сообщалось, что «частями армии дальнейшее наступление противника остановлено. 29-я, 138-я и 38-я стрелковые дивизии оборонялись на рубеже совхоз имени Юркина – высота 158,0 в 5 километрах на северо-восток от станции Абганерово и в 2 километрах на юго-восток от разъезда Тингута». В боевом донесении штаба дивизии о боях сообщается более подробно: «Шестнадцать часов длился бой у разъезда 74-й километр. Мы истребили девять немецких танков. Пять танков сожгли, забросав бутылками с горючей смесью». За этот бой 138-я получила благодарность от Военного совета армии вместе с 35-й гвардейской дивизией, которой командовал генерал В. А. Глазков.

В передовой статье газеты «Красная звезда» говорилось: «В боях за Сталинград многие части Красной армии проявляют выдающийся героизм и стойкость. Примером могут служить гвардейская дивизия под командованием генерал-майора Глазкова и стрелковая дивизия под командованием полковника Людникова. Упорно защищая подступы к Сталинграду, мужественные воины этих дивизий беспощадно уничтожают немцев и их технику».

В разгар этих боёв, 20 августа, мне понадобилось посетить передовую часть, а в степи, разумеется, не было никаких ориентиров и указателей, ведущих в часть, поэтому я, как обычно, взял в руку телефонный провод этой части и «побежал по проводу». Недалеко от позиций части вдруг разорвался снаряд. Его осколком я был ранен в живот, потерял сознание. Очнулся в госпитале в Гавриловке, куда попал после того, как меня подобрала связисты. Госпиталь состоял из больших зелёных палаток, в которых была сильная жара и духота. Врачи предположили, что у меня разорван кишечник, а они были не в состоянии тогда помочь в случае такого ранения. Поэтому меня поместили в палатку для нетранспортабельных, то есть для «нежилыцов» на этом свете. Вдруг на третий день мне захотелось есть. Я об этом сказал медсестре Шурочке. Она сразу же вызвала докторов, которые, привязав меня к столу за голову и конечности, без всякого наркоза стали чистить рану в животе, выбрасывая из него обрывки формы и ремня.

Здесь, в госпитале сёла Гавриловка, я оказался рядом с политруком из 229-й дивизии, от которого получил информацию о своих земляках – ишимцах. Позже окажется, что в этом же госпитале примерно в то же самое время оказался и мой зять, муж сестры Александры Яков Эстремских, которого, к сожалению, медикам спасти не удалось. Я же, боясь отстать от своей дивизии, 30 августа госпиталь покинул. (30 августа из дивизии с очередной партией раненых прибыл мой односельчанин Дмитрий Фёдорович Ольков. Поскольку ему было поручено справиться о моём самочувствии, он разыскал меня.) и я не стал упускать свой шанс. По возвращении в дивизию я долечивался в медсанбате.

После десятидневных боёв у разъезда 74-й километр, когда танковые колонны врага стали обходить позиции войск 64-й армии, командующий армией издал приказ: «Противник всеми силами стремится прорваться к Сталинграду. В течение ночи на 2 сентября вывести войска на заранее подготовленные рубежи – Песчанка, Елхи, Ивановка. Остановить наступление противника и не допустить его прорыв к Волге и Сталинграду».

Без отхода было не обойтись. 29 августа 138-я дивизия оказалась полуокружённой в районе разъезда 74-й километр. Как писал И. И. Людников, «были разбиты все автомашины, пали все верховые лошади, связь с армейским штабом оборвалась. Поэтому мы долго не знали о приказе на отход и продолжали яростно отбивать атаки врага. Лишь к вечеру удалось принять радиотелеграмму, в которой командарм 64-й армии генерал-майор М. С. Шумилов приказал занять новый рубеж обороны на участке Варваровка, Гавриловка».

Приказ командарма поступил в 138-ю дивизию в 20 часов 30 минут 30 августа. Обстановка была сложнейшей. Мы не знали, удалось ли прошедшим слева и справа немецким танкам сомкнуть кольцо окружения. Связь с соседями отсутствовала. Связь со штабом армии тоже. Людников решил выслать передовой отряд и, прикрываясь 344-м полком с тыла, начать отвод подразделений из района вероятного окружения. В дивизии к этому времени было всего 550 человек и 12 орудий, своевременно выведенных Ф. Т. Паныриным для сохранения конского состава батарей и позже присоединившихся к дивизионной колонне.

Комдив снова стал во главе колонны, и дивизия пошла, ориентируясь на частые всполохи вражеских ракет. Под покровом короткой августовской ночи подразделения дивизии форсированным маршем прошли по оставшемуся двухкилометровому коридору и к рассвету вышли на рубеж Варваровка, Нариман, Ягодный в 30 километрах от Сталинграда, где заняли оборону, числясь в резерве армии.

Не успели части привести себя в порядок, получить боеприпасы и продовольствие, как к 12 часам 1 сентября несколько десятков вражеских танков с мотопехотой прорвались к хутору Варваровка.

Начался бой 138-й дивизии на южных подступах к Сталинграду. Первыми в бой вступили батареи 1-го дивизиона 295-го артполка, которым командовал ветеран дивизии майор Ф. Т. Панырин.

Мужество и отвагу в этом бою проявил орудийный расчёт 2-й батареи старшего сержанта парторга батареи К. В. Вардеваняна. Гитлеровские танки открыли огонь по орудью с большой дальности. Осколком снаряда был убит наводчик М. Мягков. Его место занял Вардеванян. Когда танки подошли ближе, Вардеванян открыл огонь и первым же снарядом поджег головной танк. Воодушевленные примером парторга, метко стреляли и другие артиллеристы. Танки попятились и стали обходить наши пушки с фланга. Над батареей появилось 15 вражеских бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Самолёты бомбили наши огневые позиции, поливая их свинцом. После бомбёжки вновь в атаку пошли танки. Гибли артиллеристы, но оставшиеся в живых продолжали вести огонь. Смертью храбрых погиб и К. В. Вардеванян. Но перед позицией его орудия пылало шесть танков и четыре автомашины. Бой продолжался почти час. Отважный воин К. В. Вардеванян посмертно был награждён орденом Ленина. Младший сержант А. Ф. Соловьёв и рядовой Т. М. Замароев, уничтожившие по пять танков, были награждены орденами Красного Знамени.

Центр
Сталинграда.
Площадь
Павших Борцов

Из фондов
музея-заповедника
«Сталинградская битва»

До вечера 1 сентября дивизия вела тяжёлый бой с превосходящими силами врага, а затем была выведена в армейский резерв и сосредоточена возле села Новая Песчанка в 10 километрах юго-западнее Сталинграда. Здесь подразделения находились до 8 сентября, туда не прорвались фашистские танки.

В этом новом бою получил тяжёлое ранение командир 344-го полка Л. А. Алексеенков, погибли комбаты В. П. Дойлидов, В. А. Багринцев, комиссары батальонов И. Е. Ковригин, А. С. Иванов, другие офицеры и солдаты. Но поставленная задача была выполнена. Подразделения успели за ночь выйти из заброшенной противником петли окружения и занять устойчивую оборону на высоте возле Песчанки.

В сводке Генштаба № 252 за 9 сентября сообщается: «На непосредственных подступах к городу Сталинграду войска в течение 8 сентября продолжали вести тяжёлые бои с крупными силами пехоты и танков противника, поддержанных сильными непосредственными атаками с воздуха. 64-я армия правофланговыми частями с утра 8 сентября отражала атаки противника силою до двух полков пехоты с 50 танками, наступавшими в направлении района Песчанка – высота 143,5. 138 сд к 15 часам вела бои на рубеже: населённый пункт Песчанка западная – окраина безымянная высота южнее отметки 143,5. В результате танковой атаки противника 344 сп дивизии почти полностью уничтожен. В бою за 8 сентября подбито и сожжено 18 танков противника».

В полковых донесениях о боях 8 сентября даются более подробные сведения и сообщается о героических подвигах воинов. Так, танки и пехота врага прорвались к позициям 344-го полка. В начале боя выбыл из строя командир 1-го батальона Бобыкин. Его место занял военком батальона старший политрук Н. П. Щербак. В танки полетели гранаты и бутылки с горючей смесью. Несколько машин, объятые пламенем, остановились, но остальные продолжали движение, вышли на окопы и засыпали их землей. Засыпало и окопчик, где находился Щербак. Танк остановился вблизи засыпанного окопчика комиссара. Страдая от жары в машине или в целях наблюдения, танкист открыл люк и поднялся из башни. В это время Щербак освободил голову, приподнялся и увидел вблизи стоящий танк с танкистом в люке. Высвободив руку с пистолетом, комиссар выстрелил. Убитый немец повис на башне.

Из полка уже успели сообщить о гибели комиссара. И вдруг из батальона поступило донесение: Щербак жив и подбил немецкий танк. И пошла по дивизии, а позже и по армии гулять весть, что комиссар Щербак подбил танк из пистолета.

В приведённой выше сводке Генштаба сообщается об уничтожении 18 танков врага. В борьбе с ними участвовали воины 344-го полка, но основную борьбу вели артиллеристы 295-го арtpолка. Особо отличились бойцы 3-й батареи во главе с младшим лейтенантом Г. А. Кушнарёвым, выдержавшие основной удар немецких танков. За двадцать минут боя они подбили несколько танков, но остальные продолжали скоростное движение, поливая огнём пушек и пулемётов наши окопы. Все меньше оставалось в строю бойцов, и к пушке встал старший на батарее Григорий Кушнарёв. Осталось всего два орудия, затем одна пушка младшего лейтенанта Г. А. Кушнарёва. Он один продолжал вести огонь. Старшина батареи Селиванов подносил снаряды. Вражеский танк раздавил соседнее орудие и повернулся на орудие Кушнарёва. К ранее подбитым четырем танкам добавился ещё один, шедший на отважного пушкаря. Кончились снаряды, вышло из строя орудие, ранило Кушнарёва. На смолкнувшую батарею вползали фашистские танки. В разгар боя воином овладевает особое чувство ярости, пренебрежение опасностью. В таком состоянии Гриша Кушнарёв схватил автомат, опираясь на раненую ногу, поднялся перед танком и пошёл на него, стреляя из автомата. Немецкий танк, остановившись, дал очередь из пулемёта. Г. А. Кушнарёв упал.

Григорий Афанасьевич был моим старым другом. Родом из Харьковской области, в тяжёлые тридцатые годы он пошёл на заработки в город, устроился на Харьковский велосипедный завод. В 1939 году, добавив себе год, был призван в армию, в полковой школе прошёл подготовку и был назначен помощником командира взвода в 4-ю батарею 295-го арtpолка. В сентябре 1940 года как комсорг он был избран в бюро ВЛКСМ, а я стал ответственным секретарем бюро (так значилось в послужном списке). С тех пор и началась моя дружба с Кушнарёвым. – в 4-й батарее я вёл политзанятия, в Крыму стал комиссаром этой батареи, а Кушнарёв – старшим на батарее. Жили мы в одной землянке, вместе встречали танковую атаку Манштейна 18 марта 1942 года, в ходе которой бойцы батареи

подбили четыре танка и были награждены медалями «За отвагу».

После упорнейшего боя у подножия Лысой горы под Сталинградом я посетил арtpолк и собрал воспоминания о Грише оставшихся в живых однополчан, в частности, старшины Селиванова, на глазах которого Гриша пошёл с автоматом на фашистский танк.

На Григория Афанасьевича Кушнарёва было составлено представление на присвоение ему высокого звания Героя Советского Союза, но награждён он был только орденом Ленина. Высокие награды получили и другие воины, участники героического сражения 8 сентября у Лысой горы. Орденами Красного Знамени были награждены комбаты Н. П. Щербак, В. Л. Фишман и Н. А. Алексеев, политрук И. Н. Наумов.

После тяжёлого боя 8 сентября 138-я дивизия была отведена во второй эшелон, но уже 11 сентября, когда гитлеровцам удалось вклиниться в оборону 64-й армии, была вновь брошена вместе с полком курсантов Краснодарского пехотного училища для нанесения контрудара, в результате которого противник был отброшен от совхоза «Горная Поляна», Малочисленные полки 138-й продолжали вести активные оборонительные бои с превосходящими силами противника, под давлением которого к исходу дня 9 сентября оставили район Старо-Дубовка. 12 сентября 138-я дивизия и сводный полк курсантов вели ожесточённый бой с противником силою свыше полка пехоты, поддержанного 40 танками в районе Зелёной Поляны.

14 сентября вошло в историю как критический день в обороне Сталинграда. Фашисты, сосредоточив до 200 танков в южной части города, прорвались в районе Купоросного к Волге. 15 сентября 138-я дивизия была выведена во второй эшелон в районе Бекетовки. В эти дни особо упорные бои разгорелись в Купоросном, с занятием которого немцы отрезали 62-ю армию от частей 64-й. Перед нами была поставлена задача ликвидировать разрыв или наступлением оттянуть силы врага от позиций 62-й армии. 138-я продолжала вести упорные бои на рубеже: южная окраина Купоросного – Купоросная балка. В следующей сводке штаба дивизии сообщалось, что «дивизия вела бои на рубеже: южная окраина Купоросного – северные скаты высоты 145,5 на юго-Восток от нп Зелёная Поляна».

Пятого октября дивизия вышла к Волге у сада Лапшина.

Месяцами войны сражались, не бывая в бане, гимнастёрки от пота и пыли потеряли цвет и стали как брезент. Оказавшись на берегу Волги, несмотря на уже прохладную воду, бойцы стали купаться, стирать белье. Берег буквально стал белым от сушившегося белья. Но в этот момент последовала команда немедленно выходить на погрузку на паром. Объявили, что дивизия выводится в резерв фронта. Созданный учебный батальон из нового пополнения передавался соседней дивизии 64-й армии.

Бойцы одевались в мокрое бельё и гимнастёрки и бежали по берегу к парому. Выйти живым из тяжелейших боёв и уйти с поля боя – это вызывает особые чувства, нечто вроде радости и тревоги. Мы находились в зоне активных боёв. Над нами кружились вражеские самолёты, гремел взрывами Сталинград, а мы выходим в резерв. Что нас ждёт? Все только об этом и говорили. После тяжелейших боёв в ротах, батальонах создалась крепкая боевая дружба. И вот эти крепкие коллективы шли в резерв в ожидании новых боёв.

На пристани и на пароме нам объявили, что переправляемся за Волгу для получения пополнения. К вечеру, перейдя некоторые протоки и рощи, колонны батальонов перешли Ахтубу и вошли в посёлок Цыганская заря. Всем стало ясно, что нас готовят к высадке в сражающийся Сталинград. Из пекла направляемся в горящий ад.

ПОПОЛНЕНИЕ

Скорый марш по заливному Заволжью перед Сталинградом позволил нам во всей полноте представить сложность предстоящей борьбы в горящем сражающемся городе. Не меньший материал для раздумий мы получили в Цыганской заре, постоянном пункте формирования пополнений для воюющей в городе 62-й армии.

Те, кто останавливался здесь до нашего прибытия, оставляли о себе память. Все стены блиндажей и землянок с нарами, с забранными стенами из досок и бревен были исписаны, а точнее исчерчены гвоздями или ножичками, именами и фамилиями направленных в Сталинград с нередким указанием места, откуда писавшие прибыли. Это были прощальные «памятки» уходящих в самое пекло: Кузнецов – с Урала, Долгушин – из Сибири... Почти вся восточная часть страны – Поволжье, Урал, вся Сибирь – значилась в подобных надписях.

Встречали нас штабисты фронта, хорошо знавшие обстановку и сразу определявшие по пунктам размещения полков. Ими были назначены переходы через Решающий и Красный для встречи прибывающих команд пополнения, которые должны были войти в состав 138-й дивизии, включённой в резерв командующего фронтом.

Первый день ушёл на обустройство и баню. А уже на второй день мы получили первую группу пополнения. Для их встречи мы с группой офицеров были направлены на станцию Верхняя Ахтуба. Как выяснилось, некоторые из новичков прибыли после излечения из госпиталей, но основную массу все же составляли новобранцы. Я должен был заниматься выявлением комсомольцев и подбором комсorghов. Времени на бюрократию не было. Сталинград горел, над ним нависали стаи фашистских самолётов, и раздается команда быстрее отводить группы из зоны возможной бомбёжки. На пути к Решающему в тополиной роще произошла наша первая беседа. Мы выясняли, откуда новички прибыли, а они спрашивали номер полевой почты и просили листочки для писем домой.

Большинство новобранцев прибыло из Оренбургской (тогда Чкаловской) области. Первый, с кем я беседовал, оказался сыном ранее репрессированного, а таковых в начале войны как сыновей врагов народа в армию вообще не призывали. Собеседник мой сказал, что теперь, видать, настала и в них нужда, и добавил, что он и ранее просился в армию, но получил отказ. Таких в группе оказалось несколько человек, но впечатление они производили доброе, а в дальнейшем оказались отличными солдатами и патриотами. В той же группе оказался боец, назвавший себя чапаевцем. Вместе со своими сыновьями до войны он ездил по соседним сёлам, где только показывали картину про Чапаева, был в восторге от подвигов Василия Ивановича и всего этот фильм смотрел пять раз. Вместе с детьми этот крестьянин изучал и школьные учебники, а особо ему нравилась география. Позже я не раз слышал, как он говорил, почему нельзя нам фрица за Волгу пропускать: «Дальше киргизская степь, враги могут проскочить аж до Урала, а там Магнитка, заводы». Отрадно было встретить столь очевидное свидетельство успехов советской культурной революции!

Узнав номер полевой почты, новички спешили написать письма родным, их называли «прощальными весточками». При этом

все знали, что место дислокации указывать строжайше запрещено. Один из прибывших попросил меня написать за него письмо, поскольку сам был неграмотным. Я взялся ему помочь, а в заключение сделал приписку о том, что «судьба забросила к Волге и возможно придётся в ней искупаться». Письмо было зачитано вслух, и в дальнейшем почти все стали также называть Волгу в своих посланиях, рассчитывая, что о Сталинграде и боях на Волге пишут наши газеты, передаёт радио и родные догадуются, что их отец или брат воюет в Сталинграде.

Здание
горящего вокзала
Сталинград-1
и фонтан
„Крокодил“¹¹

Из фондов
музея-заповедника
«Сталинградская битва»

Вскоре после этого комдив получил извещение о прибытии команды «из лиц, досрочно освобожденных из мест заключения». Нам было рекомендовано проявлять особую осторожность. В трёх сверхпереполненных вагонах привезли около четырёхсот человек. Конвоиры передавали нам списки и поголовно стали считать прибывших. ещё раз напомнили об особой бдительности, так как существовало опасение, что заключённые разбегутся, а поэтому в наряды их рекомендовалось ставить только вместе с надёжными бойцами. Забегая вперёд, скажу, что предупреждения оказались напрасными.

Бывшие зеки легко вступали в разговоры, а на вопросы о том, за что попали за решётку, кратко отшучивались, мол, «по молодости пошалили». Они были доверчивы к офицерам и заявляли, что

добровольно записались на фронт. Зная скудость тюремного питания, интендант нашей дивизии выделил для них кухни с хорошими обедами. В дивизии в ту пору не хватало оружия. Поэтому старший нашей группы майор Рутковский попросил конвоиров отдать нам свои винтовки, но те наотрез отказались и срочно отбыли выполнять «особое задание». Кто-то из наших сказал с горечью в голосе: «Ежовцы, разве они расстанутся с винтовками!». Слово «ежевец» считалось тогда бранным.

В числе этой вновь прибывшей, самой многочисленной, команды в дальнейшем выявились замечательные воины – отчаянные, дерзкие и мужественные. Уже после первого боя на них начали писать ходатайства о снятии судимости, а потом и о представлении к наградам. Таким отважным солдатом оказался, к примеру, Александр Пономарёв, который был награждён орденом Ленина. Позже, уже будучи лейтенантом, А. Пономарёв погиб при освобождении Польши.

В дальнейшем многие из этих людей проявляли чудеса героизма. Например, в ходе развернувшейся на территории завода «Баррикады» подземной войны именно бывшие зеки заминировали цех, в котором подорвалась рота немецких сапёров и были уничтожены восемнадцать солдат противника.

Конечно, опытные фронтовики отзывались о прибывавших новобранцах по-разному. Но тяжелейшие упорные сражения убедили, что мы иногда ошибались. Бои и на «Баррикадах», и на «Острове Людникова» показали, что это были истинные представители русского народа, твердо осознавшие необходимость защиты родной страны, не жалевшие для этого сил и самой жизни.

Позднее, когда бойцы 138-й уже обороняли «Баррикады», где в развалинах держали огневые точки, выдавались редкие минуты передышек. Тогда-то проводились беседы, шли душевные разговоры. Мой старый знакомый оренбуржец, которому на пути в Цыганскую зарю я писал прощальное письмо, стал называть меня «Университет» и во время одной из таких встреч поведал о своей жизни: «Вот ты всё что-то выпытываешь, записываешь о войне. А я вот и здесь в подвале, и на огневой точке всё думаю о своей жизни. Вот и тебе хочу рассказать, может, ты что-то уловишь? Родом я из Омска, чалдон. Жили мы справно. После женитьбы я выделился

от отца, завёл дом и всё хозяйство. Уже в советское время платили налог, сдавали хлеб, молоко носили на молоканку. Потом отца признали кулаком и вместе с младшим братом сослали куда-то на Кулай. А меня обложили особым налогом, и он был уже не под силу. Описали хозяйство. Забрали лошадей, плуг, коров. Из дома выгнали. Приютились мы у соседей в избушке, а у меня в ту пору было четверо детей. Ходили босыми, в заплатанных штанах. Тогда я пошёл в колхоз, после вернулся в свой дом. Росли ребятишки, стали их учить. Васька мой сейчас воюет где-то под Москвой. Митька собирается стать офицером, готовится в училище. Я вырастил своих детей, они служат Родине, и в этом – моя помощь стране. Но мне вот что непонятно – до колхоза я платил налог, с трудом доставал копейку, но платил, сдавал хлеб. А потом отняли лошадей, плуг, обобрали, я уже не стал налога платить. Разве это на пользу стране? а держава строила заводы, были нужны средства. А деревню-то разорили! Разве это помощь стране? а вот об этом почему-то не говорят и не пишут».

...После первых трёх дней поступления маршевых команд приток пополнения резко сократился. Теперь это были небольшие группы из госпиталей и тыловых подразделений фронта. Бывших раненых, как более опытных, определяли младшими командирами и сразу представляли на сержантские звания. Из тыловых подразделений прибывали лица старших возрастов, а вместе с ними шли буквально подростки 1924–1925 годов рождения, добавившие себе годы и таким образом добровольцами попавшие в боевые части. Если тыловики приносили с собой винтовки, то новобранцы их не имели. Малочисленность пополнения свидетельствовала о том, что призывать уже было некого.

При начале формирования 138-й дивизии начальник штаба В. И. Шуба говорил о десятикратном увеличении её состава. Но всё-таки чувствовалось, что нормы нам не достичь. Как позже стало известно, в эти дни началось комплектование армий для Сталинградского контрнаступления. И собираемые из уже обезлюдевших деревень новобранцы направлялись в будущие армии наступления. 138-я, как резерв Сталинграда, пополнения получала мало и в основном из лиц пожилого возраста. Пожилые порой прибывали с крестами на груди, полученными ещё в Первую мировую войну,

но они оказались настоящими русскими патриотами, сознательными защитниками Родины. А ведь некоторые из них были обижены властью или при проведении коллективизации, или в 1937 году.

В моей памяти запечатлелся эпизод, связанный с таким бойцом, которому потребовалось написать представление к награде. Боец этот отличился меткой стрельбой и уже сделал несколько зарубок на ложе своей винтовки. Необходимы были его биографические данные, и он без утайки рассказал о своём отце, арестованном и, вероятно, расстрелянном, при этом снял шапку и перекрестился, желая погибшему вечной памяти.

Бойцы 138-й стрелковой дивизии
в районе завода «Баррикады»

Из фондов музея-заповедника. «Сталинградская битва»

И таких бойцов в полках 138-й дивизии было немало. Все они оказались стойкими, мужественными воинами. Нередко вместе с партийными и комсомольскими билетами в их карманах хранились молитвы и заклинания. Поначалу, когда бойцы переписывали друг у друга молитвы, они стремились скрывать это от нас, командиров, но потом, убедившись, что им никто не препятствует, прятаться перестали.

Это явление приняло массовый характер. Нередко мне приходилось видеть и иконки, переданные нашим красноармейцам

их отцами – участниками германской войны. Критиковали ли нас, политработников, за непринятие мер против подобных проявлений? Конечно, но наиболее дальновидные и думающие офицеры не могли не понимать, что таковы извечные русские правила – молитвами себя спасать. Исконные православные традиции становились одним из факторов, цементирующих волю народа в борьбе за победу над захватчиками-фашистами.

За краткие дни формирования полков в дивизии возникала масса организационных проблем. Так, новобранцы, прибывающие в часть, нередко приходили с обмундированием не по росту или ботинками, не по размеру маленькими. Бывало и такое, что не хватало котелков или ложек. Но старшины старались и быстро устраняли недостатки, что свидетельствовало о чёткости работы сложнейшей военной машины. И при этом надо особо подчеркнуть терпимость, выдержку наших русских солдат. Это чувство держало солдат в строю, заставляло выполнять тяжелейшие поручения, часто даже и без особых приказов. Эти качества нашего солдата и создавали силу и мощь Красной армии и обеспечили победу.

В ротах сразу же начинали учебу, но эта учеба была особой, в условиях, когда велись активнейшие бои за Сталинград, а над городом постоянно кружились эскадрильи фашистских самолётов, раздавались разрывы бомб. Конечно, было не до строевой. Новобранцы в основном изучали русскую трёхлинейку. Имелось также несколько автоматов ППД и ППШ, но и сами командиры рот ещё не владели этим оружием, да и было его очень мало. На вооружении у нас были винтовки, но даже ими были обеспечены далеко не все. Дивизионным снабженцам то обещали скорое прибытие оружия, то сообщали, что эшелон с оружием разбомблен.

Из опубликованных документов известно, что командующий фронтом А. И. Ерёменко лично занимался комплектованием вооружения 138-й дивизии как резерва Ставки и фронта. Возможно, он и сообщил И. В. Сталину о серьёзных проблемах с обеспечением нашей дивизии, что вызвало негодование Верховного. Вероятно, после разговора Ерёменко со Сталиным в тыловых подразделениях, на складах и базах началась отправка солдат для пополнения наших полков. Осталось в памяти, как старшие офицеры, майоры или капитаны, стали приводить к нам небольшие группы солдат, че-

людей по десять, все они были с винтовками, а некоторые приносили даже по две. Так, за счёт тыловых подразделений пополнялась и довооружалась дивизия резерва Ставки.

Много внимания уделялось политической подготовке. Дивизия находилась в резерве фронта, и штаб нас держал под постоянным вниманием. Поэтому и политучеба у нас была своеобразной. Обычно занятия вел ротный политрук, а тут, и довольно часто, наведывались работники политотдела. Часто приезжали лекторы и крупные командиры. Ближе к вечеру звонили из штаба и рекомендовали подготовить аудиторию. Солдаты – народ наблюдательный: раз вскоре после такого звонка докладчик появлялся у нас в расположении, значит, штаб фронта находится неподалеку. Лекторам задавали вопросы. У всех на уме было – когда союзники откроют второй фронт?

Уже к концу нашего пребывания в Цыганской заре, приезжал в дивизию член Военного совета, первый секретарь Сталинградского обкома А. С. Чуянов. Он хорошо рассказал о Сталинграде. Кто-то его спросил: «Сталинград сожжён и разрушен, какой смысл так упорно защищать развалины?». Это был острый вопрос, он был на устах многих. Чуянов хоть и с трудом, но увернулся от ответа, которого, конечно, не знал и он. Он, как и все мы, знал приказ: удерживать Сталинград любой ценой!

Находясь длительное время на передовой, мы остро ощущали нашу техническую слабость, особенно это касалось авиации. И в начале октября, находясь на тыловом, левом берегу Волги, мы видели постоянно роившиеся над городом стаи немецких «Юнкерсов» и «мессершмиттов» – и ни одного нашего самолёта. Даже не было видно разрывов снарядов зениток. Враг их уничтожил.

О потерях в Сталинграде не говорили, цифр не приводили. Но солдатская молва доносила, что в город отправляются сотни и тысячи, а возвращаются в госпитали единицы. Это подтверждалось и нашим собственным опытом, и рассказами местных жителей. Но великое русское чувство Родины убеждало каждого идти в пылающий город и биться с врагом. Среди защитников были и такие, что говорили: идём умирать. Помню, прибыла в Сталинград морская бригада. Эти горели одной страстью героически умереть. Моряки сбросили бушлаты и в одних тельняшках и бескозырках

шли на пулемёты. Мы, напротив, старались разъяснять бойцам, что если и умирать, то умирать надо с пользой, так, чтобы нанести максимальный урон врагу. В те дни уже была в ходу фраза Эренбурга: увидел немца убей его, а мы ещё добавляли: если не убьёшь – он убьёт тебя.

При подведении первых итогов комплектования рот и батальонов у некоторых офицеров возникали сомнения: сумеем ли мы достаточно быстро сформировать роты, обучить их для выполнения сложных задач обороны? но будущее показало, что мы ошибались в оценке вновь прибывших. Многим из них учиться приходилось непосредственно в сражениях, они быстро усваивали опыт, а нередко и сами становились творцами новых, более эффективных методов боёв с фашистами. И ведь именно они и создали в обороняющемся городе обстановку, от одного воспоминания о которой противника охватывала дрожь. Например, полковник Г. Зеле, командовавший инженерным отделом армии Паулюса, признавался: «Сталинград стал живым адом для каждого, кто там побывал. Развалины становились крепостью, разрушенные заводы скрывали в своих недрах бьющих без промаха снайперов, позади каждого станка и каждой конструкции притаилась нежданная смерть.

Каждый угол и каждый закоулок угрожал внезапной автоматной очередью. Буквально за каждый шаг по земле приходилось бороться с защитниками города». Корреспондент 6-й армии Х. Шрецер так описывал бои на заводе «Баррикады», который защищали бойцы 138-й: «Здесь надо было вести ожесточённые и безжалостные бои за каждый метр, за каждой руиной скрывались снайперы».

...Изменение обстановки в Сталинграде произошло уже к концу 13 октября. Усилилась бомбёжка артпозиций на восточном берегу и пристаней на Волге. В ночь на 14 октября над рекой закружились вражеские самолёты, сбрасывая осветительные ракеты и бомбы. Утро того дня ознаменовалось мощным артобстрелом наших частей в городе, и небо буквально усыпали появившиеся сотни вражеских самолётов. Сообщалось, что гитлеровцы 14 октября совершили до 3 тысяч самолётных вылетов на часть города, обороняемую нашими частями. Так начался очередной «решающий» штурм Сталинграда, самими немцами называвшийся генеральным.

Подразделения 138-й были подняты по тревоге в ожидании команды на выход к посадке на переправочные плавсредства. Однако

приказа не последовало, зато увеличился приток небольших групп для пополнения. К вечеру прибыла хорошо вооружённая рота молодых бойцов из батальона охраны штаба фронта. Мы обрадовались и намеревались разделить их по полкам, чтобы создать партийно-комсомольские группы. Но нам объяснили, что прибывшая рота нераздельна, а на наши вопросы один лейтенант сказал, что они прибыли из ямы. Мы слово «яма» приняли в прямом значении, лишь позже узнали, что есть такая деревня – Ямы, а в ней размещался штаб фронта.

Несмотря на все усилия, к 14 октября 138-я дивизия по-прежнему оставалась недоукомплектованной и маловооружённой.

В то же время фашистский штурм Сталинграда 14 октября создал исключительно тяжёлое положение для 62-й армии. Наступая на фронте в шесть километров силами трёх пехотных и двух танковых дивизий, противник занял тракторный завод и усиленным кулаком начал наступление на юг, вдоль берега Волги, вышел к заводу «Баррикады» и приблизился к командному пункту штаба армии, которая не имела резервов для создания устойчивой обороны. Превосходство противника было в людях пятикратное, в танках – двенадцатикратное.

В резерве штаба фронта находилась лишь 138-я стрелковая дивизия. Командующий фронтом А. И. Ерёменко 15 октября подписал приказ о передаче 138-й дивизии в состав 62-й армии, и тотчас последовал приказ В. И. Чуйкова командиру 138-й дивизии «немедленно по тревоге поднять один полк в полном составе и не позднее 5:00 16.10.42 г. переправить его на западный берег р. Волги». К переправе комдив И. И. Людников назначил 650-й полк под командованием майора Печенюка, стоявшего в роще ближе к переправе на Ахтубе в Тумаке. Бойцов следовало вооружить винтовками, взятыми в других полках. «Разоружаемых» успокаивали: вооружение для дивизии вот-вот придёт. При этом запомнился один эпизод: старожил 344-го полка не захотел отдавать свою винтовку, заявляя, что она – его защитница. Пояснил: винтовка заговорённая. Лихой лейтенант хотел было силой отобрать винтовку. За бойца вступился комиссар Г. В. Воронин, разъяснил: если боец верит, что заговорённая винтовка его защищает, он же – самый храбрый и безбоязненно пойдёт в любую атаку. Так в 138-й дивизии появился миф о заговорённых винтовках.

ПЕРЕПРАВА

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...
Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода, –
Ни приметы, ни следа.

А. Т. Твардовский

Из множества военных переправ через великие и малые реки России по продолжительности действия, по количеству перевезённых людей и исторической роли первенство, безусловно, принадлежит Сталинградской переправе через Волгу – ниточке, связывавшей героически сражавшийся город со страной.

Севернее города и в центре войска 62-й армии оказались окружёнными, прижатыми к Волге, и единственным путём снабжения армии резервами и грузами оставалась широкая река, прекрасно просматривавшаяся с занятых врагом высот, с переправой, интенсивно обстреливавшейся и подвергаемой почти непрерывной бомбёжке.

Вскоре после начала «генерального штурма» пришёл и наш черёд переправляться в Сталинград. Части 138-й дивизии автотранспортом, а в основном пешим маршем по левому берегу, на виду у горящего и сражающегося города, выходили к причалам, грузились на катера, паромы и баржи и под яростным обстрелом пересекали кипевшую от взрывов Волгу.

Образно об этом написал командарм В. И. Чуйков: «Представьте себе бойца, идущего в колонне по пыльной дороге к Волге. Он устал, от пыли и пота слипаются глаза, на плече противотанковое ружье или ручной пулемёт, на поясе подсумок с патронами и гранатами, за спиной вещевой мешок.

На подходе он видит багровое от пожаров небо, ему уже слышен гром взрывов. Но он идёт, не останавливаясь. Вдоль берега, под кустами и в окопах сидят люди, все с затаённым дыханием смотрят на утопающий в огне город. Зарево пожаров поднимается до

самых туч. В этом пекле борются люди. Что они там обороняют – развалины, пепелища, груды камней?» и вот в этот ад надо идти. А командирам и агитаторам надо найти нужные слова, поднять настроение бойцов и вселить надежду на выживание в этом огневом пекле и на победу.

**Катера Волжской
военной флотилии**

Из фондов музея-заповедника
«Сталинградская битва»

Волга «буквально кипела» от сплошных взрывов. Этот огненный барьер даже не мог преодолеть катер, на котором командующий фронтом А. И. Ерёменко хотел добраться до штаба 62-й армии. Вслед за первым полком, 650-м, стали переправляться другие полки и подразделения 138-й дивизии.

Погрузка полков производилась на причалах Тумак на Ахтубе. К вечеру части, назначенные для переброски, сосредоточивались в рощах или кустах на берегу, и с подходом парома, баржи или катера строились и выходили на погрузку. Катера и паромы подавались уже груженные боеприпасами и продовольствием, часто имея на борту команды медиков для приема раненых. На причале строго соблюдалась светомаскировка, категорически запрещалось пользоваться фонарями и курить. Как только катер или паром отчаливали, на правый берег передавались сведения о том, какая именно часть переправляется, причём номера частей не сообщались, назывались лишь фамилии командиров.

Переплыть под усиленным обстрелом врага бушующую Волгу – само по себе подвиг. Комдив И. И. Людников в своих воспоминаниях пишет об этом: «Над Волгой в темноте ночи кружат «фокке-вульфы», сбрасывая на парашютиках фонари. Вспыхивают ракеты, освещая зеркальную гладь реки. Мы на виду у противника. Он бьет по переправе. Всем не терпится скорее добраться до берега. На земле пехотинец твердо стоит на ногах. Там он может перебежать, маскироваться, окапываться. Другое дело на воде и под огнём. Муторно становится на душе, когда по тебе бьют, а ты сидишь в трюме, сжав винтовку».

Я переправлялся в составе 344-го полка. Заглянул в паромный трюм, и мне стало страшно: случись что – не успеешь выскочить. Поэтому предпочёл перебраться на катер. Каюта уже была забита до отказа, и я вместе с комсоргом и парторгом полка вышел на палубу, на корму. Один из матросов предупредил, чтобы мы крепче держались за что придётся, а также друг за друга, иначе можем выпасть за борт при резких манёврах катера. Над рекой кружили вражеские самолёты. То тут, то там вставали высокие фонтаны от взрывов мин. Одна разорвалась неподалеку от нас, на стоявших на палубе обрушился вал воды. Кто-то вскрикнул – видимо, был ранен осколком.

Дальше все прошло благополучно, катер причалил к берегу. Каждый сходящий на берег должен был вынести ящик груза. Спускаясь, я оступился, набрал полные сапоги воды, но груз донёс и сдал, как положено.

На причале наблюдалась некоторая сутолока: разгружались вновь прибывшие, здесь же, на месте, распределялся и разносился по частям груз, здесь же топтались раненые, ждущие команды на погрузку. Одни бежали на берег строиться, другие к плавсредствам – за привезённым грузом, третьи несли носилки... (В опубликованных документах той поры я нашёл сведения, что за одну из октябрьских ночей из 62-й армии было эвакуировано на левый берег более тысячи раненых.) Сотни раненых, обессиленных, сидели и лежали на берегу, просили о помощи. А мы вынуждены были бежать мимо них, строить солдат, делать перекличку и вести с берега на боевые позиции. Надо отдать должное чётко налаженной службе при переправах. Команды на берегах имели устойчивую связь. Сообщали, кто плывёт катером или паромом. С прибытием с берега

называли командиров и подзывали их для получения задания. Номера частей при этом также не назывались. Командиры отводили своих бойцов с пристани. По берегу в темноте часто выкрикивали фамилии, чтобы держать бойцов в одной группе.

Крайне труден был этот путь по изрытому воронками от взрывов, уставленному разбитой техникой берегу. Высокий обрыв закрывал идущих от пулемётов противника, но миномётный обстрел продолжался. Берег освещался ракетами. При свете ракеты становилось видно дорогу, можно было видеть воронки, многие были залиты водой, в них то и дело кто-нибудь проваливался. Но, когда ракета гасла, тьма сгущалась, и идти приходилось на ощупь, пока глаза не привыкнут к темноте.

На улицах Сталинграда

Из фондов
музея-заповедника
«Сталинградская битва»

Полки 138-й от причала направлялись к заводу «Баррикады». Перед Банным оврагом нас предупредили о возможном пулемётном обстреле и рекомендовали перебежать его как можно быстрее. За этим оврагом колонны 344-го встретили представители 308-й дивизии и повели нас мимо заводской стены к линии железной дороги и посоветовали быстрее занимать окопы и укрываться от скорого, с рассветом, обстрела и авианалёта.

Уже на рассвете полки стали выходить на боевые позиции. 768-й полк был выведен к северо-западной окраине завода, 344-й вышел к центральным воротам и стал рассредоточиваться за железной дорогой по восточной части Скульптурного парка.

Карт командиры рот не получили. Кто-то из гуртьевцев показал нашим вычерченную от руки схему. Я присутствовал при этой встрече и запомнил, как опытный командир наставлял наших, советуя стремиться находиться ближе к вражеским окопам. Эти участки немцы не бомбят и меньше обстреливают.

После этого роты 1-го и 2-го батальонов 344-го полка начали рассредоточиваться по окопам и блиндажам подразделений 308-й дивизии. Как отмечает И. И. Людников, никакой сдачи и приёма позиций между 308-й и 138-й не происходило. Уже начинался рассвет, и бойцы торопились занять позиции. 3-й батальон 344-го полка остался вторым эшелоном и стал размещаться вдаль насыпи железной дороги, более всего под разбитыми вагонами и по воронкам от вражеских бомб.

Так, с утра 17 октября начались совместные боевые действия бойцов 308-й и 138-й дивизий, будущих защитников «Острова Людникова».

Глава третья

ТРЕТИЙ ШТУРМ

Особый масштаб и особую ожесточённость октябрьского штурма Сталинграда отмечают все исследователи, как наши, так и зарубежные. Вот как характеризует события тех дней американский автор Джон Эриксон: «Наступление, ознаменовавшееся самым колоссальным напряжением боёв, которые видел Сталинград, началось в 8:00 14 октября 1942 года: пять немецких дивизий – три пехотные и две танковые, триста танков с мощной воздушной поддержкой двигались сплошной стеной из стали и огня к Промышленному району, чтобы прорваться к Волге всей своей сокрушительной массой и покончить с 62-й армией раз и навсегда».

В. И. Чуйков писал, что советское командование, конечно, знало о готовящемся ударе, но не ожидало, что он будет настолько силён. Знали о предстоящих боях и в Ставке. Буквально накануне штурма, 2 октября, в Сталинград была переброшена 308-я сибирская дивизия, 11 октября в состав 62-й армии вошла 37-я гвардейская дивизия. Но это пополнение, разумеется, значительно уступало тому, которое получили войска противника. Сейчас, когда доступны многие, ранее не публиковавшиеся документы, можно определить численность и соотношение противостоявших друг другу войск. Немцы

имели преимущество: в людях – пятикратное, в танках – двенадцатикратное и абсолютное господство в воздухе.

13 октября Ставкой был утверждён план подготовки решающего контрнаступления под Сталинградом. Однако противник опередил нас, начав третий штурм города.

ФРОНТ НА „БАРРИКАДАХ“

...Главный удар немцев пришёлся на малочисленные остатки 112-й дивизии. Целью врага был захват тракторного завода с последующим прорывом к Волге. Сняв остатки 112-й и пробившись на территорию тракторного, часть сил немцы бросили южнее, на завод «Баррикады». Собранная в плотный кулак, поддержанная усиленной артиллерией и пикирующими бомбардировщиками, 14-я танковая дивизия прорвалась через тракторный завод и около полуночи достигла берега Волги.

Яростной бомбёжке был подвергнут штаб 37-й дивизии. Части дивизии оказались обойденными и сражались в окружении. От одной из таких групп поступила радиограмма: «Окружены, но патроны и вода имеются, продолжаем сопротивление». 114-й полк был окружён 36 танками в школе, но удерживал объект, хотя в строю оставалось лишь 18 бойцов. 118-й полк отошёл к берегу реки и укрепился в районе Житомирской.

Командир дивизии Жолудев оказался заваленным в штольне. На его спасение были посланы бойцы роты охраны штаба армии. Откопанный из-под завала и доставленный на армейский КП комдив сообщил что враг уже внутри завода, дивизия разбита, но отдельные группы продолжают сопротивление.

Вернувшийся связной из 308-й дивизии доставил донесение, в котором Л. Н. Гуртьев сообщал, что над позициями дивизии постоянно висят 8–10 самолётов врага и ведут непрерывную бомбёжку; в полку майора Гамова осталось 36 активных штыков, но позиции удерживаются. Много позже будет установлено, что 308-й в октябрьском наступлении противостояли три вражеские дивизии.

Противник ввел в бой 305-ю пехотную дивизию и стремился развивать наступление на «Баррикады». Части гитлеровцев удалось пробиться к железнодорожному переезду и выйти к нижнему по-

Бой в заводском цехе

Из фондов музея-заповедника «Сталинградская битва»

сёлку «Баррикады». К берегу Волги был брошен танковый десант, а группы автоматчиков врага проникли к железнодорожному тупику и оттуда, с расстояния в 600 метров, обстреливали штаб армии. Для 62-й армии создавалась угрожающая обстановка.

Бойцы охраны вступили в бой с немецкими автоматчиками. В штольне, в которой располагался штаб, генералы искали выход из положения.

Командарм определил, что немцы бросят свои дивизии на завод «Баррикады», и спросил начальника штаба Крылова: «Можем ли мы где-нибудь сформировать линию обороны?». Крылов показал рукой на железнодорожные пути между двумя заводами и ответил: «Если немцы продолжают атаку этой ночью, у них не будет времени вырыть траншеи. Мы могли бы выстроить линию вагонов и попытаться собрать вокруг нее некоторые силы. Это все, что мы можем сделать».

В боевом журнале была сделана запись: «В 15:00 прорвал фронт южнее Деревенской улицы и вышел к Волге».

В 21:40 В. И. Чуйков отправляет в штаб Сталинградского фронта радиogramму: «Армия разрезана надвое. Наш КП в восьмидесяти метрах от врага. Линии связи разрушены. Контроль за ходом боёв поддерживается только через радиопередатчик на левом берегу.

Прошу вашего разрешения переместиться на запасной командный пункт на левом берегу сегодня ночью, в противном случае командование невозможно».

Вероятно, в штабе фронта сразу состоялся какой-то разговор, результатом которого был приказ командующего фронтом оставить штаб 62-й армии на западном берегу Волги.

Дальнейшие события носят загадочный оттенок. Издаётся приказ по штабу 62-й армии № 205, подписанный не командармом, членом Военного совета и начальником штаба, как положено, а начальником и двумя офицерами штаба. Сразу после этого состоялся телефонный разговор В. И. Чуйкова с членом Военного совета Сталинградского фронта Н. С. Хрущёвым, содержание которого никогда и никем не раскрывалось. Но далее все приказы и распоряжения вновь исходили от командарма.

Исследователь М. Джонс пишет по этому поводу: «Мы, вероятно, никогда не узнаем полную историю событий тревожных дней октября 1942 года. Но приведённый документ – приказ № 205 уверенно подтверждает, что в тяжелейший момент Сталинградской битвы вдохновлявший защитников командующий был на краткое время смещён со своего поста».

**В. И. Чуйков,
командующий 62-й армией
на командном пункте**

Фото из личного архива автора

Чуйков разворачивает бурную деятельность, отдает команды, меняет дислокацию рот, определяет наиболее вероятные направления атак противника, организует силы для удержания обороны.

Начальник артиллерии Н. М. Пожарский получает приказ готовить пушки для усиления огня по скоплениям пехоты и прорвавшимся танкам; командующему бронетанковыми силами М. Г. Вайнруб – сосредоточить все исправные танки в Нижнем посёлке по улице Трамвайной и замаскировать, но в атаку не пускать, ждать, пока приблизятся танки противника, и бить их прямой наводкой.

Был продуман и запасной вариант. В. И. Чуйков написал письмо жене Валентине. Затем вручил это письмо младшему брату Фёдору и приказал тому держаться ближе к переправе с тем, чтобы в критический момент перейти на левый берег Волги и доставить адресату.

Затем вызвал к себе командира батареи Михаила Рабиновича, прославившегося меткой стрельбой из пушек с Зайцевского острова. Приказ, полученный комбатом, звучал так: «Свяжись с батареей, приведи её в готовность и дай наши координаты. Когда немцы до нас доберутся – вызови удар артиллерии по нашему командному пункту. Корректируй огонь: все, что здесь есть, должно быть уничтожено!». (Через месяц в этой же штольне точно такой же приказ отдаст комдив 138-й дивизии И. И. Людников. К счастью, ни того, ни другого приказа артиллеристам выполнять не пришлось. Штольни «Баррикады», где размещались штабы 62-й армии и 138-й дивизии, всегда оставались советскими. Враг в них никогда не входил!)

Командир 37-й дивизии приступил к сбору её остатков для организации обороны. Энергично исполнялись и другие приказы командарма.

Командование фронта также принимало энергичные меры помощи 62-й армии. К исходу 14 октября 138-я дивизия, начавшая формирование, была передана из 64-й армии в подчинение 62-й. В. И. Чуйков немедленно издал приказ командиру 138-й дивизии: поднять по тревоге один полк, полностью его укомплектовать и не позднее 15 октября переправить на западный берег Волги. Для отправки был определен 650-й полк майора Ф. И. Печенюка. Подробно об этой операции рассказывается в предыдущей главе. Перед 650-м полком была поставлена задача создать на территории завода «Баррикады» сеть опорных пунктов и завод не сдавать. К уже стоявшим у пристани батальонам полка прибыл командующий фронтом А. И. Ерёменко и выступил с краткой речью, призывавшей помочь сражающимся в городе товарищам и защитить Сталинград.

В тот самый момент, когда 650-й полк грузился на катера и паром под прикрытием дымовой завесы выплывал на середину простреливаемой из всех видов оружия Волги, немецкие танки и автоматчики прорвались по улице Минусинской от развилки дорог к берегу реки. В 15:00 полк пошёл в штыковую, и десант был частично отброшен, частично уничтожен. Успешная контратака позволила создать устойчивый фронт по линии ул. Деревенская – ул. Трамвайная – берег Волги, отражавший атаки превосходящих сил противника в течение пяти дней и получивший в истории Сталинградского сражения название «Огненный остров».

ШТЫКОВАЯ

В своих воспоминаниях В. И. Чуйков пишет об этом эпизоде войны кратко: «В 15 часов противник прорвал фронт южнее Деревенской улицы и вышел к Волге. 650-й полк штыковой контратакой уничтожил прорвавшихся и восстановил положение».

Здесь мне хотелось бы рассказать о деталях этой «штыковой контратаки», переданных автору этих строк её непосредственными участниками.

**Ф. И. Печенюк,
командир 650-го полка
138-й стрелковой дивизии**

Ещё на пристани при отправке командиру полка Ф. И. Печенюку объявили, что его будут встречать. Майор из штаба армии попросил объявить личному составу о срочном переходе подразделений к заводу «Баррикады». Обстановку и точное задание он передаст по дороге.

Вечерело. В наступавшей темноте полк двинулся вдоль берега. По возможности – бегом. Сделать это было трудно, и дело было не только в том, что ухабистый берег был покрыт сплошными воронками от бомб и снарядов, завален разбитыми машинами и деталями оборудования, подготовленного к эвакуации. Прикрытая высоким обрывистым яром полоска суши, недоступная для пушек, но легко уязвимая для миномётов, была плотно забита людьми, сновавшими от берега к пристани и обратно. Сотни раненых, которые либо сами, либо на носилках продвигались к реке, стремясь спасти жизнь. Посыльные, таскавшие ящики с боеприпасами и продовольствием. И все это – в полной темноте.

Вот через эту массу спешили на позиции вновь прибывшие бойцы 650-го полка. Время от времени в небе вспыхивали осветительные ракеты или фонари, спускавшиеся на парашютах. Но, когда они гасли, темнота становилась вдвое гуще. Но двигаться было нужно, и двигаться быстро. Поэтому командиры подразделений часто выкрикивали свои фамилии, чтобы бойцы взводов и рот могли хотя бы приблизительно ориентироваться.

Особенностью полка, как, впрочем, и всей 138-й дивизии, было то, что подразделения сформировались лишь несколько дней назад и солдаты друг друга почти не знали. Но каким-то чудом разобрались и удерживались неподалеку от своих командиров. Уже за Глубокой балкой начали собираться в группы, поднялись на высокий берег и побежали через развалины в северную часть Нижнего посёлка завода «Баррикады».

Здесь командир полка Печенюк кратко обрисовал обстановку и поставил задачу: внезапно атаковать прорвавшийся десант и уничтожить его. Учитывая, что патронов у бойцов имелось немного, готовились к рукопашной, хотя команда примкнуть к винтовкам штыки не подавалась. Весь расчёт делался на внезапность нападения. Отставшие во время пятикилометрового перехода бойцы ещё продолжали подходить, когда Печенюк подал сигнал.

Автору этих строк вскоре пришлось беседовать с людьми, руководившими той атакой, а также заместителем комдива И. И. Куровым, начальником штаба А. П. Лапшиным.

Вот что рассказывал комиссар Григорий Васильевич Воронин: «Момент был критический. Полк прибыл с минимальным запасом

боеприпасов. Начинать затяжной бой мы не могли. Надо было использовать момент внезапности. Приближался рассвет, и надо было использовать темноту, поднимать бойцов на штыковую».

Сидевший рядом комполка Ф. И. Печенюк добавил: «Комиссар собрал группу в основном из роты, прибывшей к нам из Ямы, и первым, с пистолетом в руке, побежал в атаку». Воронин продолжал: «Ура не кричали, сохраняли внезапность. Я побежал с пистолетом в руке и уже не помню, как у меня в руках оказалась винтовка. Часть десанта застали в укрытиях, уничтожили, другие бежали за овражек. Мы вышли к берегу, и здесь к нам стали подходить наши окруженцы, прятавшиеся в нишах крутого берега. Пришлось продолжить атаку за овраг. Там находилась группа окружённых, как позже выяснилось, остатки 118-го полка 37-й гвардейской дивизии. Раненый их командир подполковник Колобовников вместе с нашим комполка начал организовывать оборону и укреплять позиции. Наступал световой день. Западнее позиций 650-го полка, на линии железной дороги, загудели немецкие танки, и 650-му полку пришлось поворачиваться на запад и готовиться к отражению танковой атаки, не имея противотанковых орудий».

Стали выявлять отличившихся. За эту работу взялись начштаба А. П. Лапшин (после войны он бывал в Омске, мы с ним подробно обсуждали события тех дней, рисовали схемы) и его заместитель, также ходивший в атаку, комсорг М. П. Машинский. Особенно отличились в том бою рота, прибывшая из охраны штаба фронта, и группа бывших заключённых, с которых теперь нужно было снимать судимость. Но в части не оказалось ни печати, ни чернил, а сделанные карандашом записи не принимались. Могу себе представить разочарование отличившихся: в обычной обстановке для снятия судимости требовалось собрать множество справок и сделать множество запросов.

Машинский вспомнил о том, что при мне всегда находится комсомольская печать и что для оформления справок она вполне сойдётся. Комполка Печенюк решил так и сделать. Сначала позвонили в политотдел, затем в 344-й полк, где я в тот момент находился, и потребовал срочно прибыть в 650-й полк. Я перебежал ещё не занятую часть завода южнее вагонных тупиков и достиг землянки, где располагался штаб полка.

Стали оформлять документы. Я начал писать, что за проявленный героизм сделано представление на снятие судимости.

– Э, нет, – сказал Печенюк. – Пиши: «судимость снята». Скоро мне этих ребят вести в атаку, надо их как-то воодушевить.

В справках стали писать: «В состоявшемся упорном бою по уничтожению вражеского танкового десанта боец такой-то проявил себя отважным солдатом, представлен к правительственной награде, и с него снята судимость». Затем я скреплял текст комсомольской печатью, ставил штампик «Отсекр ВЛКСМ» и расписывался. Получив справки, бойцы выходили из землянки довольные, их окружали товарищи, событие активно обсуждалось.

Однако вскоре бумажную работу пришлось срочно сворачивать: у железнодорожного тупика сосредоточивались вражеские танки и пехота, а в небе появилось полтора десятка самолётов. Участок площадью с квадратный километр превратился в поле сплошных разрывов, любое движение по нему стало смертельно опасным.

Замкомдива Куров встретил корректировщиков находившихся за Волгой артполков, и те стали руководить огнём своих батарей по изготовившимся к атаке вражеским танкам. И, надо сказать, что, если бы не огонь заволжских батарей, наши части, сосредоточенные на крошечном «пяточке», были бы, несомненно, уничтожены.

Общими усилиями (к нам подошли ещё подразделения 308-й и 95-й дивизий) удалось укрепить оборону, чтобы продолжить ожесточённую, нечеловечески изнурительную, ежедневную и ежечасную борьбу.

Однако не легче приходилось и противнику. Историк 14-й танковой дивизии немецкий исследователь Р. Грамс так писал о событиях той ночи: «14 октября на долю дивизии выпала большая честь. Собранный в единый кулак, поддержанный артиллерией и пикирующими бомбардировщиками, дивизия прорвалась через тракторный завод и около полуночи достигла берега Волги 1-м батальоном 103-го полка в северной части города. Но более тяжёлой оказалась задача удержать захваченное. Это была жуткая, изнурительная борьба на земле и под землей, в развалинах, в подвалах, в канавах большого города, в его индустриальных кварталах. Танки карабкались через горы мусора и обломков, скрежеща, перебирались через

чудовищно разрушенные заводские цехи, стреляли с ближних дистанций вдоль заваленных улиц и тесных заводских дворов. Иной бронированный колосс вдруг сотряслся и разваливался на части под грохот вражеской мины. Но все это ещё можно было вынести... Дальше был глубокий, как бездонное ущелье, круто обрывающийся к реке волжский берег, здесь разгорелись самые ожесточённые схватки. Если нам удавалось захватить край волжского берега, то ночью на флангах и в тылу из всех щелей и трещин земли появлялись советские воины, и все, что было завоевано вечером в жаркой борьбе, к утру оказывалось снова потерянным. И все начиналось сначала: ураганный огонь, пикирующие бомбардировщики, дым, чад, часами заслонявшие солнце. Но положение почти не менялось, а боеспособность наших войск таяла».

Из опубликованных ныне документов следует, что ход сражения на Волге находился под особым контролем Верховного командующего. Г. К. Жуков писал, что, чувствуя свои промахи в определении развития ситуации на южном участке фронта, И. В. Сталин ни на кого личной ответственности не перекладывал. Того же добивался и от подчиненных. Напутствуя А. И. Ерёмченко, назначенного командующим Сталинградским фронтом, настаивал на том, чтобы не сдавать город ни при каких обстоятельствах. А через несколько дней поручил начальнику Генерального штаба А. М. Василевскому «именем Ставки» приказать Ерёмченко лично посетить КП Чуйкова, чтобы узнать истинное положение дел.

Уже упоминавшийся Эрикссон пишет, что Ерёмченко, «принужденный Сталиным», решил осуществить эту проверку 15 октября, но из-за интенсивного обстрела и бомбардировок смог побывать лишь на пристани, откуда переправлялись в Сталинград бойцы 650-го полка. А штаб 62-й армии А. И. Ерёмченко со своим заместителем генералом М. М. Поповым посетил только на следующий день.

Навстречу командующему фронтом выехал В. И. Чуйков. Позже маршал вспоминал: идти по берегу приходилось, перешагивая через трупы. Так получилось, что в пути генералы разминулись, и обстановку докладывал начштаба армии генерал Н. И. Крылов. Затем вернулся Чуйков, и беседа продолжилась. Ерёмченко вспоминал, что побеседовал также с командирами 37-й гвардейской, 138-й

и 95-й стрелковых дивизий, командные пункты которых были тут же, рядом.

Об этой встрече писал и И. И. Людников, дивизия которого ещё только разгружалась: «Я перешагнул порог и увидел склонившихся над картой командующего фронтом генерал-полковника А. И. Ерёмко, его заместителя генерал-лейтенанта М. М. Попова, генералов В. И. Чуйкова, Н. И. Крылова из 62-й армии. Видимо, я помешал, и все ждали, когда я представлюсь командующему. Ерёмко сказал, что задачу определит командарм Чуйков, но тут же предупредил: «Враг рвется вперёд. Отступить нам некуда. Отступить нельзя. Это вам ясно?» – «Ясно».

Все встречи командующего были очень краткими. Всего он провёл в штабе 62-й не более трёх часов. Вообще встает вопрос: а стоило ли командующему фронтом вместе с заместителем так рисковать, переправляясь через кипящую от взрывов реку? Вопрос, я думаю, чисто риторический – вряд ли бы кто-то в те дни осмелился не выполнить личное указание Сталина. Однако сама его подготовка к переправе через Волгу привела к усилению этого участка фронта. 650-й полк был временно усилен той самой ротой из охраны штаба фронта, была усилена артгруппа на левом берегу реки, которая поддержала атаку 650-го полка на вражеский десант севернее Нижнего посёлка. Этим практически исчерпывались возможности командующего фронтом помочь 62-й армии.

М. Джонс пишет в книге «Как состоялся триумф Красной армии», что Сталин «придерживался взгляда, что продолжительное сопротивление немцам в пределах города крайне важно, чтобы запланированное контрнаступление имело реальный успех», но был убеждён, что «Ерёмко совершил серьёзную ошибку, не предоставив Чуйкову достаточной поддержки и необходимых пополнений». Я точку зрения американского исследователя не разделяю. Считаю, что А. И. Ерёмко сделал всё, что мог. К 14 октября он располагал лишь 138-й дивизией. Всем нам, всей стране приходилось на своей, что называется, шкуре почувствовать суровую правду приказа № 227, в котором говорилось, что превосходства в людских ресурсах у нас больше нет и единственной нашей надеждой на успех становились стойкость и умение воевать.

БОИ ЗА СКУЛЬПТУРНЫЙ ПАРК

Главная тяжесть боёв за Скульптурный парк, избранный противником как путь к берегу Волги через завод «Баррикады», легла на плечи воинов 308-й стрелковой дивизии, наших соседей и боевых товарищей. Однако и нам, 138-й дивизии, довелось стать их участниками.

Положение было чрезвычайно сложным. Я уже говорил о громадном численном преимуществе противника. Немцы занимали господствующие высоты западнее города. Все поле боя, в том числе и Волга, ими просматривалось, что позволяло вести прицельный огонь. Особое наблюдение велось за переправами, чтобы не допустить подвоза в город новых частей, боеприпасов и продовольствия. На баржах и лодках нельзя было переправлять артиллерию и транспорт. Наши пушки оставались за Волгой. Благодаря этому немцы имели огромный перевес в артиллерии и миномётах. Река освещалась и ночью, каждый квадрат был пристрелян, и по ней круглосуточно велся огонь. Снарядов немцы не жалели: промышленность Европы не покладая рук работала над производством их для Германии. Наши позиции круглосуточно засыпались смертоносным металлом. Транспорт в городе отсутствовал. Боеприпасы, продовольствие и даже вода, которую набирали из Волги, переносились на себе перебежками от воронки до воронки.

13 октября немецкие самолёты и артиллерия принялись «обрабатывать» участок обороны 308-й дивизии Скульптурного парка, «шестиугольного» квартала и стадиона СТЗ. И лишь с наступлением темноты наши стали готовиться к предстоящему бою. Начали подходить наши танки, почти весь личный состав занялся расчисткой глубоких воронок и устройством капониров для укрытия танков. Была известна задача вышестоящего командования – сберечь танки, для чего в атаку им ходить не разрешалось, только бить прямой наводкой по танкам врага. Сибиряки справились с этой задачей блестяще, проявив, как водится, солдатскую смекалку. В предыдущих боях наши заметили, что немецкие танкисты стоят в открытых башенных люках – то ли из-за жары, то ли для лучшего обзора. Разведчики попросили комдива разрешить на них «поохотиться»: группе хороших стрелков выйти к стадиону и «шестиугольному» кварталу

Сталинградцы
каменщик И. Илюшин
и рабочий М. Шумилин
защищают родной город.
Октябрь 1942 г.

Из фондов
музея-заповедника
«Сталинградская битва»

и встретить фрицев ещё на нейтральной полосе. Из добровольцев был сформирован взвод, который выдвинулся вперёд и замаскировался в развалинах.

С утра 14 октября началось настоящее светопреставление. Бомбы и снаряды беспрерывно рвались на территории парка и тракторного завода, на других участках берега. Подсчитано, что за этот день самолёты врага совершили до тысячи самолётовылетов. Однако «нейтралку» не бомбили, и наши «охотники» остались невредимыми. Правда, ждать своего часа им пришлось довольно долго: лишь после обеда немецкие танки двинулись через стадион на наши позиции. Вот тут-то и загремели меткие выстрелы. Несколько фашистов безжизненно повисли на люках, остальные попрятались в башнях.

Приблизившись к нашему переднему краю, немецкие машины попали под кинжальный огонь нашей танковой засады. Добавляли жару артиллерия и бойцы с ПТР. В. И. Чуйков в воспоминаниях написал, что в тот день было уничтожено до десятка танков врага, Л. Н. Гуртьев в боевом донесении называет цифру «четырнадцать».

Отстрелявшись, танки ушли с наших позиций под крыши цехов «Баррикад». А фашисты взялись исправлять положение. Весь световой день десятки «юнкерсов» цепочками заходили на позиции 308-й дивизии с включёнными сиренами и сбрасывали бомбы. Буквально каждый квадратный метр участка по несколько раз был перебуровлен, в мелкий щебень превращены окружающие парк здания. Врагу казалось, что на участке не должно остаться ничего живого.

Но стоило появиться танкам и атакующей пехоте, как насквозь

перепаханная, горячая от взрывов земля и развалины оживали дружным огнём защитников.

Вот в такой обстановке 16 октября в Сталинград был переправлен 650-й полк и направлен на правый фланг 308-й дивизии, на участок, где немцы наступали по берегу от тракторного завода. Выброшенный немцами на берег реки десант был бойцами 650-го уничтожен. (Подробности этой операции изложены выше.) 17 октября переправился 344-й полк 138-й дивизии и сразу с пристани, перебежками, через территорию завода «Баррикады» был брошен на помощь полкам 308-й в Скульптурный парк. Автор этих строк находился в составе 344-го полка и стал участником заключительного боя за Скульптурный парк.

Участок этот представлял изрытое воронками поле с редкими стволами иссеченных осколками деревьев. Ни кустика, ни единой зелёной веточки. 17 октября немцам удалось выйти к заводу «Красный Октябрь», за СТЗ, и, начав наступление на завод «Баррикады» с юга, пересечь железнодорожную насыпь и выйти к ограде завода. Как пишет В.И. Чуйков: «...дивизии Ермилкина, Жолудева и правый фланг дивизии Гуртьева, разрезанные танками, вели бои в окружении». С остатками полков 308-й в полуокружении оказался и только что прибывший 344-й полк 138-й дивизии. В. И. Чуйков вспоминает, что в тот день ему пришлось «в первый раз за все время боёв в городе приказать отвести часть войск на 200–300 метров назад, к Волге. Этим мы выправляли фронт и укрепляли боевые порядки». И далее командарм-62 поясняет: «В приказе не упоминается об отходе, а говорится так: «Дивизии Гуртьева к 4:00 19 октября занять и оборонять участок улиц Сормовская, Тупиковая...» Это и означало – отойти из района парка Скульптурного назад, на новые позиции».

Так 19 октября, после десятидневных упорных боёв, завершилось сражение 308-й дивизии за Скульптурный парк. Сибиряки начали отходить лишь из-за угрозы окружения и по приказу командования.

Защита Скульптурного парка – выдающийся подвиг воинов-сибиряков из 308-й и 138-й дивизий. Однако до сих пор об этой странице обороны Сталинграда мало кто знает, и эти строки одна из первых попыток ввести материалы о тех боях в научный оборот.

Это была отличительная черта, как бы сейчас сказали, «фирменный почерк» сибиряков – упорная, цепкая борьба за каждый участок, каждый объект. Вот такой факт: чтобы пройти расстояние в три километра от завода «Силикат» до завода «Баррикады», где стояла сибирская 308-я дивизия, гитлеровцам потребовалось три недели! из множества примеров героизма можно назвать роту Калимулина, в которой оставалось 36 бойцов. Они обороняли развалины дома в юго-восточной части парка. Фашисты вышли к последним аллеям парка, вели плотный обстрел участка, но, как только перешли в атаку, встретили сильный огонь защитников. Атака захлебнулась. Появилось пять танков. Наши из развалин по траншее вышли вперёд, потому что знали: ближний участок из боязни поразить своих немцы обстреливать не будут. После обстрела из танков в атаку пошла пехота и снова встретила плотный огонь. Остатки роты Калимулина отошли лишь после приказа об отходе.

Подвиги героев широко освещались, всеми доступными нам способами доводились до сведения защитников. Проводились беседы по ротам и взводам, издавались листовки.

Использовался любой повод поднять боевой дух воинов. Особая листовка была посвящена подвигу нашего земляка Матвея Путилова, сержанта, связиста 339-го полка. 18 сентября, во время

Листовка,
посвящённая подвигу
Матвея Путилова

Фото из личного архива автора

боёв севернее Сталинграда, под Котлубанью, бомбёжкой повредило связь штаба полка с дивизией. Матвей Путилов вышел исправить связь. Был ранен, обнаружив порыв проводов, взял концы в зубы и соединил связь. От второго осколка получил смертельное ранение, но связь была восстановлена. О подвиге М. Путилова была издана листовка. Уже во время боёв на подступах к «Баррикадам» 339-го полка А. А. Ахунзянов повторил ту, второпях написанную листовку с призывом «Сталинградец! Будь стойким, как Матвей Путилов». Эта листовка попала в музей обороны Сталинграда, стала широко известна.

Недаром говорят, что лучшая оборона – это нападение. Очень часто неожиданная успешная атака надолго отбивала у врага уверенность, сбивала накал борьбы. Вспоминается поход штурмовой группы на банно-прачечный комбинат. Осень 1942 года выдалась жаркой и сухой. Постоянно не хватало питьевой воды. За водой ходили на берег Волги, который фашисты обстреливали практически непрерывно. Желающих отправиться в опасный поход было мало. Назначали по очереди, и всё-таки в воде был острый недостаток. До отхода в Скульптурный парк воины 308-й обороняли банно-прачечный комбинат, находившийся рядом с Аэропортовским парком. Солдаты знали, что там остались баки с водой.

Так родилась идея рейда капитана Рыжкова с группой смельчаков в двадцать человек за водой на банно-прачечный комбинат. Кто-то из местных подсказал, что к бакам с водой ведёт подземный трубопровод, по которому и решено было проникнуть в немецкий тыл, внезапно атаковать и набрать воды. Парадокс: боевая вылазка в немецкий тыл казалась тогда менее опасной, чем поход в собственный тыл, к Волге! Подумав, план ещё усложнили, решили попутно занести мины в тыл немцам и заминировать важные проходы. Все получилось, после успешного боя группа Рыжкова захватила трофеи, добыла воду и без потерь вернулась в полк, а в тылу у немцев слышались взрывы наших мин. Стоит сказать, что почти на целые сутки немецкие атаки ослабели.

Получив приказ к отходу, роты под яростным огнём врага перешли линию железной дороги и преодолели проспект Стахановцев. Вышедшие на проспект немецкие танки взяли под прицел западную стену заводской ограды и не жалели снарядов. Нам приходи-

лось совершать свой манёвр под ураганным огнём. У заводских ворот встретили охранявшую их рабочую дружину и вместе с её бойцами вошли в цеха «Баррикад». Сразу становились в оборону. Немцы находились и внутри ограды и стреляли откуда-то справа. В заводской стене имелось большое количество отверстий, через которые можно было вести огонь. Однако большинство их находилось на таком уровне, что возле них приходилось стоять в рост или подогнув ноги. А это было опасно – противник забрасывал территорию минами, осколки которых, как известно, летят не вверх, а по положим траекториям низко над землей, поражая на своём пути всё живое. Поэтому батальон 344-го полка, в котором находился и я, занял оборону в одном из цехов. Помещение было полуразрушено, часть крыши висела, держась неизвестно на чём. Станки стояли на своих местах – завод работал до последнего дня. Позже в одном из цехов я видел заготовку ствола зенитной пушки, закреплённую на станине для обработки.

Здесь же, в цехе, находился узел связи. Комбату Бербешкину удалось связаться со штабом полка. Оказалось, что комполка тяжело ранен и полк пока возглавляют комиссар и начштаба Маслов. Я сумел связаться с политотделом и доложить о себе. Начальник политотдела Немцов велел оставаться в третьем батальоне 344-го полка, поскольку там не было комиссара, а замена была ещё не найдена.

Первое время я находился при роте, оборонявшей продолговатый цех южнее входных ворот. Потом нас перевели севернее, куда-то в центр заводской территории. В разговорах назывались номера цехов: 13, 15 даже 32, но, в каких из них мне довелось побывать, сказать не берусь. Осталось одно общее впечатление ада, в который превратился этот участок сражающейся земли.

ОБОРОНА ЗАВОДА „БАРРИКАДЫ“

В сводке Генштаба за 18 октября сообщается: «Части 138-й стрелковой дивизии и остатки 95-й стрелковой дивизии вели ожесточённые оборонительные бои с пехотой и танками противника и занимали рубеж (Минусинск) северная ограда завода «Баррикады» – Скульптурный. Отдельные группы пехоты противника с танками вышли на северо-западную окраину завода «Баррикады». Части

308-й стрелковой дивизии отражали атаку противника силою до батальона пехоты с танками в районе улицы Казачья».

Немцы поторопились доложить о занятии всех корпусов завода. В наших сводках, наоборот, сообщалось об упорном нарастающем сопротивлении: «В 10:45 18 октября противник силою свыше полка пехоты с 30 танками возобновил наступление на завод «Баррикады» с севера и силою свыше полка пехоты – в направлении сада «Скульптурный». После упорных боёв противнику к исходу дня 18 октября удалось проникнуть из района Скульптурный к южной окраине завода «Баррикады». Наши части продолжали удерживать завод «Баррикады». В бою подбито 18 танков противника».

Поле боя – цех.
1942 г.

Фото из личного
архива автора

В боях за Скульптурный и при отходе за железную дорогу на заводскую территорию наш полк оказался между полками 308-й дивизии. Поскольку немцы ожесточённо рвались к переправе, командующий армией сместил полки 308-й к угрожаемому участку, а наш 344-й должен был расширить обороняемый участок, а часть рот отрядить на оборону въездных ворот и центральной части завода.

22 октября именно этот участок обороны подвергся особенно яростным атакам немцев. 344-й полк понес большие потери. Наступление велось силами двух батальонов с шестью танками. После

усиленной бомбёжки и артобстрела в заводские ворота ворвались вражеские танки с автоматчиками на борту и плотным огнём отрезали три здания, оборонявшиеся бойцами второго батальона под командованием Николая Поликарповича Немкова, который хорошо проявил себя в предыдущих боях. Опытный командир быстро организовал круговую оборону. На помощь окружённым двинулся первый батальон, которым командовали капитан Бороздов и начштаба полка майор Б. Б. Микаберидзе. Им удалось разблокировать одно из помещений и начштаба с группой поддержки перешёл в цех к Немкову. Однако немцы усилили давление, ввели свежий батальон, перекрыли образовавшийся проход и продолжали атаки. Двое суток длился упорный бой, местами дело доходило до рукопашной. Когда закончились боеприпасы, часть окружённых во главе с майором Микаберидзе предприняла попытку с боем вырваться из окружения, но большинство погибло, выйти удалось лишь комзвода Николаю Половинкину и Михаилу Кoble. От них мы и узнали о героической защите Немкова.

В другом окружённом цехе держала оборону рота командира Василия Богрянцева. Политрук Алексей Иванов, лейтенанты Хохлов и Чурилов погибли. После этого командир полка Коноваленко и комиссар Фомин имели полное право заявить, что солдаты 344-го полка не отступают, они сражаются до последнего патрона. Героизм был массовым явлением среди защитников волжской твердыни.

Столь же мужественно бились и воины омской 308-й дивизии. После прорыва немцев в цеха юго-западной части завода бойцы 339-го полка атаковали врага и овладели 3-м и 21-м цехами и заводской мастерской. А затем отбили у врага и весь 3-й корпус. Немцы начали обстрел корпуса термитными снарядами и подожгли его. Сибиряки вышли из горящего здания и организовали круговую оборону. Когда пожар закончился, они снова вернулись в корпус.

За неделю упорных боёв за заводские здания только 339-й полк 308-й дивизии потерял убитыми 49 и ранеными 73 человека. К 25 октября в полку оставался лишь 71 активный штык.

Бои развернулись внутри заводских помещений среди множества станков, металлических конструкций, каменных стен и бетонных полов. До этого 138-я дивизия воевала в основном в степи – Крым, Украина, Сальские степи... Трудные, очень трудные это были

бои, особенно при полном господстве немецких самолётов в воздухе, у которых все как на ладони. Но родная земля в окопах и воронках укрывала солдат, по степной траве, а то и по пшеничному полю можно скрытно переползти. Степные ветры и просторы развеивали дым пожарищ и удушье от взрывов, а сами просторы гасили звуки выстрелов и громы взрывов. Заранее видишь летящий самолёт и можно определить отделившуюся от самолёта бомбу и определить, твоя ли она или пролетит дальше. А хоть и редко, но случавшаяся ночная тишина приносила прохладу, благотворные запахи степных трав, которые и восстанавливали силы бойцов.

Совсем другая обстановка при бое в заводских помещениях, в коробках полуразрушенных зданий, среди стоящих станков, иногда с недообработанными деталями на них, множеством других металлических деталей и оборудования. Это не только мое мнение, все мои фронтовые товарищи, с которыми я делился своими мыслями, со мной согласны. Любой выстрел и тем более взрыв в бетонной коробке звучат по-особому, многократно повторяются эхом. Не смолкнет ещё одно эхо, как произойдет новый взрыв, и снова сплошное гудение, дополняемое шумом рушащихся стен, особым дребезжанием вибрирующих листов жести от разрушенных крыш. В постоянно нарастающем громе и шуме невозможно было слышать не то что человеческий голос – рёв атакующего самолёта. Во всем этом грохоте привычное ухо выделяло все же звуки пуль и осколков, рикошетом отлетающих от бетонных стен и металлических деталей. Полевая пуля пискнула и пролетела. Рикошетная пуля, расплуснутая при ударе о металл и каменную стену, летит с особым визгом и воем и весомо дополняет всеобщую какофонию. Казалось, все пространство так и состоит из сплошных мчащихся в никуда пуль и осколков.

И всё это – в стенах полуразрушенного помещения, коробки, наполненной сплошным дымом, гарью. Вот это и было атмосферой: дым, гарь вперемешку с почти физически ощущаемыми воем и грохотом. Даже в полуподвальных помещениях, подземных переходах и туннелях. Словом, бои в степи, выжженной солнцем и открытой взору врагов, вспоминались едва ли не с нежностью... И лишь осознанный долг и ненависть к оккупантам двигали людьми, заставляли всеми силами держать оборону.

...Какими бы ни были сплошными огонь и бомбёжка, но все же случались, обычно ночью, минуты затиший. Смолкал невыносимый грохот, тишина, казалось, давит на уши. И вот в такую минуту вдруг раздаётся шум от рушащейся стены, близкого обвала или падающего камня или балки. Надломленные взрывами и пробитые снарядами стены оседали, давали новые трещины, рушились. Когда это происходило днём, при всеобщем гуле и грохоте, такие обвалы оставались незаметными, но ночью, в тишине, обвал и даже выпадение из надломленной стены одного-единственного кирпича производили непередаваемый эффект. Кто-то из защитников цехов сказал: «Стонут стены» и эта фраза пошла гулять по ротам. И звучала она какой-то болью, глубоким сожалением, как о великом горе разрушения дорогого и родного.

Я намеренно не сразу начал рассказ о боях на заводской территории «Баррикад», мне хотелось, чтобы у читателя появилось хоть сколько-нибудь наглядное ощущение того, что мы переживали изо дня в день, обороняя заводские стены. Мне, сотруднику политотдела Краснознаменной 138-й дивизии, помощнику по комсомолу, приходилось по долгу службы постоянно находиться в ротах, батальонах, непосредственно участвовать в боях, так что атмосферой этой я надышался вволю.

Командарм В. И. Чуйков так вспоминает те дни: «19 октября отдельные группы пехоты противника с танками прорвались к северо-западному сектору завода «Баррикады»...

19 и 20 октября армия отбивала атаки противника перед заводами «Баррикады» и «Красный Октябрь». За эти два дня и две ночи атаки противника не принесли ему существенных результатов...

24 октября. В 16 часов 30 минут после упорного боя им удалось овладеть центральной и юго-восточной частью завода «Баррикады»...

24 октября в 9 часов утра противник начал новые атаки и после упорного боя к исходу дня овладел центральной и юго-западной частью завода «Баррикады». 138-я и 308-я стрелковые дивизии ведут бои за завод»...

Вместе с солдатами в бой вступила рабочая заводская дружина. От рабочих мы узнали планировку территории, подземные ходы

и коммуникации, что активно использовалось в процессе боёв, подробнее об этом я расскажу чуть позже.

В. И. Чуйков, отмечая, что бои здесь носили особенно упорный характер, по-военному немногословен. Как это было на самом деле, представить невозможно. Заводской корпус, который беспрестанно обстреливается артиллерией или бомбится с воздуха, быстро превращается в груды перебитых прутьями арматуры бетонных обломков и щебня. И вот за эти «цеха» ежедневно, день и ночь, бились две сильнейшие на тот момент армии, щедро поливая их своей кровью! Некоторые «цеха» по многу раз переходили из рук в руки, в них размещались свои гарнизоны, многие из них имели собственные имена, как, например, широко известный «Дом сержанта Павлова».

В один из дней обороны немецким танкам удалось, используя своё численное и материальное превосходство, прорваться в цеха 13, 14 и 32-й. Комдив Гуртьев приказал командиру 339-го полка майору Кушнарёву атакой выбить противника из занятых помещений. Перед атакой провели партийно-комсомольские собрания, создали штурмовые группы, вооружили бойцов гранатами и бутылками с горючей смесью.

С. Г. Фугенфиров,
старший лейтенант, помощник
начальника штаба 339-го полка
308-й стрелковой дивизии

В 13-й цех первыми ворвались бойцы второго батальона под командованием лейтенанта П. Посылкина. Помещение освободили и удерживали четверо суток, отбивая многочисленные атаки врага. Бои в заводских помещениях имели ещё одну особенность. Позиции сторон размещались почти рядом, что не позволяло фашистам активно использовать самолёты. Реже использовали и пушки,

но чаще обстрел вели из миномётов, навесным огнём.

На заводской территории, и без того сложной для использования бронетехники, при наличии многочисленных подземных коммуникаций и проходов между помещениями, можно было сравнительно легко подходить близко к вражеским танкам, забрасывать их гранатами и бутылками с «коктейлем Молотова». В 13-м цехе такую штурмовую группу возглавил замполитрука П. М. Погребняк. Смелчаки сумели поджечь несколько танков. После этого немцы стали опасаться вводить танки внутрь заводских корпусов.

Во время другой контратаки бойцов 339-го полка удалось освободить одно из помещений, после чего немцы обстреляли здание термитными снарядами и подожгли. Гуртьевцы отошли к 15-му цеху и продолжали сражаться. Вскоре туда же переместился и штаб 339-го полка.

Однако немцам удалось вклиниться в проход между цехами и окружить наших бойцов, которых было всего 37 человек. Завязался упорный бой. Начальник штаба полка В. К. Дятленко по сохранившейся связи доложил обстановку, сообщил, что в обороне осталось лишь 17 бойцов, и получил приказ об отходе. В. К. Дятленко вспоминает: «Почти не осталось боеприпасов, а тут опять штурм. Приказ комдива отходить. Но как уходить? Выход нашла медсестра Катюша Смирнова. Она обнаружила в углу цеха какой-то лаз, и мы приближаемся к лазу. Помначштаба Фугенфиров передал мне полковое знамя: «Идите. Я прикрою».

По подземному трубопроводу бойцы вышли к своим. Оставшись в цехе, Семён Фугенфиров сколько мог отбивался от нападавших фашистов и погиб. В Омске его именем названа улица, установлена мемориальная доска.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО „БОГАМ ВОЙНЫ“

Советская артиллерия сыграла в годы войны выдающуюся роль, и об этом много написано и будет написано ещё, однако не это является моей задачей, я хочу лишь сказать о том, как мы воспринимали поддержку нашей артиллерии, как надеялись на помощь и заступничество «богов войны».

Надо сказать, что во время боёв на подступах к Сталинграду все мы пострадали без артиллерии. Германия и здесь оказалась впереди нас – и пушек у них было больше, и передвигались они на моторной тяге, тогда как наши орудия по старинке таскали лошади. В условиях быстрой, манёвренной войны, да ещё при господстве противника в воздухе, и пушки, и упряжки становились легкой добычей немецких стервятников.

Когда начались бои в самом городе и новые дивизии переправлялись через Волгу, артиллерийские части оставались на восточном берегу, в заволжских лесах. Непременным условием взаимодействия в таких условиях была устойчивая связь и налаженная корректировка огня.

При переправе через Волгу полков 138-й дивизии 295-й артполк сосредоточился в хуторе Старенький. Командир полка Ф. Т. Панырин с адъютантом и наводчиком находился при штабе дивизии, где попал под обстрел и погиб. Его заменил командир миномётного дивизиона В. А. Соколов, командовавший артполком до конца войны и награждённый шестью орденами.

Опыт подобных действий оказался настолько успешным, что в дальнейшем командование 62-й армии стало объединять отдельные артиллерийские части и ставило им централизованные задачи. Теперь огонь наших орудий поддерживал пехотинцев именно там, где был всего нужнее.

Особенно сильно мы почувствовали это в ноябрьских боях за «Баррикады» и во время боёв на «Острове Людникова». А. М. Самсонов писал об этом: «В ноябрьских боях в районе завода «Баррикады» в массированных огневых налётах участвовала артиллерия восьми дивизий, трёх полков артиллерийской поддержки, кроме того, два полка фронтовой артиллерийской группы». Артиллеристы-наводчики находились непосредственно в наших рядах, лично наблюдали ход боя и корректировали огонь. Все мы не раз видели и ликовали, когда плотный огонь накрывал наступавшую на нас пехоту или танки. Маршал Г. К. Жуков отмечал, что в октябрьском сражении защитники Сталинграда не выдержали бы напора превосходящих сил противника. То же можно смело говорить и о ноябрьском штурме – что бы противопоставила обезлюдевшая 62-я армия бешеному напору озверевших от неудач немцев, если бы

не мощная поддержка бивших из-за Волги объединенных артиллерийских сил! Говорят, что в особо жарких боях пушки от выстрелов нагревались настолько, что орудийщики обжигали себе руки...

С началом мощного контрнаступления 19 ноября поступление боеприпасов заволжской группе было сокращено, однако они все равно оставались в боевой готовности, способные в любой момент оказать нам, остававшимся на «Острове Людникова», помощь. С той же целью сохранялась высокая концентрация орудийных и миномётных стволов. Исследователями приводятся цифры: на каждом километре фронта против «Острова Людникова» сосредоточивалось до 130 орудий и миномётов разных калибров.

БОЕВОЕ БРАТСТВО

Отмечая упорство боёв за завод «Баррикады», В. И. Чуйков пишет: «По-видимому, свежие гитлеровские полки не умели вести ближний бой. И хотя в цехах завода находилась лишь горсточка наших бойцов, противник, имевший пятикратное превосходство в силах, на участке наших штурмовых групп успехов не имел». Командарм говорит здесь лишь о пятикратном превосходстве, но из опубликованных к сегодняшнему дню и широко известных во всем мире данных следует, что численное превосходство противника было намного большим.

Но и оборонявшиеся части несли большие потери. Из 339-го полка 308-й дивизии в боях за завод погибло 49 бойцов, 73 получили ранения. На 25 октября в строю остался 71 человек. Столь же малочисленными были и другие подразделения. Штаб 62-й армии принимал меры пополнения полков.

В штабном донесении 308-й дивизии сообщается, что 25 октября в дивизию прибыло 8 человек из штаба армии и 14 человек из тыловых подразделений. Небольшое пополнение получила и 138-я дивизия, полки которой в октябрьских боях были обескровлены. В. И. Чуйков признаёт: от некоторых дивизий и бригад оставались лишь номера, поэтому 25 октября Военный совет 62-й армии принял решение в 308-ю и 37-ю гвардейскую дивизии маршевых пополнений не направлять, «весь рядовой и младший командный состав дивизий Жолудева и Гуртьева передать на пополнение

**Л. Н. Гуртьев,
полковник, командир
308-й стрелковой дивизии**

Людникову (дивизии 138-й), а штабы дивизий 37-й и 308-й перевести на левый берег».

27 октября такая передача состоялась. Она носила своеобразный, фактически только формальный характер. Бойцы 308-й и 138-й и без того сражались рядом, в одних и тех же цехах, часто и продовольствие получали из одних и тех же термосов.

Поэтому никакой строевой передачи не проводилось. Бойцы, взводы и роты стали числиться в батальонах в основном 344-го полка. Менялась лишь полевая почта, о чем бойцы особенно беспокоились. Совместная упорная борьба продолжалась. В боевом журнале 138-й дивизии за 28 октября записано, что принято из 308-й 289 человек и из 118-го полка 37-й гвардейской семь человек.

От этих цифр, без преувеличения, веет жутью. В одном из донесений сообщалось, что в мае на довольствии в 308-й дивизии находится 11 120 человек. Позже из Татищевского лагеря сообщалось, что в 308-й числится 12 482 человека личного состава. В сентябрьских боях под Котлубанью дивизия понесла потери убитыми и ранеными. В Сталинград Л. Н. Гуртьев привёл дивизию в составе чуть более 6 тысяч человек. В ходе боёв за Аэропортовский парк дивизия получила пополнение из 42-й бригады и немного – из маршевых команд. И вот после месячных упорнейших боёв в Сталинграде 308-я дивизия передавала лишь 289 человек рядового и сержантского состава! Так героически, мужественно сибиряки стояли на защите города-героя Сталинграда.

В приказе Военного совета армии говорилось о передаче личного состава и переводе штабов дивизий и полков на левый берег. Но ничего не сказано об офицерском составе – командирах баталь-

онов, рот и взводов. После получения армейского приказа был звонок члена Военного совета 62-й армии К. А. Гурова командиву 308-й Л. Н. Гуртьеву с указанием «не оголять передаваемые подразделения офицерским составом». За офицерами сохранялось право выехать со штабами или остаться вместе с солдатами. Все командиры рот, взводов остались на боевых позициях. Мне пришлось быть свидетелем разговора Л. Н. Гуртьева с одним офицером. Не слышал начало разговора, но последние слова молодого лейтенанта врезались в память: «Не могу я оставить своих товарищей, с которыми прошёл все бои».

Офицеры боевой 308-й стали важнейшим пополнением сражающейся 138-й дивизии. Политработники спешно ставили на учёт коммунистов и комсомольцев, которых особенно много было в 344-м полку. Парторг полка П. И. Василенко докладывал о взятии на учёт восьми членов партии и восьми комсомольцев. Более точный учёт провели финансисты, им предстояло перечислять командирским семьям зарплату по аттестатам...

Л. Н. Гуртьев указание штаба армии выполнил точно. Первого ноября в лодке вместе с ним переправились на Зайцевский остров только четверо офицеров. По три-четыре человека отбыли со штабами полков. Кому нужны доказательства высокого морального духа советских воинов, их горячего патриотизма – пусть поставит себя на место тех молоденьких лейтенантов, которые сделали тогда свой выбор, не уехали в тыл, остались в огненном пекле и до конца испили чашу страданий и торжества. Ибо борьба была отнюдь не закончена и главные испытания ждали их впереди.

Командующий 62-й армией В. И. Чуйков дает очень высокую оценку действиям омской 308-й стрелковой дивизии: «308-я стрелковая дивизия по времени меньше всех сражалась в городе, но по количеству отраженных атак, стойкости не уступала другим соединениям 62-й армии. В самые жестокие бои в заводском районе она сражалась на главном направлении удара фашистских войск и отразила не менее ста атак пехоты и танков врага. Командир этой дивизии полковник Гуртьев, командиры полков, вся партийная организация и все бойцы, в основном сибиряки, показали образцы мужества и отваги. Они хорошо поняли поставленную им задачу ни шагу назад и самоотверженно её выполняли».

За проявленные стойкость и героизм в защите Сталинграда 308-я дивизия была награждена орденом Красного Знамени, 138-я дивизия была преобразована в 70-ю гвардейскую. Военный совет 62-й армии в представлении о 138-й писал: «Стойкая в обороне, первая в наступлении... Участок земли, который обороняла дивизия, явился одним из тех недоступных бастионов, из которых состоит волжская твердыня».

Последняя лодка с гуртьевцами отчалила на левый берег 1 ноября. Вся тяжесть обороны «Баррикад» теперь приняла на себя 138-я дивизия. Бои ни на минуту не стихали. В те дни сводки сообщали, что дивизия «отражала атаки мелких групп противника». Относительное затишье никого не обманывало. Так оно и было. Немцы вели разведывательные бои, подготавливая наступление крупных сил, которое началось после 2 ноября. Отражение этого наступления вписало в историю дивизии одну из самых ярких страниц и известно теперь как сражение 138-й дивизии за «Остров Людникова».

По опыту всей жизни знаю – ничто так не сближает людей, как общее дело. Тем более если дело это – защита Родины от ненавистного врага.

Помню, когда в Цыганской слободе сводилось воедино множество людей – новобранцев, прибывших из разных областей страны или после излечения из госпиталей, остатки нашего личного состава – и наскоро формировалось во взводы и роты, то казалось, что не будет конца неразберихе. Бойцы и командиры только-только начинали узнавать сослуживцев в лицо, запоминать имена и фамилии. Однако завязывались отношения, проявлялись симпатии или антипатии, складывалась дружба. Этому на войне способствовало всё – сама по себе связанная со смертельной опасностью переправа через Волгу, быстрый переход по изрытому воронками берегу, через толпу встречного людского движения, когда приходилось постоянно держать в виду соседей справа и слева, чтобы не растеряться, не отстать от своих; а следом – первый бой, когда идешь в атаку и нужно надеяться на соседа, знать, что он не подведёт, не откроет врагу тыл, поддержит в трудную минуту, прикроет...

Так и формируются, цементируются совместно пережитыми

трудностями и опасностями боевые коллективы. Постепенно узнаются все, появляются лучшие друзья, с которыми можно поделиться сокровенным, передать на всякий случай адрес матери или жены. Неизбежно и довольно часто кого-то вместе хоронят, кого-то отправляют в госпиталь, передав с ним кучу писем для отправки гражданской, (более надёжной) почтой.

Постепенно все подразделения 138-й дивизии становились именно такими сплоченными боевыми коллективами, способными выполнить любые задачи. Численный состав дивизии день ото дня сокращался, но коллективная сила воинов-сибиряков только прибывала. Это и помогало стойко оборонять сначала завод «Баррикады», а затем и «Остров Людникова».

Теперь в разговорах все чаще встречались слова: «А помнишь?..». Складывались землячества и «Возрастные» группы. Выделялись, конечно, сибиряки. Возможно, и я приложил к этому руку. Особенно внимательно расспрашивал земляков об их родных местах, делал даже какие-то записи. Многие знали, что я до войны учился в университете, ждали от меня, что я опишу те события и даже напишу книгу о них. Со мной делились своими мыслями, рассказывали такие подробности, которые никогда бы не стали раскрывать командиру или политработнику. А со мной, комсоргом, человеком, не имевшим чётко очерченной власти, могли и пооткровенничать. Со мной, например, часто делились затаённой обидой за раскулачивание – сначала отобрали хлеб, лошадей, а затем и дом, пришлось ютиться в избушке соседей, а в дом пустили лишь после того, как семья вступила в колхоз... Но заканчивался разговор, как правило, тем, что вот наступила для Родины тяжкая пора, надо думать не о старых обидах, а о том, как лучше оборудовать огневую позицию да ловчей взять на мушку фрица...

ПОДЗЕМНАЯ ВОЙНА

В исторической битве за Сталинград выделяется несколько точек, где шли особенно упорные и кровопролитные бои, как, например, Мамаев курган, тракторный завод, завод «Баррикады» («Остров Людникова») и некоторые другие. Завод «Баррикады» даже в этом ряду выделяется продолжительностью упорнейших

боев, а также тем, что, обороняемый воинами 138-й дивизии, он так и не был захвачен немцами и что именно здесь защитники героического острова принимали капитуляцию последних солдат 6-й армии фельдмаршала Паулюса.

Завод «Баррикады», как важнейший пункт советской обороны, немцы начали бомбить ещё в конце 1941 года и особенно яростно с августа 1942-го. После этих бомбёжек и нескольких месяцев ожесточённых боёв территория завода представляла собой сплошные груды развалин и огромные воронки от тяжёлых бомб. Чтобы наглядно показать эту картину, обратимся к описанию, сделанному Хейнцем Шредером, бывшим военным корреспондентом в 6-й немецкой армии, штурмовавшей Сталинград и затем окружённой в нём.

Как сообщает автор, в середине 1943 года он получил задание от Геббельса написать книгу о 6-й армии «с использованием секретных документов верховного командования». Задание было выполнено, но написанная Шредером книга «Сталинград – до последнего патрона», объективно отображавшая события, заказчика не удовлетворила. «Немецкий народ этого не перенесёт», заявил рейхсминистр пропаганды. Лишь много лет спустя книга увидела свет в Германии. В русском переводе она называлась «Сталинград».

Пулемётчики в засаде.
Район „Баррикады“.
Сентябрь 1942 г.

Из фондов
музея-заповедника
«Сталинградская битва»

Итак, привожу сделанное Х. Шредером описание территории завода «Баррикады», называемого немцами «пушечной фабрикой».

«Местность «Пушечная фабрика» представляла собой громадное поле с грудой развалин, у некоторых разрушенных заводских цехов ещё сохранились частично стальные каркасы и гофрированные стены. Подвалы домов и своды цехов были оборудованы противником под блиндажи и опорные пункты. Из-за развалин, многочисленных стальных деталей, заготовок для пушечных стволов, тысячами лежавших на земле, тавровых балок территория была недоступна, а для прохода танков абсолютно непригодна. Здесь надо было вести ожесточённые и безжалостные бои за каждый метр, и повсюду здесь поджидала смерть. Опасность подстерегала на каждом шагу, за каждой руиной скрывались снайперы, но особую опасность представляли канализационные сооружения для сточных вод – они подходили к Волге и использовались советским командованием для подвода по ним резервов. Нередко позади передовых немецких отрядов вдруг появлялись русские, и никто не мог пояснить, как они туда попали. Позднее стало ясно, поэтому каналы и места, где располагались крышки для водостока, были забаррикадированы стальными балками».

Всё это я прочёл, разумеется, много позже, но в целом приведённое описание не расходится с моими личными впечатлениями.

Командир дивизии И. И. Людников, подводя итоги трёхмесячных боёв за завод «Баррикады», написал: «На «Баррикадах» мы воевали на земле за каждую улицу и дом, за каждый холмик и овраг, за каждый метр полотна железной дороги, за каждую путевую будку. Мы дрались и под землей в лабиринтах подземных ходов большого подземного заводского хозяйства».

Перед началом боёв на территории завода заводской инженер А. В. Тяпичев передал командованию дивизии карту-схему с обозначением линии труб, тоннелей, колодцев и переходов...

Завод уже неоднократно подвергался бомбёжкам. Многие из подземных коммуникаций были разрушены, колодцы и входы засыпаны обломками. Поэтому разведчики в первую очередь и приступили к изучению сохранившихся переходов, проложенных

по ним линий связи. Сформировались группы знатоков подземного хозяйства и группы смельчаков, не боявшихся подолгу ползать по трубам и умеющих из них находить выходы.

Я уже рассказывал, как умело пользовались подземными переходами воины 308-й дивизии: выходили из окружения, переползали в цеха, занятые противником, и забрасывали гранатами немецкие танки. Не менее умело и целесообразно пользовались подземными коммуникациями и бойцы 138-й.

По мере вытеснения немцами наших рот из помещений и развалин цехов стали использоваться тоннели и трубы для выхода из окружения, для проникновения штурмовых групп в тыл врага. Не удивительно, что в приказах командования 305-й немецкой дивизии в течение почти месяца повторяются слова: «...очистить цеха и развалины от групп сопротивления». Эти группы создавались и в невероятно трудных условиях проникали в тыл врага. Об этом пишет И. И. Людников: «Формируемые штурмовые группы проникают в тыл врага, внезапно нападают и скрываются, оставляя заложенные мины. Каждая такая вылазка сопровождается риском, и совершают их – добровольцы...

Группы комплектовали опытные командиры, подробно инструктировали, проверяли снаряжение, состояние здоровья добровольцев. Желавших пойти в рискованный поход было много из числа коммунистов, комсомольцев, опытных бойцов. Как правило, с командой выходил и разведчик, знающий намеченный проход.

По трубам и узким тоннелям двигаться можно только в одиночку, цепочкой. Во многих местах воздух тяжёлый, и эти участки следовало проползать быстро. Возможны встречи с врагом. Потребуются от каждого разведчика и сапёра разумные, быстрые действия».

Автору этих строк довелось присутствовать при выходе из колодца одной из групп. Эта встреча описана и Людниковым: «Командир группы сибиряк комсорг Коля Бражников бойко доложил командиру полка Коноваленко: «Задание выполнено. В подвале инструментального цеха взорваны ящики с боеприпасами. Истреблено не менее тридцати вражеских солдат. Отходить пришлось с боями, прикрывая друг друга. Из группы в десять человек пятеро не вернулись. Задание выполнено».

Далее комдив пишет: «Иной командир ограничился бы похвалой и обещанием наград. Коноваленко поступил иначе. Вытащил блокнот. Он, прежде всего, записал фамилии тех, кто не вернулся, и тут же прямо и честно высказал то, что больше всего его волновало.

– Если на «Баррикадах» мы будем терять по пять наших лучших разведчиков и сапёров за тридцать поганных гитлеровцев, придётся отказаться от таких вылазок».

Но, как тщательно ни готовили вылазки в тыл врага, потери были неизбежны. Иногда группы не возвращались целиком – когда бывали обнаружены и окружены превосходящими силами врага. Иногда немцы обнаруживали и взрывали входы и выходы из труб и тоннелей... В послевоенные годы строители, поднимавшие из руин завод «Баррикады», нередко находили останки погибших героев в участках восстанавливаемых тоннелей и труб.

Основная тяжесть боёв за цеха завода пришлась на роты 344-го полка и частично 768-го, оборонявшие северную часть территории. 650-й полк и приданный нашей дивизии 118-й гвардейский полк обороняли жилые кварталы посёлка Нижнего до берега Воложки включительно.

Чудеса героизма и изобретательности проявили в подземной войне воины 344-го и 768-го полков. О двух героях-разведчиках хочется сказать особо.

В 344-м прославился воспитанник московского детдома Коля Петухов. Он хорошо мог читать карту-схему подземных коммуникаций. Научился рассчитывать время проползания в абсолютной темноте, находить выход в колодец, по доносившимся звукам и шорохам определять, нет ли возле выхода вражеских солдат. Коля несколько раз выводил штурмовые группы на успешные операции. Петухову с напарником Григорьевым удалось выследить и захватить «языка», связанного протащить по трубе и доставить командованию.

В одном из выходов Петухов обнаружил в развалинах разрушенного дома русского мальчика. Доставленному в штаб дивизии мальчику, тоже Коле, оказалось семь лет. Жили они в посёлке Верхнем. Спасаясь от бомбёжки, пошли с матерью на пристань. Мать оставила его, наказав никуда не выходить, и ушла на пристань. И не вернулась, наверное, погибла. Петухов не мог оставить мальчика

Наблюдательный пункт 138-й стрелковой дивизии на нижнем посёлке завода «Баррикады». Декабрь 1942 г.

Из фондов
музея-заповедника
«Сталинградская битва»

и по подземке вытащил к своим. «Найдёныша» – так его стали называть все накормили, одели. От природы русские люди добрые. Узнав о «найдёныше», многие старались помочь малышу, развеселить, ободрить. Один вдруг «обнаружит» в кармане конфетку или часть шоколадки, другой смастерит забавную игрушку...

При переносе очередного «языка» через «нейтралку» Коля Петухов попал на мушку немецкому снайперу, был ранен. Из-под огня его вынес напарник Григорьев. Петухова наградили орденом Ленина, а малыша отправили за Волгу в детский дом.

А вот что случилось с другим нашим разведчиком из 768-го полка, знатоком подземных переходов и умельцем ими пользоваться Александром Пономарёвым. К нам в пополнение он прибыл из «мест заключения» и требовал особого присмотра, но в душе мечтал о подвиге, чтобы смыть «пятно» с биографии.

Пономарёв добровольно вызвался сходить за «языком». Начальник штаба 768-го полка Демков настолько доверился разведчику, что позволил ему выбрать себе напарников. Бойцы удачно прошли подземкой, нашли укромное место, перерезали телефонный кабель и стали ждать посланных исправлять связь. Первого связиста убрали, второго взяли в «языки». Удалось. Настал день. Прятались со связанным «языком» в развалинах и лишь на второй день приползли к своим. А в полку в это время разгорелись страсти. Демков за притупление бдительности получил взыскание и предупреждение о несоответствии должности. Прибыли смершевцы. И вдруг на вторую ночь появляются разведчики с очень ценным

«языком». Перед Демковым блюстители бдительности извиняются, а Александр Пономарёв получает свою первую награду и снятие судимости.

У армейских политработников было в традиции беседовать с отличившимися, принимать в комсомол, в партию. Вот и я беседовал с Александром Пономарёвым как с особо отличившимся. Он оказался сибиряком. О прошлом выразился кратко: «Немного покуролесил и рад был попасть на фронт. Хотелось сделать что-то особое, и благодарен начштаба Демкову, что доверил мне брать «языка».

Разведчик переживал: что могли о нём подумать товарищи, если бы он не вернулся? по его словам, на пути, в трубе, возникла трудность. Связанного «языка» потащил товарищ, но стал быстро выдыхаться от тяжести. «Я ползу сзади, и помочь не могу, – рассказывал Пономарёв. – но напряглись и вышли к колодцу, а тут уж нас встретили и помогли вытащить добычу. Товарищам я дал совет: «Выходя за «языком», надо иметь хорошие верёвки для связывания добычи».

В общем, обошлось. Вскоре Демков получил очередной орден и войну закончил полковником с пятью орденами.

В Сталинграде Пономарёв ещё раз ходил по подземке, получил орден. Отличился и в Курской битве. Погиб уже на польской земле, четырежды награждённым.

Подвиги совершали люди с разным прошлым, но всех их объединяло одно – любовь к Родине и желание отстоять её будущее во что бы то ни стало.

Завод «Баррикады» во всех планах немцев оставался важным объектом. Сюда стягивались крупные силы.

При подготовке ноябрьского штурма на «Баррикады» были направлены штурмовые сапёрные батальоны. В исследовании, выполненном У. Фаулером по немецким источникам, сообщается следующее: «Перед началом штурма, к полуночи, боевые немецкие группы, сформированные на базе пяти штурмовых сапёрных батальонов, были собраны в разрушенных машинных цехах завода «Баррикады» и приготовились наступать. Прибывшие сапёры и раньше участвовали в уличных боях в городах Воронеже и Ростове, имели в своём арсенале фугасные и шестовые заряды, огнемёты

и автоматы типа «MP-40». Сапёры, нагруженные взрывчаткой, лопатами, гранатами и пулемётными лентами, медленно продвигались к исходному рубежу, совершенно уверенные в себе, в приподнятом настроении».

Перед началом атаки майор О. Реттенмайер получил указание командира 305-й дивизии очистить цеха от русских опорных точек, которые время от времени возникали в тылах немецких подразделений – усилиями наших разведчиков, действовавших через подземные коммуникации.

Но, вероятно, это предупреждение не было выполнено и, как сообщает У. Фаулер: «Одна группа направилась в один из цехов завода. Раздался мощный взрыв, затем послышались крики. Унтер-офицер Эрнст Вольфарт, уже несколько недель воевавший на заводе «Баррикады», ворвался в цех и увидел, что 18 сапёров убиты, а оставшиеся в живых – в шоковом состоянии, подавлены и напуганы».

Десятого ноября наше командование определило, что немцы подготовили новое наступление. Срочно были направлены группы разведчиков для минирования тыловых участков. Вероятно, на такую засаду и нарвались немецкие сапёры, описанные Фаулером. Немцы шли нагруженные взрывчаткой. Возможно, от взрывов наших небольших мин сдетонировали их собственные заряды, поэтому и получился «мощный взрыв». «Приподнятого настроения» наступавших как не бывало.

ПОСЫЛКА С РОДИНЫ

Вся страна, затаив дыхание, следила за ходом боёв в Сталинграде, и все помогали защитникам чем могли. Получали мы и необходимое продовольствие, и шефские посылки, иногда с детскими записками. Получали через Иран американские консервы, но больше, конечно, поступало отечественных. Как-то получили целый ящик сгущёнки. Этикеток на большинстве банок не было, но на одной этикетка сохранилась. Старшина, раздававший сгущёнку, зная, откуда я родом, обратился ко мне: «Капитан, а эти – с твоей родины» – и вручил мне банку. Эта сгущёнка была выпущена в Омской области, на Любинском молочно-консервном заводе. В подвале

оказалось много земляков, они подходили, внимательно рассматривали этикетку, а когда я вскрыл банку, некоторые стали просить попробовать чуточку родного молока.

Удивительное чувство родины. Что-то напоминает родной край – и любая малость может разбередить душу, разбудить чувства. Мы находились в огненном котле, и никто не знал, выберемся ли. И вдруг – пустяк, консервы с родины, и молочко кажется вкуснее прочего, так и хочется попробовать.

Ещё более оживленно разбирали посылки с валенками и полушубками. Наступала зима, начинались холода.

Признаюсь, я по молодости лет несколько переборщил, нажимая где надо и где не надо на своё сибирское происхождение. Вообще слово «сибиряк» на фронте было авторитетным как у наших, так и у немцев. Части, состоявшие из сибиряков, считались наиболее стойкими, а люди – мужественными и выносливыми. Например, всю нашу 62-ю армию фашисты именовали в своих документах Сибирской (справедливости ради, надо сказать, что состояла она не только из сибиряков, были здесь также и уральцы, но жили мы дружно, считали друг друга земляками). Так вот, у некоторых даже сложилось мнение, что сибиряки совсем не боятся мороза, могут легко и без последствий входить в ледяную воду и тёплое обмундирование сибирякам ни к чему... На деле всё было, конечно, не так, и тёплых вещей мы ждали не меньше других солдат.

К берегу причалил катер, полностью груженный мешками с валенками и связками полушубков. Доставил их наш дивизионный интендант А. П. Гусев, мой добрый товарищ ещё по службе в Кировоке, большевик с дореволюционным стажем. Помню, я, комсорг полка, пришёл к нему получать первое офицерское обмундирование. Он стал задавать вопросы, разговорились. Узнав, что я, сын неграмотного деревенского мужика, получил от Советской власти образование и стал студентом университета, Александр Петрович воскликнул: «Вот результаты революции!» и написал на моём заявлении резолюцию: «Выдать лучшее обмундирование!».

С тех пор А. П. Гусев взял надо мной своего рода шефство, следил за моей службой, помогал чем мог. Вот и в этот раз, увидев меня в землянке, сразу предложил примерить имеющуюся у него бекешу, сшитую на высокого человека, и добавил: «Если комдив

не возьмет, тебе отдам». Надевая бекешу, я машинально сунул руку в карман и наткнулся на записку, автор которой сообщал, что бекеша сшита на Омском овчинно-шубном заводе, и желал нам скорой победы.

Бекешу всё-таки взял себе комдив И. И. Людников, и его фото в этой омской бекеше здесь публикуется.

В «Истории Омской области» сообщается, что «за 1942-й Омский овчинно-шубный завод для армии отправил 8 400 бекеш, 4 600 полушубков и что Сибирь поставляла 80 процентов валенок для фронта». Пусть это сообщение будет благодарностью труженицам тыла за заботу о фронтовиках, в том числе и о защитниках Сталинграда.

Получив полушубки, солдаты сдавали шинели. У многих имелись поддевки-утеплители в виде шерстяных или стеганых безрукавок, их воины старались оставить себе, на всякий случай. Попыталась вмешаться медсестра: только вшей переносить! Кто-то отвечал ей со смехом: «Что вы, сестричка, какие вши? в таком огне ничто не выживет!».

Комдив И. И. Людников
в бекеше, сшитой в Омске

Фото из личного архива автора

У многих, независимо от веры, были свои «заговорённые» талисманы, амулеты-хранители. Причём это могла быть любая вещь. При мне, например, один пожилой воин понюхал мех нового полушубка и сказал: «Наш, сибирский, родиной пахнет. Хорошо будет согреть и хранить от фашистских пуль».

В общем, как бы там ни было, на ночное дежурство бойцы ухаживали уже в новом обмундировании.

Ещё более памятным оказалось распределение валенок в штабном подвале 344-го полка. Те, чья подходила очередь, натягивали шерстяные носки и, примеряя валенки (сибиряки упорно звали их пимами), выбирали обувь по ноге. Вдруг старый солдат полез в валенок рукой и достал небольшой сверток. Это оказались два маленьких сухарика, завернутые в записку. «Папа, пусть тебе будет тепло. Быстрее возвращайся, нам тяжело без тебя», – прочёл вслух солдат. Тут голос его пресёкся, и он заплакал.

Записку взял комсорг Слава Дубцов, громко, для всех, прочёл её и объявил: «А сухарики эти мы отдадим лучшему снайперу Седельникову». Но солдат неожиданно упёрся: «В тылу детишки голодают... Да мне эти сухари в горло не полезут!».

Неожиданно вопрос этот оказался настолько важным, что в обсуждении его приняли участие все, кто находился в подвале. Слова комбата Щербака: «Не отправлять же их обратно в Сибирь» – возымели действие, и решено было съесть сухари всем вместе – размочить в кипятке и каждому попробовать по крошке.

В центре подвальной комнаты горела на тумбочке лампа, сделанная из снарядной гильзы. Каждый подходил, своими глазами прочитывал записку и отщипывал крошку хлеба. Один из пожилых бойцов, подойдя, снял шапку, перекрестился и заявил, прочитав записку: «Можно, я её себе возьму? Чует моя душа – моей дочке эта посылка. Жена в пимокатной артели работает, дочка часто у неё на работе бывает, вот и решила отца угостить...». Просьбу сибиряка решено было уважить, и он бережно упрятал сложенный вчетверо листок в кармашек гимнастёрки.

Кто-то по доставшейся крошке определил, что хлеб испечен из муки грубого помола. «Где им там до крупчатки? – рассуждал воин. – Голодают, поди, хлеб из охвостья едят, а фронту последнее отдают. Было бы у ребёнка что-нибудь повкуснее, неужто он

пожалел бы для отца? Нету, видать...» Разговорились о тяготах тыловой жизни, об испытаниях, выпавших на долю родных и близких, — что-то знали из писем, что-то рассказывали вновь призванные солдаты. Дружно «крыли» фрицев, как мы между собой называли оккупантов, мечтали о счастливой жизни после победы.

В соседнем подвале, где также распределяли зимнюю обувь, солдат обнаружил в валенке маленькую иконку. Перекрестился, поцеловал иконку, назвал матушкой-хранительницей. Ему завидовали: тебя, мол, и Бог бережёт.

Территория завода
„Баррикады“.
Декабрь 1942 г.

Из фондов
музея-заповедника
«Сталинградская битва»

Разгорелся спор. Многолетняя атеистическая пропаганда давала плоды. Многие молодые были не верующими.

Пожилые утверждали обратное, вспоминали, что в германскую войну солдатам раздавали иконки — и печатные, и даже литые из металла. И эта икона, решили они, была, скорее всего, сохранена одним из солдат Первой мировой и передана сегодняшнему защитнику Родины.

Надо сказать, на войне к вопросам веры относились несколько иначе, чем в предвоенные годы. Солдат всегда был и оставался думающим и чувствующим человеком, а вера помогала сохранять в огне душевное равновесие и укрепляла бойцов. Поэтому умные, опытные командиры не слишком усердствовали в атеизме, к верующим относились бережно. Документы погибших собирались, передавались старшинам, партийные и комсомольские билеты сдавались в политотделы. Нередко вместе с документами поступа-

ли иконки или другие амулеты, хранившиеся у сердца. Не помню случая, чтобы хоть раз это вызвало осуждение. По крайней мере, в нашем полку – судить обо всех не берусь.

Партийные билеты пересылались в вышестоящие органы, комсомольские собирал я, составлял акты на уничтожение. Так что пришлось ознакомиться с сотнями документов и с тем, что солдаты хранили в нагрудных карманах гимнастёрок – другого места для хранения самого дорогого у солдата просто не было. Некоторые по-смертные записки, завещания нельзя было читать без слёз. Сколько надежд, мечтаний, которым уже никогда не сбыться! Здесь же хранились и тексты молитв и заповедей, крестики, иконки.

У молодых чаще попадались переписанные тексты любимых песен, стихи собственного сочинения, хватавшие за душу. Когда были адреса, всё это отсылалось близким погибших вместе с письмом, где описывались обстоятельства гибели и место захоронения.

Часто хотелось написать об этой стороне жизни на войне подробно, но на фронте было недосуг, а потом жизнь и работа завертели-закрутили... Так за целые столетия и не удосужился. Пусть же хоть эти строки отдадут последний долг моим погибшим товарищам...

И ещё об одной особенности тогдашней обстановки. Я уже упоминал, что солдатам запрещалось называть в письмах город, в котором они сражались. Тогда причина запрета была мне вроде бы понятна, а теперь, когда прошло время, кажется надуманной и пустой. Запрет обходили как умели: писали, что вот, мол, придётся попить водички из Волги... Расчёт был простой: все газеты писали о боях в Сталинграде, авось, догадаются родные.

На одной из встреч комдива И. И. Людникова с ранеными пожилой боец от имени всех задал ему вопрос: «Толкуют тут про военную тайну и некоторые письма у нас не берут. Нельзя, говорят, называть город, где мы сражаемся. А почему? Мы здесь кровь проливаем, готовы жизнь за него положить. На этот город сейчас весь мир смотрит, так чего нам таиться?». Позже И. И. Людников написал, что «вероятно, превысил свои полномочия, но разрешил солдатам указывать в письмах город, на который «весь мир смотрит».

Комдив-то разрешил, но запрет продолжал действовать. Мне самому пришлось получить взыскание за его нарушение.

Стояли мы тогда ещё на «Баррикадах». Я собирал комсомольские билеты погибших для последующего уничтожения. Среди них попадались и пробитые пулей или осколком, залитые кровью. Такой документ – сам по себе свидетельство подвига его владельца. Часть их была выдана райкомаами комсомола, некоторые я сам выписывал и вручал бойцам дивизии.

Я подумал, что Сталинградская битва – великое героическое событие и пробитый пулей комсомольский билет – прекрасное средство для проведения воспитательной работы. Подобрал я с десятка билетов, адреса бывших владельцев которых я знал, написал к каждому краткую сопроводительную записку, запечатал в конверты (большая часть адресатов Урал и Башкирия, но были и другие регионы страны) и отнёс на полевую почту.

Через несколько дней меня вызвал начальник политотдела. Являюсь. За столом начальник Смерша, а на столе – мои конверты. Со мной, как со своим, не церемонились, внушение было сделано в чрезвычайно грубой форме... Словом, комсомольские билеты погибших защитников Сталинграда, которые могли быть использованы в патриотическом воспитании молодёжи, так и не были отправлены, а земляки погибших не узнали имён своих героев.

ФРОНТОВОЙ БЫТ

Казалось бы, в осаждённом, постоянно подвергаемом бомбёжкам и артобстрелам городе, где люди в нечеловеческих условиях боролись, страдали, умирали, какой может быть разговор о мелочах быта! Действительность была настолько страшной, что молоденькие ребята, постоянно подвергавшиеся смертельной опасности, в несколько дней сидели. Но жизнь продолжалась, и бойцы старались сделать её как можно более комфортной. Приспособиться к тогдашним условиям было невероятно трудно, но мы приспособивались. Потому что каждый хотел не только выжить, но и сохранить силы для дальнейшей борьбы и победы.

То наступление, то отступление, то снова наступление – боевые позиции постоянно и очень часто менялись. Но русский солдат и славен тем, что умеет быстро приспособиваться к обстановке и создавать себе условия для несения боевой службы – момен-

тально выроет окопчик, укроется в нём от пуль и осколков. Стоит задержаться на позиции хотя бы на сутки, окопчик быстро «благоустраивается», углубляется, налаживается связь с соседями и базами снабжения... 138-й дивизии большую часть боёв приходилось вести в городе, в заводских цехах и жилых кварталах, поэтому для наших главным было не рытьё окопов, а сообразительность, умение выбрать в развалинах позицию, приспособить её для ведения боя, разведать обстановку, наметить пути наступления и при необходимости – отхода. Здесь нашему солдату равных не было – всё вызнают, всё увидят и возьмут на заметку, в том числе и подземные ходы, и трубы, а после крепко стоят в обороне, а израсходовав последний патрон, найдут пути отхода и уйдут к своим, даже через позиции врага.

На день-два задержится подразделение в каком-нибудь доме, в подвале моментально оборудовались удобные места для отдыха, откуда-то приносилась какая-никакая мебель, посуда, коптилка из снарядной гильзы. Позднее, уже на «Острове Людникова», в одном из подвалов в расположении 344-го полка был даже устроен «красный уголок». Ничего особенного – стол, с десяток стульев, натащенных из разрушенных домов, на стене – карта Сталинградского фронта, на которой отмечался ход нашего наступления. Сюда доставлялись газеты, которые приносила местная сталинградская школьница, прозванная Восточкой, о её судьбе я расскажу чуть позже.

В домах, где размещались гарнизоны рот, батальонов, обустроивались (в фронтовом понимании) подвалы, появлялись печки для отопления и просушки одежды и портянок. Из соседних полуразрушенных домов переносили койки с матрасами, что давало возможность отдохнуть после несения караульной службы. Спали в верхней одежде, лишь после начала нашего наступления стали позволять себе раздеваться.

Устраивать баню возможности не было, для мытья нагревали воду и обтирались тёплыми влажными тряпками. Отчаянно боролись со вшами. Военфельдшер 650-го полка Михаил Андрианович Дорошенко вместе со всеми ходил в атаки, а в минуты затишья становился главным борцом со вшами. Из домов приносили в подвалы одежду и постельные принадлежности, приходилось следить,

чтобы не принесли и паразитов. В каждом полку выделялись ответственные за стирку белья. Если не было возможности сменить бельё – кипятили то, что носили, сушили и надевали чистое, иногда надевалось прямо мокрым. Не помню, чтобы в каком-либо из домов появилась зараза.

Такая «устроенность» быта позволяла проводить и культурные мероприятия – беседы, читки газет и книг. В предвоенные годы в Советском Союзе была осуществлена культурная революция, ликвидирована неграмотность, многие солдаты успели пристраститься к чтению. Это увлечение сохранялось и на фронте.

Особой популярностью у советской молодёжи пользовался роман Николая Островского «Как закалялась сталь». Автор этих строк был награждён этой книгой как комсомольский активист, всюду возил её с собой. В 1940 году привёз с Урала в 138-ю дивизию, на Кавказ, и даже проводил громкие читки некоторых фрагментов бойцам. Во время отступления книга осталась в роте, попавшей в окружение, и потерялась. Я пожаловался Весточке, она обещала, и вскоре действительно нашла где-то для меня другой экземпляр. Эту книгу читали на «Баррикадах». Я пронёс эту книгу через всю войну, а сейчас она находится на стенде Музея боевой славы в Омске.

Комсорги полков, в основном бывшие студенты, хранили книги, организовывали обмен ими, среди увлечённых чтением. Помню одного из таких активных читателей, командира батареи артополка Н. А. Алексеева, родом с Алтая. Он постоянно приставал ко мне: «Нет ли чего почитать?». Как-то я дал ему «Записки охотника» И. С. Тургенева. Книга была пробита пулей. «Ничего, – сказал комбат, – в детстве я этих «охотников» читал с удовольствием, буду теперь вспоминать и восстанавливать разорванные строки». Позже, поздравляя Николая с награждением орденом Красного Знамени, услышал от него историю, как эта самая книга... спасла ему жизнь. «Увлёкся. Стало темнеть, а около стереотрубы ещё можно было читать, я и остался на КП, не пошёл в землянку. А в это время в неё угодил снаряд, и все, кто в ней был, погибли... Считаю эту книжечку своей спасительницей, буду хранить вечно». Позже, уже будучи капитаном, алтаец прислал мне из госпиталя письмо и ещё раз напомнил о счастливой книге.

**Рабочие
одного
из заводов
на защите
Сталинграда.
Ноябрь 1942 г.**

Из фондов
музея-заповедника
«Сталинградская битва»

Запомнился ещё один книголюб, лейтенант Калинин. Он был неплохим декламатором. Часто брал почитать мою «Как закалялась сталь», многие места которой знал наизусть. Мы его часто посылали с «комсомольским поручением» – почитать раненым. Освещения в землянке не было, но выручало то, что лейтенант мог пересказывать книгу на память целыми страницами.

Мы наивно гордились своими успехами в организации «уюта». Но уже совсем скоро воочию увидели, что такое хорошо налаженный военный быт... Расскажу, забегаю немного вперёд об этом, чтобы больше не возвращаться.

Мне довелось заглянуть в приспособленные под казармы помещения у хлебозавода, что северо-западнее «Красного Октября», и в немецкие казармы на территории «Баррикад». С участка хлебозавода немцы сдавались в последний день, 2 февраля.

Офицер, который вышел с поднятыми руками и расстегнутой кобурой, был чисто одет и гладко выбрит.

Заглянув в помещение, я обнаружил заправленные койки с полотенцами и туалетными принадлежностями. То же – в казармах 305-й пехотной дивизии, с которой мы бились на «Баррикадах» почти три месяца. Немцы воевали, сохраняя минимум бытовых удобств.

Нашими войсками на станции Котельниково был захвачен немецкий склад бытового обслуживания. Аккуратным кладовщиком

были педантично учтены все вещи, вплоть до белья ночного и повседневной носки, полотенце простых и банных... Имея за спиной усердно работающую на тебя Европу, можно было позволить себе и такое.

Если бы кто-то взялся изучить характер потерь Красной армии и вермахта, то, думаю, обязательно обнаружилось бы, что большинство наших убиты и ранены осколками бомб и снарядов, а большинство немцев пулями защитников. Куда проще направить на противника из далекого тыла самолёты, с закрытых позиций завалить его снарядами и минами, чем перетерпеть очередные бомбёжку и артоналёт (во время них, как я уже писал, наши солдаты старались жаться поближе к вражеским позициям, здраво полагая, что своих немец бомбить не станет), а затем выбраться на свою «благоустроенную» огневую, вести наблюдение, наконец, выцелить неосторожно высунувшегося фашиста и нажать курок. Стоило ли удивляться нашим потерям! Мы, бывало, сомневались, действительно ли солдат уложил столько фрицев, сколько зарубок сделано на ложе его винтовки. Но сегодня, когда немецкие исследователи опубликовали свои потери, Я понимаю, что сомневались мы зря.

В те дни вошли в своеобразную моду выражения: «создал тройную оборону», «сделал тигровую засаду». Тройная оборона – огневая точка в глубине развалин. При стрельбе с передней, первой стены враг очень быстро засекал позицию и обрушивался на неё всей своей огневой мощью. А вот стрельба из глубины развалин, сквозь проёмы и щели была более эффективной, хотя ожидать появления противника в пристрелянном проёме можно было довольно долго. Зато сам снайпер находился в более безопасном положении. У опытных снайперов имелись свои постоянные, «обжитые», точки. Как-то я пытался посмотреть на одну из таких точек, но тщетно – стрелок не захотел брать меня с собой из опасения, что я, неопытный и неуклюжий, демаскирую его укрытие.

Глава четвёртая

«ОСТРОВ ЛЮДНИКОВА»

«Остров Людникова» – так с конца 1942 года стал называться крайний правый фланг позиций 62-й армии, узкий участок обороны 138-й дивизии под командованием полковника И. И. Людникова между заводом «Баррикады» и берегом волжской протоки Денежной Воложки.

После очередного, четвёртого, штурма фашистами Сталинграда гитлеровцам удалось с жестокими боями пройти между заводами и занять небольшой участок Волжского берега, и 138-я дивизия оказалась отрезанной от основных позиций 62-й армии, как бы на острове.

Не было никаких специальных решений, ни каких-либо других указаний, но стойкая героическая защита позиций, особый способ снабжения катерами и самолётами, сделали своё дело – название закрепилось. «Остров Людникова», наряду с Мамаевым курганом, вошёл в историю очагом невиданного героизма и стойкости и с тех пор выделяется на картах города и в исторической литературе.

Например, на карте-схеме города Волгограда он значится под цифрой «десять», а в пояснении сказано: «Остров Людникова» – здесь насмерть стояла 138-я стрелковая дивизия полковника И. И. Людникова». В «Путеводителе по историческим местам города» выделена глава – «Остров Людникова», где во введении

сообщается: «Навсегда вошёл в историю битвы за Сталинград «Остров Людникова» – 700 метров по фронту и 400 метров в глубину, в посёлке Нижнем завода «Баррикады», здесь насмерть стояла 138-я Краснознаменная дивизия полковника И. И. Людникова. Сто дней и ночей дивизия вела тяжёлые бои за завод «Баррикады». Фронт изогнулся, проходя через цеха завода и улицы посёлка Нижнего. Противник атаковал танками; бомбами, снарядами и минами рушил он здания цехов и жилые кварталы. Когда дома превращались в груды щебня, их гарнизоны перебирались в подвалы, продолжая стойко удерживать рубеж до последнего солдата. 11 ноября гитлеровцы вышли к Волге с северной и южной стороны посёлка. Дивизия оказалась отрезанной от главных основных сил 62-й армии. С трёх сторон её окружали фашисты, четвёртой – была река Волга. «Остров Людникова» простреливался прямой наводкой артиллерии, простреливался пулемётными очередями. За спиной была Волга. Пути через неё гитлеровцы также держали под ожесточённым огнём, а к середине ноября и этот путь стал почти недоступным на Волге начался ледоход.

Дивизия стойко продолжала обороняться до перехода в наступление. За весь период сорокадневной блокады врагу удалось продвинуться на участке дивизии лишь на 200 метров, сам же он потерял несколько тысяч человек. Сломить сопротивление отважных воинов ему оказалось не под силу».

ЗА КАЖДУЮ УЛИЦУ, ЗА КАЖДЫЙ ДОМ

Октябрьский штурм позволил гитлеровцам превосходящими силами занять значительную часть города. Остались незанятыми: центральные кварталы, обороняемые героическими 13-й гвардейской и 284-й сибирской дивизиями, а также часть заводского района «Баррикады» и «Красный Октябрь».

Гитлер требовал от своего командования, не считаясь с потерями, занять заводские рубежи и выйти на всём участке к Волге.

В приказах и выступлениях фюрер особо выделяет заводы, называя их по-немецки – оружейным и металлургическим предприятием. Выступая в рейхстаге и в Мюнхене перед ветеранами-штурмовиками, Гитлер заявляет, что «город мы взяли, осталось несколько

За каждую
пядь!

Из личного
архива автора

ко точек, но мы их возьмём». При этом Гитлер разъяснил, почему именно Сталинград стал объектом похода на Волгу. «Я хотел дойти до него, точнее до конкретного города, который носит имя Сталина. Но не подумайте, что именно это послужило причиной моего похода. Нет! Просто он занимает очень выгодное положение. Я хотел занять его и рад сообщить, что он практически в наших руках. Осталось всего несколько маленьких плацдармов. Я не хотел бы иметь второй Верден, а предпочитаю завершить дело небольшими ударными отрядами». Однако немецкий генерал Г. Дерр оценивал ситуацию иначе. «Гитлер не хотел успокоиться, – писал он, – пока

его войска не захватят последний клочок земли, называемой Сталинградом. Политика, престиж, пропаганда и чувства взяли верх над трезвой оценкой полководца».

Созданием штурмовых отрядов для занятия «небольших плацдармов» и было занято немецкое командование. При этом оно особо выделяло участок позиций, защищаемый полками 138-й и 308-й дивизий. На завод «Баррикады» наступали полностью укомплектованные пехотные дивизии 305-я и 94-я но непрерывные атаки не приносили немцам успеха. На этот участок дополнительно перебрасываются 389-я и 76-я пехотные, 100-я егерская и 14-я танковая дивизии.

Яростные атаки всей этой массы войск противника значительно обескровили наши полки. Во всех источниках называется цифра: 500 активных штыков численность 138-й, ещё меньше штыков оставалось в строю в 308-й дивизии Л. Н. Гуртьева. И в конце октября, как я уже говорил, личный состав 308-й и 37-й гвардейской дивизий был передан на пополнение 138-й дивизии. После передачи численность дивизии достигла 700 активных штыков. Этим составом дивизия и отражала многодневные атаки вражеских дивизий, в последних числах октября и в начале ноября, когда по приказу Гитлера шло формирование особых штурмовых батальонов, о чём ниже сообщается.

Напряжённые, упорные бои продолжались изо дня в день. Приведу несколько выписок из сводок нашего Генштаба, а также ставших сегодня известными немецких сообщений с Восточного фронта.

28 октября 1942 года Генштабом Красной армии сообщается, что 62-я армия «продолжала вести упорные бои с пехотой и танками противника в районе «Баррикады», где противнику удалось потеснить наши части на 200–300 метров и отдельными группами выйти в район улицы Мезенской. Авиация противника, группами по двенадцать самолётов, непрерывно бомбила наши части в районе «Баррикады» и «Красный Октябрь».

Немцы за этот день дали свои сведения: «79-я дивизия овладела частью металлургического завода. С севера от завода 42-я танковая дивизия и 305-я, наступающие из района хлебозавода и фабрики «Красные баррикады», по всему фронту продвинулись к Волге.

к северу от склада с горючим, на участке между орудийным заводом и Волгой, части 305-й ведут ожесточённые бои». Это рубежи 138-й дивизии, и враг признаёт, что бои идут ожесточённые.

Не менее тяжёлым выдался и день 29 октября 1942 года. Нашим бойцам он запомнился тем, что наступавшие немецкие роты прикрывались советскими женщинами и детьми. Комдив И. И. Людников в своих воспоминаниях написал: «29 октября дивизия отбила четырнадцать атак. В последнюю атаку – это было на участке полка Печенюка – гитлеровцы гнали впереди себя детей и женщин. Мы повидали на войне немало чудовищных злодеяний фашистов, но с подобными столкнулись впервые».

Комиссар 1-го батальона 650-го полка Тюпа вспоминает о том бое: «Дети и женщины шли, а за ними фрицы с автоматами, направленными на их затылки. Дети плакали. Одна из женщин что-то крикнула, сразу раздался выстрел. Она упала. Попадали и другие. Мы открыли прицельную стрельбу. Атака гитлеровцев была отражена».

В боевом журнале 138-й дивизии (запись от 30 октября 1942 года) сообщается, что полки дивизии отбили двенадцать атак противника, с большими для него потерями. И далее: «Подтянув ночью свежие силы, в 5:20, после длительной артиллерийской подготовки, противник силою до пехотного полка перешёл в наступление при поддержке бомбардировочной авиации, действующей в течение всего дня, части дивизии вели исключительно упорные бои с превосходящими силами противника и, несмотря на огромное напряжение, продолжают удерживать занимаемые рубежи».

Об упорных боях на сталинградских улицах сообщалось и в сводках вермахта.

30 октября 1942 года: «В Сталинграде немецкие войска продолжили наступление».

1 ноября 1942 года уточняются точки боёв: улица Мезенская завод «Баррикады».

В нашей сводке за эти дни: «Авиация противника в течение дней 30.10 и 1.11, группами по 5–12 самолётов, непрерывно бомбила наши части».

2 ноября 1942 года: «138 СД в течение дня 2.11 отбила четыре атаки противника в районе завода «Баррикады» и удерживала занимаемые позиции. 308 сд с 242 сп 95 сд отбила четыре атаки противника, наступавшего из района Мезенская».

3 ноября 1942 года: «138 сд отразила атаку до роты пехоты противника в направлении Деревенск и до батальона пехоты с танками с юго-восточного угла завода «Баррикады» на Таймырскую улицу».

Приближалась годовщина Октябрьской революции, и можно было ожидать усиления вражеских атак. Наши тоже готовили подарки защитникам Сталинграда. Мы стали получать тёплое зимнее обмундирование, и что было особенно приятно – то были полушубки, шапки и валенки омского производства. Я об этом уже рассказывал. По железной дороге, связывавшей через Челябинск и Самару наш край с югом страны, сибирские полушубки и пимы шли прямым ходом в Сталинград. Сегодня я думаю, что наш интендант А. П. Гусев, возможно, способствовал тому, чтобы омские изделия прибыли не просто в горячую точку защиты города, но в точку, где дрались омичи.

Сражающаяся 62-я армия крайне нуждалась в боеприпасах, а катера завозили полушубки и валенки, командарм даже специально жаловался Н. С. Хрущёву, но, так или иначе, мы в 138-й зимнее обмундирование получили.

ГЛУБОКАЯ БАЛКА

Глубокая балка, на длительное время ставшая южным фронтом «Острова Людникова», разделяла межзаводское пространство «Красного Октября» и «Баррикад». Между заводскими территориями там широкий промежуток, а за ним – Волга с причалом и приречный участок склада ГСМ и заводской стадиончик. Немцы считали этот путь удобным для выхода к Волге. Наши это также понимали, и потому с 25 октября этот район стал ареной упорнейших боёв. Комдив 95-й дивизии В. А. Горишный приказал перегородить овраг двумя заплотами и засыпать пространство песком и щебёнкой. По балке осуществлялась связь между подразделениями, проходили пополнения, короче говоря, для наших войск она была важным объектом коммуникации.

В донесении Военного совета Сталинградского фронта сообщалось: «Бои в районе заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь» отличаются исключительной интенсивностью и напряжением с обеих сторон. Благодаря героическому упорству войск 62-й армии, орга-

низованному и массированному огню артиллерии, реактивных систем и авиации, наступавшему противнику в составе пяти дивизий при поддержке сильной группы авиации, удалось продвинуться между заводами всего на 200–300 метров».

И такие бои продолжались изо дня в день. Иногда в сводках даже мелькало название балки Глубокая (7 ноября), иногда – нет, но важно не это, а то, что крутые берега Глубокой балки, прозванной бойцами «оврагом смерти», стали местом ежедневного подвига воинов 62-й армии.

Расскажу об одном из них.

Немцы рвались к Волге, бросая в бой всё новые и новые силы, в частности, штурмовые сапёрные батальоны и танковые подразделения. На танкоопасный участок были направлены бронейбойщики 241-го полка под командованием лейтенанта Цуркана. Бойцы, а было их семеро, укрепились в развалинах разрушенного дома.

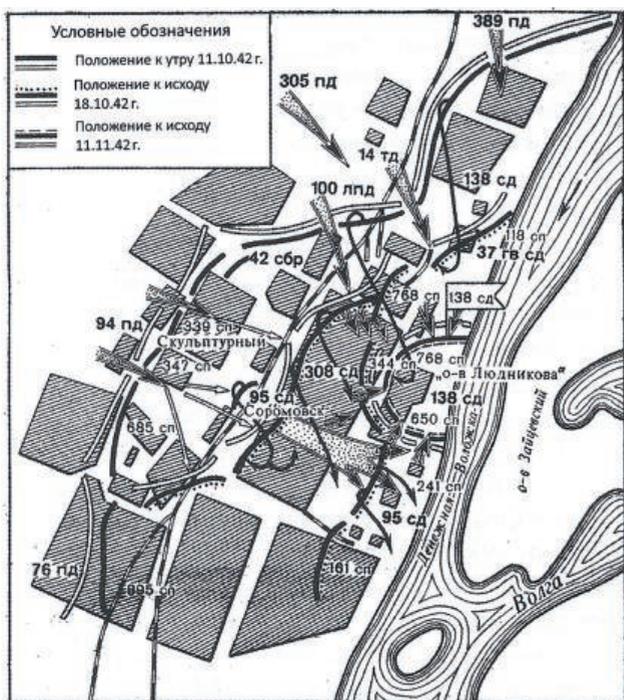
Когда вражеские танки подошли на расстояние 200 метров, лейтенант дал приказ открыть огонь. Первым же залпом был подбит один из танков. Обнаружив засаду, немцы стали в упор расстреливать развалины из пушек и поливать пулемётным огнём. Погибли командир взвода лейтенант Цуркан, сержант Удод, многочисленные ранения получил младший сержант В. Гриценко. Но оставшийся в строю красноармеец Фёдор Маненков продолжал убийственный огонь, и фашисты не выдержали – стали отводить танки. Перед рубежом отважных бронейбойщиков остались догорать шесть танков и бронемашин противника. За этот бой красноармеец Ф. Ф. Маненков был награждён орденом Ленина.

Исследователи называют бои в начале ноября, до начала четвертого штурма, разведывательными. Однако по упорству и степени концентрации наступавших войск эти разведывательные бои не уступали генеральным сражениям. Были отбиты атаки на заводы «Лазурит» и «Баррикады», однако бои за выход к Волге были для противника более успешными. На позиции 241-го полка 95-й дивизии наступали полностью укомплектованный пехотный полк, три штурмовых батальона. Удар был настолько силен, что несколько десятков немцев вырвались на берег реки, но последовавшей тут же контратакой были уничтожены. Бой становился затяжным. Штаб 62-й армии пытался помочь 95-й дивизии, но сил было мало, удалось дополнительно ввести лишь 40–50 человек.

В этом бою 241-й полк потерял убитыми и ранеными 90 % личного состава. Вторая атака поддержанных танками штурмовых батальонов закончилась их выходом к берегу Волги. Паулюс мог отправить победную реляцию.

СО ВСЕХ СТОРОН ВРАГИ

Немецкие стратеги планировали в летнюю кампанию 1942 года завершить осуществление плана «Барбаросса», выйти к Кавказу и к Ближнему Востоку. Сталинград им представлялся узловым пунктом для осуществления этих целей. Но упорная, героическая оборона города эти планы сорвала.

Карта обороны
„Острова Людникова“

Из личного
архива автора

Сталинград был необходим фашистам не только как важнейший транспортно-экономический центр, для фюрера было важно завладеть городом с ТАКИМ названием. И он наращивает силы

группировки, назначает всё новые и новые сроки взятия города. Выступая в рейхстаге, а потом и перед «старой гвардией» нацистского движения в конце октября, он говорил о взятии Сталинграда как о решённом деле и добавлял, что остались «несколько точек, но мы их возьмем». Приказ следовал за приказом, но упрямые «несколько точек», обороняемые 138-й дивизией, не поддавались.

Наступательные операции в начале ноября стали для немцев «разведкой боем» и значительно улучшили их боевые позиции для решительного наступления на заводы «Баррикады» и «Красный Октябрь». В каждой дивизии были выделены полки и подразделения для штурма, каждому из них определены объекты захвата. Это наступление известно в истории как четвёртая попытка штурма Сталинграда.

Положение войск и ход сражения показаны на схеме И. И. Людникова «Бои за завод «Баррикады».

На берегу Денежной Воложки стояли подразделения 389-й пехотной дивизии под командованием генерал-майора фон Магнуса, они обороняли берег напротив острова Зайцевского и нашего 118-го гвардейского полка, входившего в состав 138-й.

Далее располагались полки 305-й пехотной дивизии под командованием полковника службы генерального штаба Штейнметца. Западнее – 100-я егерская дивизия под командованием генерал-лейтенанта Занне, 14-я танковая генерал-майора Басле и далее 94-я дивизия генерал-лейтенанта Пфафера.

После захвата немцами юго-восточной части завода и выхода на берег Волги южный рубеж 138-й занял оборону против полков 76-й пехотной дивизии генерал-майора Роденбурга.

Немцы готовились к решающему броску. Расчёт противника строился на огромном превосходстве в живой силе и технике, а также на природном факторе – начале ледостава на Волге, что резко увеличивало трудности защитников города. Многие исследователи пишут о некотором снижении напряжённости вражеских атак после 20 октября. От лица своих товарищей заявляю: никакого снижения активности противника не было. Сегодня, когда опубликованы и наши, и немецкие боевые сводки, это стало очевидным.

Штурм начался утром 11 ноября 1942 года бомбёжкой и двухчасовым артиллерийско-миномётным обстрелом. «Накануне,

10 ноября, – пишет И. И. Людников, – противник провёл массированную бомбёжку позиций советских артиллеристов на левом берегу.

Отдельные немецкие самолёты, сменяя друг друга, кружили над передним краем. Из наших полков сообщали: «Противник уплотняет боевые порядки». Используя свой опыт, наши подразделения передней линии всё более прижимались к позициям врага на расстояние броска гранаты. Знали: из опасения бить по своим – немцы не подвергают такому интенсивному огню ближние к ним позиции».

После бомбёжки и артобстрела в атаку пошли группами танки и пехота. И. И. Людников вспоминает: «Паулюс собрал всё, что мог, нацелив главный удар на заводы «Баррикады» и «Красный Октябрь». Последующее изучение советских и немецких архивов позволило исследователям установить точные цифры фашистских сил, используемых для 4-го штурма. В наступлении 11 ноября на узком участке в 5 километров участвовало шесть пехотных и две танковые дивизии».

Наши бойцы, стоявшие от немецких исходных позиций на расстоянии броска гранаты, первые атаки отбили. В 11 часов 30 минут противник ввел в бой резервы и возобновил атаки, они на разных рубежах начались не одновременно. Более сильный удар большой группы танков наносился по правому флангу 344-го полка 118-й, и особенно сильный – по позициям 241-го полка 95-й дивизии. Именно там немцам удалось смять позиции ослабленного полка, продвинуться по южному берегу Глубокой балки и на узком участке в 300–400 метров выйти на берег Волги, заняв площадку склада горючего.

Вероятно, для немцев этот участок был настолько важным, что об этом успехе специально упоминалось в сводке вермахта (№ 514 за 11 ноября): «В восточной части металлургического завода противник, при поддержке отдельных танков, вновь атаковал. Атака успеха не имела. Несмотря на упорную оборону против наших атакующих частей, противник оставил склад горючего, а также участок северо-восточнее оружейного завода». Склад горючего – это позиции нашей 95-й дивизии, а участок северо-западнее оружейного завода – позиции 344-го полка. Подвергались атакам танков и пехоты также позиции правофланговых 118-го гвардейского полка

и последние остатки героической 37-й гвардейской дивизии, находившиеся в последние дни под командованием И. И. Людникова.

В северной части Глубокой балки, в углублении, вырытом в яру откоса, размещался пункт связи 138-й дивизии с позывным «Ролик». Бомбёжкой были порваны провода, связь дивизии со штабом армии прервалась. Но, когда немцы вышли на вершину откоса, оказавшиеся снизу бойцы открыли прицельный огонь по немцам, которые пытались пройти к Волге по дну оврага.

Более обстоятельный рассказ о подвигах связистов с «Ролика» – впереди.

С прорывом немцев к Волге для 138-й на правом фланге образовался новый участок фронта. Комдив объявил тревогу. Офицеры штаба, а также связисты и сапёры, которых возглавил начальник разведотдела Т. М. Батулин, буквально пробежали по берегу реки, чтобы прикрыть образовавшуюся дыру. 344-й полк получил команду продвинуть свой левый фланг на юг по северному склону оврага. Тогда же командиру 650-го полка Ф. И. Печенюку было приказано передать свои позиции 768-му полку и срочно перебросить подразделения на оголившийся левый фланг.

Прибывший в команде Батулина комбат связи И. М. Головкин получил приказ о восстановлении линейной связи со штабом 62-й дивизии. Он первым под огнём врага преодолел Глубокую балку и посетил «Ролик». Дал необходимые указания связистам. Но установить связь с частями 62-й тогда не удалось.

Сложнейшие это были минуты боя. Рота учебного батальона и несколько групп бойцов из других подразделений продолжали отражать атаки врага, другие, те, кому успели передать приказ, снялись с позиций, спустились к берегу и побежали на новые участки обороны. 650-й полк разделился.

Уход с позиций группы бойцов, вероятно, не остался незамеченным для немцев. Они произвели быструю рокировку, ввели в бой сапёрный батальон и начали новую атаку на стыке позиций 650-го и 118-го гвардейского полков. Здесь немцам удалось смять нашу оборону и продвинуться, охватывая левый фланг гвардейцев, которые, прижатые к берегу, продолжали обороняться.

И. И. Людников записал: «Пять часов удерживали гвардейцы рубеж, но немцы бросили в атаку два свежих сапёрных батальона

и, смяв остатки 1-го батальона 118-го полка, прорвались к Волге. Гвардейцы оказались в окружении, но врагу не сдавались. Ночью к нам пробрались семеро раненых из этого полка. Они вынесли с поля боя тяжело раненного командира 118-го гвардейского полка подполковника Колобовникова». Это были последние воины из героической 37-й гвардейской дивизии, сформированной из десантников в прифронтовой зоне. Дивизия была брошена на защиту тракторного завода, где её части и погибли в жесточайших боях.

118-й полк 37-й дивизии, стоявший на правом фланге, был отеснён к берегу Волги, куда 16 октября был переброшен и 650-й полк 138-й. Так эти части оказались рядом и плечом к плечу героически сражались с превосходящими силами врага.

Не менее трагически сложилась обстановка и на рубеже 768-го полка, стоявшего на северо-восточной части завода «Баррикады». Здесь немцы бросили в бой большую группу танков. Части их удалось прорваться вдоль восточной стены заводской ограды до пробоины в стене. Другая группа танков к той же пробоине вышла с территории завода. Фашисты объединились и окружили 2-й батальон полка. Начались яростные атаки на окружённых защитников заводских мастерских. Более суток держались наши бойцы в здании мастерских и прилегающих к нему цехах. Ещё 12 ноября оттуда доносились стрельба и разрывы гранат. В том бою погибли комбат Г. Ф. Сизоненко, комиссар батальона И. И. Овчинников и другие офицеры батальона и приданных подразделений.

Правый фланг обороны 768-го полка упирался в выездные ворота завода в посёлок Нижний. Севернее ворот стояло кирпичное здание типографии, в подвале которого размещалась огневая точка под командованием старшины Латышева. Немцы несколько раз штурмовали ворота, стремясь ворваться на площадку обороны дивизии, но каждый раз встречали отпор защитников.

11 ноября 1942 года стало для 138-й дивизии переломным днём. Дивизия оказалась почти в полном окружении. В конце дня И. И. Людников, докладывая начальнику штаба армии В. И. Крылову, сообщал: «Враг нас отрезал, разъединил с вами. Но мы на «Баррикадах». А с баррикад не уходят».

Командарм В. И. Чуйков пишет, что положение дивизии Людникова, оторванной от основных сил армии, «стало очень тяжёлым,

она была зажата противником с севера, с запада и с юга, а с востока отрезана Волгой, по которой шёл сплошной лёд».

С юга позиции 344-го полка 138-й дивизии атаковали части 94-й и 76-й пехотных немецких дивизий. После второй атаки, с вводом резервов, врагу удалось смять 241-й полк и занять юго-восточный угол завода и часть помещений на проспекте Ленина, возле здания школы.

11 ноября 1942 года подвергались атакам подразделения 344-го полка, чья линия обороны проходила по домам и развалинам по улице Таймырской и заводской стене. Эти части напор немцев выдержали. За домами, где гарнизонами стояли группы бойцов, закрепились новые названия – по фамилиям оборонявших их командиров. Слова «батальон», «рота» стали звучать реже, называли: «Дом Бербешкина», «Дом Калинина», «Дом старшины Латышева», «Дом сержанта Злыднева» и др.

Сложнее обстояло дело на центральном и северном участках обороны дивизии – на позициях 768-го и 118-го гвардейского полка. Рубеж 768-го начинался от выездных ворот в посёлок Нижний до северо-восточного угла ограды завода и далее на северо-восток до Денежной Воложки, где берег охранял 118-й гвардейский полк.

Эти рубежи постоянно поддерживали наши армейские артиллеристы, стоявшие за Волгой и имевшие своих корректировщиков в полках на правом берегу. Но усиленные бомбардировки позиций артиллеристов 10-го и утром 11 ноября нанесли нашим пушкам большой урон. Однако первый натиск врага утром 11 ноября был отбит. После ввода в бой резервов из второго эшелона врагу удалось уничтожить ряд наших точек и занять развалины домов, когда в них уже не оставалось защитников. В этом бою погибли комбат 3-го батальона В. А. Бовыкин, политрук Иван Фёдоров. На помощь поредевшему батальону была направлена рота, составленная из только что прибывшего пополнения, совсем ещё мальчишек, которой командовал восемнадцатилетний лейтенант П. В. Сальников. Вместе с ротой Сальникова пошёл комиссар полка Григорий Павлович Воронин.

Нападавших фашистов встречал пулемётный огонь. Защитники проявляли сноровку, укрепили ворота, вывесили ящики, имитирующие мины, такие же знаки установили перед подходом

к воротам. 11 ноября немцы направили на объект четыре танка, которые открыли огонь прямой наводкой по типографии и воротам. Верхний этаж здания был разрушен, обвалившаяся стена завалила вход в подвал. От непрерывного огня танковых пушек или термитных снарядов загорелись деревянные обломки. Латышев считал, что немцы бросали в них зажигательные гранаты. Однако, судя по тому, что в подвал при этом проникал какой-то желтовато-зелёный дым, от которого становилось трудно дышать, это был, скорее всего, газ. Оборонявший соседний участок 95-й дивизии старший лейтенант Селифанов писал в донесении комбату: «После разрушения домов танками забрасывали оставшихся защитников шашками с ОВ (после взрыва шашки появляется желтовато-зелёный дым и становится невозможно дышать)». Вероятно, такими же шашками пытались забросать и защитников типографии. Но завалившая вход в подвал бетонная плита, а также плотный миномётный обстрел ускорили рассеивание ядовитого газа, и в подвал попадала лишь часть его. Наши герои продолжали вести прицельный огонь и удерживать типографию.

**Миномётная батарея
ведёт огонь**

Фото из личного
архива автора

В ночь на 12 ноября из соседних домов № 37 и 38 нашим воинам удалось пробраться к развалинам типографии, разобрать завал входной двери и освободить защитников. Из вышедших лишь

четверо могли держаться на ногах. Почерневшие от дыма, копоти и пыли, с кровавыми подтеками и кое-как перевязанными ранами, но гордые и несломленные, они перешли в соседний дом № 40 и стали в оборону Сталинграда. За этим домом закрепилось название «Дом старшины Латышева». Защитники этого дома, сибиряки, называли себя казаками. Их фамилии: Ланбин, Аверин, Бражников, Седельников, Ложников.

Позже, детально изучая происхождение русского населения Сибири, я часто встречал эти фамилии в числе сибирских казаков, первопоселенцев. Выросшие в суровом краю, воспитанные преодолевать трудности и верно служить Родине, они образцово проявляли свои бойцовские качества и на берегах Волги.

И, раз уж речь зашла о сибирских узлах обороны, расскажу о «Доме Калинина». После того как часть 650-го полка была перебросена на южный фланг для ликвидации вражеского прорыва, встала задача налаживания «локтевой» связи с соседями справа и слева. Командир полка Ф. И. Печенюк направил на фланг, соседствующий с позициями 344-го полка, своего адъютанта младшего лейтенанта Калинина с взводом бойцов.

Группа направилась в развалины, но соседей не встретила, зато обнаружила южнее П-образного дома капитальный двухэтажный домик, толстые стены которого были сплошь изранены осколками бомб и снарядов, но выглядели надёжными. Калинин заглянул в дом, первое что бросилось в глаза – тоже исцарапанный осколками, но целый огромный рояль! Младший лейтенант распорядился подготовить дом к обороне – оборудовать смотровые щели для огневых точек и подвал для гарнизона. Посланная разведка доложила, что западная часть проспекта под нашим контролем, но весь проспект насквозь простреливается фашистскими танками.

Оказалось, что решение молодого офицера закрепиться в этом доме оказалось правильным – вскоре на развалинах показались немецкие автоматчики. Разгорелся бой, в ход пошли гранаты. Противнику удалось уничтожить гарнизоны соседних домов, но взять «Дом Калинина», как он скоро стал именоваться в сводках, немцы не могли. В боевом журнале начштаба дивизии есть записи о том, что к дому неоднократно рвались танки врага с пехотой, но защитники гранатами и бутылками с зажигательной смесью отбивали

одну атаку за другой. Круглые сутки на верхнем этаже дежурили стрелки, днём упражняясь в меткости в стрельбе по перебежавшим с места на место немцам, ночью стреляя на звук. Так «Дом Калинина» стал важным опорным пунктом и вместе с опорным пунктом в северной пристройке П-образного дома прикрывал от атак врага берег Воложки.

Как писал в воспоминаниях И. И. Людников, «противник, потеряв надежду овладеть «Домом Калинина» с помощью танков и пехоты, подключил к делу тяжёлую артиллерию. Огромные снаряды разрушили добротную стену, рухнула межэтажная лестница. При этом погибли двое защитников – ополченец, заводчанин с «Баррикад» Гераськин и инженер полка». Но этот дом оставался опорным пунктом обороны весь период обороны «Острова Людникова».

В одной из последних танковых атак на «Дом Калинина» сам младший лейтенант был тяжело ранен и на одном из последних бронекатеров эвакуирован на Большую землю. Катера шли под непрерывным обстрелом с берега, и Калинин, лежавший на палубе, был ранен вторично – пуля перебила правую ключицу. Врачам пришлось сделать ему три операции. О возвращении в строй нечего было и думать.

Забегая вперёд, скажу, что Анатолий Павлович Калинин поступил в Ленинградский пединститут, успешно его окончил, женился и попросил распределить его на самый трудный участок. Поехал на Дальний Восток, в создававшийся там Сахалинский пединститут, стал писать местную историю, защитил кандидатскую диссертацию, а через несколько лет вернулся в Ленинград...

А неподалеку от «Дома Калинина» находился ещё один домик, оборонявшийся бойцами из прибывших к нам воинов Гуртьевской дивизии. Командовал ими выпускник Омского пехотного училища Щеглов, а бойцами были в основном наши земляки. Двое из них, отличавшиеся особой находчивостью и смелостью при выполнении заданий, Кайгородов и Пахотин, звались братьями. Многие удивлялись – какие же братья, фамилии-то разные! Оказалось, что братьями они были двоюродными.

Гитлеровцы заняли территорию склада горючего и Глубокую балку, создав тем самым для дивизии южный участок фронта. Но особенных успехов врагу удалось добиться на северном участ-

ке рубежа обороны, где против нас действовали 305-я и 389-я пехотные, 14-я танковая и вновь переброшенная им в помощь 100-я егерская дивизии, – окружить два батальона 768-го полка и 118-й гвардейский полк. Видимо, немцы считали этот участок наиболее слабым звеном в нашей обороне, потому что каждая из наступавших дивизий стремилась направить часть своих сил именно на это направление, в образовавшуюся «дыру».

**И. И. Людников
на командном пункте**

Фото из личного
архива автора

С этих атак на северном фланге обороны и начался боевой день 12 ноября. Развивая наступление и подавляя мелкие очаги сопротивления, вражеские дивизии рвались к волжской воде у оружейного завода, яростно атакуя позиции 138-й дивизии, теперь уже стоявшей на «Острове Людникова». Некоторые части противника начали штурм раньше других, вероятно, чтобы поскорее отправить в Берлин рапорт о выполнении директивы фюрера, лично руководившего Сталинградской операцией, и получить благодарность лично от него. В отличие от предыдущих дней не проводились авианалёт и артподготовка. Самолёты не применялись потому, что занимаемый дивизией участок был настолько мал, что лётчики легко могли промахнуться и отбомбиться по своим. Пушки же, стоявшие на высоком берегу, были против нас вовсе бесполезны, поскольку мы располагались ниже их и снаряды летели по положенным траекториям над нашими головами.

Мы ждали главного удара с юга, откуда 11 ноября наступали танки, но первым в атаку бросился ударный отряд сапёров, против которых в обороне стояла миномётная рота 344-го полка. Задачей противника был выход в наши тылы, в район командного пункта

дивизии. Группе автоматчиков числом до 70 человек удалось проваться на проспект Ленина, к огневой позиции миномётной батареи. Миномётчики бросились в контратаку, дело быстро дошло до рукопашной схватки, которую немцы не выдержали и, побросав оружие, убитых и раненых, бежали. Но это было только начало. Другая группа немцев, преодолев сопротивление наших бойцов, все же вышла к штабу дивизии.

Бойцы комендантской роты, охранявшие штольню, открыли огонь. За оружие взялись все штабисты. Пулемёты, выставленные в ожидании нападения с юга, срочно разворачивались на север. За один из них лег начальник штаба подполковник В. И. Шуба. В бой вступили все – 18 сапёров, 12 связистов, шестеро солдат комендантской роты и легко раненые, во главе с фельдшером Серафимой Озеровой. Общее руководство обороной взял на себя комбат сапёров Андрей Васильевич Косарев, будущий Герой Советского Союза. Схватка, быстро перешедшая в рукопашную, продолжалась более часа. После боя наши сапёры собрали оружие убитых фрицев и документы. Комбат Косарев доложил комдиву, что солдатских книжек собрано сорок две, и все они выданы штабом Магдебургского сапёрного батальона. Некоторые исследователи не поверили воспоминаниям генерала Дерра о том, что сапёрные штурмовые батальоны доставлялись в Сталинград самолётами из Германии. Вот эти самые солдатские книжки и подтверждают правоту битого фашистского генерала.

Рядом вела наступление 14-я танковая дивизия немцев. Танкисты расчистили проход к воротам от мин и пустили с десятков танков на участок обороны 650-го полка. Мощным огнём смяв слабо вооружённых миномётчиков 344-го полка, вражеские машины пересекли проспект Ленина и вышли к двум четырёхэтажным домам, в том числе к П-образному, как он именовался в наших оперативных документах. Построенный в 1916 году английскими инженерами, капитальный, с массивными стенами, он использовался как заводоуправление, а название своё получил из-за двух пристроек, образовавших вместе с главным зданием букву «П». Пристройки глубоко врезались в участок нашей обороны и стояли практически на берегу. Этим и объясняется ярость немецких атак на этот дом.

Исследователь А. Исаев так описывает расстановку и методику действий атакующих: «Основной ударной силой наступления стали сапёрные батальоны. Именно они первыми двигались вперёд после артиллерийской подготовки. Ослабленные пехотные полки 305-й дивизии шли за сапёрами, занимая дома и уничтожая последних защитников».

Сапёры 50-го батальона, взорвав угловые стены главного корпуса и южной пристройки, обстреляв прямой наводкой из танков, заняли верхние этажи здания. Наши бойцы укрылись в подвале. Немцы кричали: «Рус, сдавайся!» – и лили горячее в подвал через дыру в полу, затем гранатой подожгли его.

Комдив И. И. Людников так описывает этот момент боя: «Чтобы открыть пехоте дорогу к Волге, десять немецких танков обрушили свой огонь на один четырёхэтажный П-образный дом в Нижнем посёлке «Баррикад». Дом обороняли бойцы миномётного взвода полка Печенюка. Все они были ранены, но продолжали сражаться в развалинах дома. Когда гитлеровцы ворвались на первый этаж этого дома, миномётчики вызвали огонь нашей артиллерии на себя». Понеся большие потери, немцы отошли, а уцелевшие в подвале П-образного дома бойцы ещё сутки продолжали сопротивление. Впрочем, это лишь отсрочило сдачу объекта... К исходу дня здание было взорвано противником.

Однако, как рассказывали мне при личных встречах участники обороны, северная пристройка пострадала меньше, разрушенными оказались лишь этажи, примыкавшие к главному зданию. Пристройка в итоге нашими покинута не была, та её часть, что выходила на берег Воложки, была превращена в мощный оборонительный узел и оставалась базой 3-го батальона 650-го полка до самого окончания обороны. В подвале был оборудован командный пункт объекта. Поскольку он находился неподалеку от дивизионного КП, сюда часто наведывались офицеры штаба. Здесь проводились инструктажи разведчиков, отправлявшихся по трубам подземных переходов, снайперов, выходивших на «охоту» на верхние этажи здания, откуда прекрасно просматривался вражеский тыл. По прокопанному вдоль берега окопу бойцы переходили к местам подхода прибывавших с Зайцевского острова весельных лодок, а позже – катеров.

Рота 650-го полка удерживала овражек, а затем, неожиданно контратаковав, сбросила противника с южного берега оврага, заняла каменную водокачку и трансформаторную будку, не дав немцам установить здесь пулемёты для прицельного обстрела Денежной Воложки, которая вот-вот должна была покрыться льдом и по которой должно было начаться регулярное снабжение «Острова Людникова» продовольствием и боеприпасами.

Бои тех дней нашли отражение в сводках Генерального штаба: «138-я сд вела оборонительный бой с противником силою до пехотной дивизии и четырёх сапёрных батальонов с 15 танками. Противнику на левом фланге дивизии удалось прорвать передний край обороны и продвинуться вперёд». А вот что писали о тех же днях в немецкой сводке: «В Сталинграде штурмовые группы заняли восточнее завода «Красные баррикады» два квартала жилых домов и комиссаровский дом. Атака противника силою в 150 человек была отбита».

Из сопоставления этих двух сводок, на первый взгляд, можно вынести лишь одно – наши не только оборонялись, но и контратаковали. Но – вчитаемся и вдумаемся. На наши позиции наступали целая дивизия пехоты, четыре батальона специально обученных сапёров да ещё и 15 танков. А 138-я смогла собрать для контратаки лишь 150 бойцов...

Те, кто составлял приведённую сводку, такую тонкость, как соотношение противоборствующих сил, упоминать не стали... Умолчим же и мы о цифрах вражеских потерь, указывавшихся в те дни в наших ротных и батальонных сводках. Потери врага были невероятно завышены, указывались даже разбитые немецкие артиллерийские батареи, хотя всем известно, что пушки стоят, как правило, в тылу, и ротному огню недоступны. Но азарт успешного боя – неважно, наступательного или оборонительного – окрыляет, и некое преувеличение видится не таким уж и великим грехом... Те, кто получал эти сводки, все это прекрасно понимали и «наверх» передавали уже откорректированную и в целом достоверную информацию.

Исследователи последних лет высоко оценивают мужество и стойкость людниковцев. В уже упоминавшейся книге «Солдаты XX века» уточняется, что личный состав дивизии, оборонявшей участок берега около 700 метров по фронту и 300–400 метров в глуби-

ну, составлял тогда всего 500 человек. А противостояли ей две полные дивизии и от трёх до пяти сапёрных батальонов немцев. Я хотел бы сделать некоторые уточнения: по состоянию на 11 ноября в составе 138-й дивизии сражались около 700 человек, однако к концу блокады, к 19 ноября, в строю осталось не более 250, около 400 были ранены.

По моему мнению, не совсем точны и сводки нашего Генерального штаба, ставшие сейчас доступными благодаря публикациям их в серии «Архив». В них, к примеру, противостоявшие 138-й силы противника оцениваются, как сказано выше, в пехотную дивизию с четырьмя батальонами сапёров и 15 танками. Однако немецкие сводки говорят о действиях против нас всей 6-й армии немцев. Вот, к примеру, выдержка из немецкой сводки за 11 ноября: «6-я армия. В восточной части металлургического завода противник при поддержке отдельных танков вновь атаковал. Атаки успеха не имели. Несмотря на упорную оборону против атакующих наших частей, противник оставил склад горючего, а также участок северо-восточнее оружейного завода». Известно, что против позиций 138-й дивизии, не считая сапёрных батальонов, стояли три пехотные и одна танковая дивизия противника. Полки всех этих дивизий участвовали в штурме 11 ноября. Возможно, не все до единого солдата названных соединений врага участвовали в атаках на наши позиции, но следует признать, что превосходство врага в силах, особенно в танках и артиллерии, было не просто большим – огромным. Подсчёты, произведённые уже в наше время немецкими историками, показывают – превосходство было десятикратным!

ЗНАМЕНИТЫЙ „ПРОБЕГ ПЕЧЕНЮКА“

Местом размещения штаба 650-го полка, которым командовал Ф. И. Печенюк, стала глубокая ниша в берегу овражка. Здесь проводились совещания, отдавались боевые приказы, здесь же и велись душевные дружеские беседы.

С Фёдором Иосифовичем у меня сложились отношения несколько неформальные. Дело в том, что он, сам родом из Житомирской области, в молодости был комсомольским активистом, первым механиком кинопередвижки и так энергично и инициативно

вёл дело, что сельские зрители порой знакомились с новинками кинематографа раньше, чем жители областного центра.

Это было очень удобно для комсомольского активиста: кино показывали в клубах или даже на площадях. Сюда, как правило, собиралось всё село, уж молодёжь – во всяком случае. Здесь он и знакомился с будущими комсомольцами, устанавливал связи с активом, создавал ячейки и первичные организации.

Ко мне, комсомольскому работнику, относился сердечно, всегда подробно интересовался положением дел и обязательно рассказывал какой-нибудь забавный или поучительный эпизод времён своей «комсомольской юности». А бывать у него на КП приходилось часто – «Остров Людникова» был настолько мал, что за день удавалось побывать во всех подразделениях. Так что виделись практически ежедневно. Встречи происходили по одному сценарию: вопрос о делах и – рассказ. При этом Фёдор Иосифович увлекался, говорил горячо и живо до тех пор, пока его не отвлекали либо телефонным звонком из штаба дивизии, либо срочным сообщением из батальонов. Думаю, если бы не суровая необходимость оперативного руководства полком, он говорил бы часами... Чувствовалось, что мой приход для комполка молодость. прекрасный повод вспомнить молодость.

Уже после нашего месячного, примерно, пребывания на «острове» после очередной неудачной попытки 650-го пробиться на юг зашёл у нас разговор об одном боевом эпизоде, имевшем место утром 11 ноября. Напомню: противник прорвался на территорию склада боеприпасов, часть 650-го полка вынуждена была оставить свои позиции и срочно занимать оборону на южном фланге «острова». Я сказал, что собираюсь написать заметку в газету о знаменитом пробеге рот полка с севера на юг.

Фёдор Иосифович рассмеялся:

– Действительно, много было разных манёвров, налево, направо, по фронту, но чтобы с севера на юг... такого больше не припомню.

И рассказал, как получил приказ комдива снять бойцов с позиций и немедленно закрыть южный фланг – фашисты вышли на территорию склада горючего и рвутся к нашим позициям. «Но мы же ведем бой!» – пробовал возразить Печенюк. «Передавай позицию Гуняге и быстро на южный фланг! Бегом!» – повторил приказ комдив.

– Делать было нечего, – продолжал Ф. И. Печенюк, – поднял работников штаба, связистов и бойцов из ближайшего к КП взвода. Начальнику штаба Лапшину приказал поднимать роты и бежать на южный фланг.

И. И. Людников
(крайний справа)
с работниками
штаба дивизии

Фото из личного архива автора

И помчались – бегом, по оврагам, по кустам, не обращая внимания на неровности берега. Встретил комбата связистов Головкина, тот доложил, что немцы уже на берегу реки. Командую: «За мной!» – взлетаем на яр, а внизу точно, немцы. Открываем огонь. Подоспели взводы 1-го и 2-го батальонов, вместе нажали – оттеснили немцев от оврага. Так вот и создали южный фланг мы на одном обрыве, немцы на другом...

Затем Фёдор Иосифович придрался к моему определению пробега – часовой.

– Какой там «часовой»? Там всего-то 600–700 метров, мы их за несколько минут промахнули!..

Встал вопрос, чьим именем назвать знаменитый пробег.

– «Пробег Людникова» – звучит? Хотя нет, его именем уже назван «остров», пусть и остается... А пробег будет моим.

На том и порешили.

– Станешь писателем, Иосифович, сказал на прощание Фёдор напиши про всё это...

Он сам провёл меня по берегу, показывая, что, где и как происходило.

Вот я и выполнил наконец его просьбу.

БЛОКАДА

Тяжёлые бои 11 и 12 ноября определили направления ударов, наносившихся немцами по позициям полуокружённой 138-й дивизии. Утро 13 ноября началось с ряда мелких наступательных выпадов немцев – с целью уточнения позиций сторон. Предпринял наступательные действия и на 344-й полк – для освобождения одного из занятых противником домов, который вклинивался в наши оборонительные порядки. Однако атака была безрезультатной, поскольку участвовало в ней лишь около сотни бойцов.

Ожесточённые бои завязались на центральном участке обороны 138-й дивизии, где 344-й полк защищал последние цеха юго-восточной части завода и прилегающие к ним дома по улице Таймырской и проспекту Ленина. В боевом донесении комполка Коноваленко и комиссар Фомин сообщали, что части полка отразили шесть атак противника. Настойчивость врага объяснялась ещё и тем, что именно здесь оканчивались многие подземные ходы и трубопроводы, по которым наши бойцы проникали в тыл к немцам, ставили мины, захватывали «языков» и т. д. Подробно об этой стороне сражения за завод рассказано в главе «Подземная война».

Одна за одной обрушивались яростные атаки на позиции 1-го батальона, которым командовал старший лейтенант Григорий Васильевич Толкачёв. После интенсивного артиллерийско-миномётного обстрела в атаку двинулась пехота, усиленная танками. Фашистам удалось прорваться в тыл батальона, создав угрозу его окружения. В том бою погибли комроты М. М. Пузак и комвзвода А. У. Хохлов. Собрав оставшихся в живых, отважный комбат организовал оборону, сам бил врагов из пулемёта. Когда другой пулемётчик старшина З. И. Ямщиков, уже тяжело раненный, потерял сознание, комбат Толкачёв занял его место. Группу немцев, пытавшихся пробраться в здание и замкнуть кольцо окружения, старший сержант Горюхин с пятью бойцами забросали гранатами.

Один из домов на Таймырской улице защищала группа бойцов, которую возглавил комиссар батальона Николай Павлович Ильных. Не сумев с ходу ворваться в здание, немцы вызвали на подмогу танки. Те открыли огонь прямой наводкой. Дом был разрушен. Наши спустились в подвал и затаились. Вошедшие в дом фашисты

«Остров Людникова»

Из фондов
музей-заповедника
«Сталинградская битва»

кричали: «Рус, сдавайся!». Подождав, когда танки отойдут и возбуждённая беготня немцев несколько утихнет, наши поднялись по развалинам наверх и забросали немцев, принявшихся сооружать огневые точки, гранатами. Пленных не брали, зато захватили много трофейного оружия. На следующий день оно весьма пригодились немцы снова пошли вперёд. Не об этом ли доме комдив И. И. Людников докладывал в штаб 62-й армии: «Немцы ворвались в развалины. Уже полтора часа идёт ожесточённый бой маленького гарнизона с прорвавшимися врагами. Ещё и ещё раз убедился, что каждый из оставшихся стоит десяти».

За отвагу и мужество, проявленные в боях 12–14 ноября, большая группа бойцов и офицеров дивизии была награждена орденами и медалями. Комбат Г. В. Толкачёв стал первым в дивизии кавалером ордена Александра Невского. За последующие бои в Сталинграде и на Курской дуге Г. В. Толкачёв получил ещё три боевых ордена, а за форсирование Днепра – «Золотую Звезду» Героя Советского Союза.

Напряжённость боёв нарастала. В сводке за 16–17 ноября сообщается, что «138-я дивизия в течение дня отразила несколько атак противника силою до полка пехоты и удерживала прежние позиции». Позиции эти обозначены в сводке так: «овраг, что

юго-восточнее нп Волхостроевск, – 500 м по восточной окраине за вода «Баррикады» – далее на юг до р. Волга».

Наши части несли большие потери. 17 ноября начальник штаба дивизии В. И. Шуба докладывал комдиву, что на обороняемой территории находятся 320 раненых, в 344-м и 650-м полках активных штыков почти не осталось, а 768-й полк «полностью израсходовал себя», в строю остались взвод автоматчиков и группа разведчиков, прикомандированных к штабу дивизии. Погибли начальник штаба капитан Григорий Фёдорович Першин, комбаты П. П. Винокуров, И. И. Овчинников, С. Г. Корнеев, почти все командиры рот...

Четвёртый по счету штурм Сталинграда вылился для 138-й дивизии в длительную осаду, сужение занимаемой территории и блокаду защитников на «Острове Людникова».

БОЙ НЕ ПОСЛЕДНИЙ, НО РЕШИТЕЛЬНЫЙ

Продолжавшиеся в течение трёх суток жесточайшие бои с превосходящими силами врага поставили полки 138-й дивизии в критическое положение. Она оказалась отрезанной от основных сил 62-й армии, блокирована и лишена баз снабжения. Дивизия, как пишет В. И. Чуйков, «была зажата противником с севера, с запада и с юга, а с востока отрезана Волгой, по которой шёл сплошной лёд». Направленный к нам катер с продовольствием и боеприпасами был немцами обстрелян и потоплен. Все поставки на «Остров Людникова» прекратились. И. И. Людников записал 15 ноября в своём дневнике: «Дивизия полностью израсходовала боезапас. Несмотря на недостаток боеприпасов и продовольствия, личный состав стойко обороняет свои позиции». Не будет лишним заметить, что по численности дивизия представляла собой сводный батальон.

Сложившееся положение было известно и командованию. Наша рация вышла из строя, и для доклада о критическом положении дивизии решено было послать связного через Воложку. Связника отбирали тщательно. Это должен был быть физически крепкий человек, вдруг придётся добираться до берега вплавь, среди льдин! Меня, к примеру, забраковали – слишком худ, здоровье ненадёжное. Выбор пал на редактора нашей газеты Михаила Зуева. С донесением в кармане, накрепко выучив то, что следовало передать

устно, он сел в лодку и направился к Зайцевскому острову. Удачно пересёк прибрежную часть протоки, но на середине реки вдруг вывалился из лодки и поплыл саженками. Все мы, наблюдая эту сцену, всеми силами души поддерживали и подгоняли пловца. Это ли помогло, сказалось ли то самое здоровье, но вот он уже вышел на отмель, навстречу к нему бегут люди, набрасывают на него шинель и бегом влекут в укрытие. Отлегло... Командарм-62 В. И. Чуйков доносил в Военный совет фронта: «Боюсь за 138 сд. Противник идёт на неё крупными силами. Реально помогаем только артиллерией, «катюшами». Резолюция командующего фронтом Ерёменко была краткой: «Нужно не дать противнику съесть 138 сд». На Зайцевском старались расширить масштабы помощи нашему «острову», готовились к походу бронекатера с пополнением, боеприпасами и продовольствием. Об их героическом переходе к «острову» под огнём противника – чуть ниже.

А у нас продолжались суровые будни. По ротам вели учёт сохранившихся патронов, часто их перераспределяли. Вели поиск в подвалах, вдруг кто-нибудь уронил патрон, по ночам выходили на нейтральную полосу, шарили в карманах убитых, искали патроны. Раньше стоило немцам выставить громкоговорители и начать предназначенную специально для нас радиопередачу, мы тут же гасили их очередями из пулемётов, теперь приходилось экономить: стали выделять для подавления вражеской пропаганды снайперов, выдавая каждому лишь по три патрона.

В политотдел поступила просьба из 344-го полка срочно выдать комсомольские билеты новичкам из пополнения. Дело в том, что в полку родилась идея создать из бойцов 344-го штурмовую комсомольскую группу (в этом полку из 250 человек личного состава активных штыков было 130). Многие из прибывших перед началом боёв новобранцев просили о зачислении в состав этой группы. И я направился в полк к своим друзьям. В моей сумке всегда вместе с печатью находились чистые бланки комсомольских билетов. По существовавшему положению при возникновении опасности бланки должны были быть уничтожены, и с этой целью я всегда носил с собой противотанковую гранату и бутылку с горючей смесью. С этим «вооружением» я и прибыл в дом, который защищала группа алтайца лейтенанта Саши Бербешкина. Увидев мой «арсенал»,

он страшно обрадовался и немедленно его конфисковал. Гранату тут же передал одному из молодых солдат и приказал обязательно подорвать танк, если фрицы подойдут к нашему дому.

С прекращением поступления продовольствия комдив И. И. Людников издал приказ «беречь продукты» и установил норму суточной выдачи сухарей, сахара и консервов. Но эта норма удержалась всего лишь несколько дней. Продукты закончились. Вот в такой голодный день я и прибыл в 344-й полк. В центре Нижнего посёлка около разрушенной фотографии наши солдаты обнаружили, что землёй от разорвавшейся бомбы засыпана часть огорода. Под обстрелом начали перекапывать землю, находить гнезда картофеля. Набрали целое ведро, сбегали за водой на берег и наварили картошки в мундирах, начали поштучно раздавать бойцам. Пара картошек досталась и мне и показалась, хотя и без соли, необыкновенно вкусной.

Ведро картошки – это, конечно, удача. А удача, как известно, дело весьма редкое. В целом положение с продовольствием было очень тяжёлым. 17 ноября бронекатера не прибыли, самолёты сбросили три мешка сухарей, сала, перевязочный материал. Через сутки комдив докладывал: «Наступают четвёртые сутки без пищи». В. И. Чуйков о доставке самолётами записал: «В ночь на 16 ноября наши «ночные» самолёты на парашютах сбросили Людникову четыре тюка продовольствия и четыре тюка боеприпасов». Сам Иван Ильич пишет об этом так: «Лётчики, мастера ночных рейсов на тихоходных По-2, тоже пытались помочь защитникам «Баррикад». Они сбрасывали над «островом» мешки с патронами, сухарями. Но уж до того была мала наша земля, что мешки падали за линией фронта в расположении неприятеля или в Волгу. А из тех мешков, что достались нам, мы извлекли патроны с изъёмами: они деформировались при ударе о землю».

Как позже выяснилось, в числе лётчиков, сбрасывавших нам мешки, была наша землячка из Тюкалинска Ольга Голубева. После десятого класса в июне 1941 года добровольно пошла на защиту Родины и добилась зачисления в авиацию. Летала штурманом на ночном бомбардировщике. Познакомились мы на одной из встреч в Сталинграде, где она рассказывала об опасности низких полётов над позициями фашистов.

Или вот ещё эпизод. В осаждённом подвале откуда ни возьмись появился кот. При нормальном снабжении обитал среди солдат, питаюсь упавшими крошками, а иногда и угощаясь из консервных банок американской колбасой. Пригреется под полой шинели или полушубка, замурлычет – каждый вспомнит дом, мирную жизнь, своих...

Но в блокаду худо стало и коту. Он с мяуканьем бегал меж жильцами подвала, с надеждой смотрел на каждого: не накормит ли? а потом вдруг исчез. Это вызвало оживлённый обмен мнениями. Одни считали, что кот, имевший связь с сопредельными подвалами, перебрался туда, где сытнее. Другие возражали: да ни за что не мог русский кот променять русского же солдата на какого-то фрица! Было ещё одно мнение: кто-то учуял в соседнем подвале какой-то вкусный запах, а другой очевидец сообщил, что соседи получили по кружке какого-то вкусного навара. Пишу эти строки не без опаски – а ну как найдётся особо въедливый читатель и обвинит наших солдат, да и автора этих строк, в негуманном обращении с животными!

Отличилась группа раненых. У одного из них отыскался сыромятный ремешок, который был изрезан на тончайшие пластинки. Их сварили в кипятке, хлебали да нахваливали: «Хорош суп! ещё бы добавить мяса или хоть картошки, можно было бы от пуза наесться».

650-й и 768-й полки выходили восточными флангами на берег Воложки. Севернее наших позиций шли бои, снарядами глушило рыбу. Часто можно было видеть среди льдин плававших вверх брюхом рыбин. Гвоздями на шестах или импровизированными сачками рыбу вытаскивали на берег, часть шла ловцам, часть сдавали в медсанбат на питание раненым. Но этого было чрезвычайно мало.

Воины подразделений, оставшихся за Волгой, пытались помочь осаждённым. Командир миномётного дивизиона Соколов и комиссар Корчагин выделили по бойцу из каждой батареи и направили их на двух лодках в помощь батарее ротных миномётов. С бойцами переправился и сам комиссар. Намечалось, маскируясь в кустах, загрузить лодки боеприпасами и продовольствием и с наступлением темноты перетащить груженные лодки через песчаную отмель. А уже Денежную Воложку переплыть под огнём врага.

В каждой лодке сидели по два гребца и рулевой. Первую возглавил комсорг Миша Чугунов. До нашего берега дошла только эта лодка, вторая была немцами разбита. При возвращении погибла и лодка Чугунова. Но 138-я получила хоть сколько-то груза, а главное, надежду, что путь снабжения найден.

И правда, опыт был поддержан штабом 62-й армии. Часть плавсредств с лодочной переправы армии была перевезена на хутор Старенький, где базировались наши артиллеристы, и переправлена на остров Зайцевский. Оттуда, загрузившись в темноте, они под бешеным огнём противника устремлялись к нашему берегу, расталкивая носами шугу и льдины. Берега достигала только половина лодок... Осуществляли эту опаснейшую операцию бойцы 327-го понтонно-инженерного батальона.

Навстречу лодкам выходили команды для ускоренной разгрузки и доставки грузов к штольне. На одной из разгрузок мне довелось стать свидетелем гибели экипажа одной из лодок. Мы сумели баграми притянуть лодку к берегу, но двое из находившихся в ней бойцов были ранены, а красноармейцы Суворов и Захаров убиты.

Положение 138-й с каждым днём ухудшалось. Противник, имея огромное преимущество в силах, не прекращал атаки на наши позиции. В сводке Генштаба за 15 ноября сообщается: «138-я стрелковая дивизия, оставаясь на прежних позициях, левофланговыми частями и частями центра отбила все атаки противника». Атаки-то мы отбили, но почти полностью израсходовали патроны, и совсем не осталось гранат. Бутылок с горючей смесью уже давно не было. Бойцы голодали, но в разговорах менее всего говорили о голоде, чаще – о воде. При нервном напряжении жажда становится более мучительной, пересыхает горло. Но и это все переносили в основном молча. Чаще разговоры велись о боеприпасах.

17 ноября наши наблюдатели и разведчики заметили, что за ночь немцы засыпали воронки по проспекту Ленина и оттащили остатки стены дома, перекрывавшие проезд, а в глубине был слышен шум моторов танков. Ясно было: немцы готовятся к последнему рывку на нас, слабо вооружённых.

Мы готовились принять последний бой. Положение было близким к катастрофическому, все это понимали. В этой обстановке ком-

див И. И. Людников принял отчаянное решение. В своих воспоминаниях он подробно описал этот момент, и мы приведём его слова полностью:

И. И. Людников
и писатель Н. Бирга
на наблюдательном
пункте.
Январь 1943 г.

Из фондов
музея-заповедника
«Сталинградская битва»

«В полночь я вызвал на «малый военный совет» начальника артиллерии Тычинского. Нелегко мне было в присутствии ближайших помощников и соратников обратиться к одному из них, старому другу и однополчанину, с приказом, который отдают в самом крайнем случае. Но окружавшие меня офицеры ясно представляли себе ситуацию: час назад вместе с бойцами из роты охраны они уничтожали вражеских автоматчиков, угрожавших штабу дивизии.

– Сергей Яковлевич, – обратился я к Тычинскому, – установите чёткие сигналы для своих артиллеристов. Если противник выйдет на командный пункт дивизии – цель должна быть накрыта. В этом случае приказываю обрушить на командный пункт огонь всей нашей артиллерии».

Этот разговор происходил в узком кругу старших офицеров дивизии. Мне о нём по большому секрету сообщил командир артполка Ф. Т. Панырин, мой первый армейский командир ещё с 1940 года. (Позднее, уже после войны, тот разговор почти слово в слово передал начальник штаба В. И. Шуба.) После совещания у комдива всем офицерам, не связанным с оперативной работой, было приказано находиться в частях. Я отправился к своим друзьям в 344-й полк. По пути заглянул к Филиппу Титовичу, которого считал своим покровителем. Ф. Т. Панырина я застал во время разговора с заречным штабом – он передавал координаты КП дивизии для возможного обстрела. Командиры дивизионов и даже батарей имели точные

координаты штольни Панырина. Он приказал растянуть сектор обстрела на 20 метров южнее и при любых обстоятельствах иметь положенный запас снарядов для безусловного выполнения приказа. Поговорив недолго с комполка и командиром корректировщиков, я отправился в дом, в подвале которого размещалась команда балтийца М. В. Толкачёва.

Я хотел поделиться с Мишей секретом, но он меня опередил. «Солдатский телеграф», как всегда, оказался очень оперативным. Немного погодя «военную тайну» сообщил мне, понизив голос, Саша Бербешкин.

Артиллеристы имели недвусмысленные указания по ведению огня в случае успешного прорыва врага. Ими обстреливали три зоны: первая полоса наступления противника; вторая на случай занятия врагом наших передовых позиций и третья скопление войск противника на берегу, вблизи КП. В таком случае сигнал подавался ракетами, а в случае его отсутствия – поднятием двух чёрных дощечек, что будет означать – «вызываю огонь на себя».

Весь берег яра был утыкан углублениями и нишами, в которых прятались наши бойцы и ополченцы.

Они сносно укрывали от миномётного огня противника, но все понимали, что при интенсивном обстреле берега заволжской артиллерией всё живое здесь будет уничтожено. Поэтому наши бойцы ушли с берега, подтянулись ближе к передовой. Офицеры разошлись по подразделениям. Каждый хотел встретить последний миг среди своих. На миру и смерть красна...

Не помню, кто предложил мне снять с рукава нашивку с красной звёздочкой – все знали, что комиссаров немцы не жалуют, но я отказался. Не помню, чтобы кто-либо думал застрелиться, чтобы не попасть в плен, – каждый рассчитывал и последнюю пулю выпустить по врагу, а в том, что немцы в ответ «не поспеются», никто не сомневался.

Толкачёв высказал дельное соображение, что для 344-го полка неплохо было бы иметь собственный план на тот случай, если немцы выйдут на наш рубеж. Оперативная обстановка действительно была своеобразной. Штаб дивизии находился в глубокой штольне в яру берега реки. По всему было видно, что немцы знают это ме-

сто – оно подвергается усиленной бомбёжке, при малейшей возможности прорыва сразу устремляются к этому участку. Ясно, что и на этот раз главный удар они направят именно туда. 650-й и 768-й полки занимали позиции по берегу Волги, а роты 344-го располагались в глубине занимаемого участка, метрах в 200–300 от берега. И в таком случае развалины домов, где размещены бойцы 344-го полка, могут оказаться отрезанными от берега и попасть в плотное окружение. Какое-то время фашисты будут заняты уничтожением наших бойцов, размещавшихся по нишам и окопчикам в яру, а потом неизбежно развернутся и ударят по остаткам 344-го. Что же можно предпринять в этой обстановке? Офицеры настойчиво искали выход. Все понимали, что после такой упорной защиты в плен немцы нас брать не будут, да и сдаваться никто не собирался. Все мысли сводились к тому, какой урон врагу можно нанести. И вдруг молодой лейтенант, недавно прибывший к нам после окончания военного училища на Урале и прозванный нами уральцем (много позже оказалось, что это был В. И. Варенников, будущий знаменосец Победы и генерал армии), предложил идею, на первый взгляд, фантастическую.

С периода подземной войны сохранилось несколько подземных ходов в тыл противника, которыми до сих пор пользовались разведчики. Боеприпасов для открытого боя у нас не было. Лейтенант и предложил: если враг выйдет на берег, как это было 12 ноября, и займёт обороняемый нами участок, группе наиболее сильных бойцов скрытно пробраться в один из цехов, напасть с тыла на фашистов, захватить оружие. За ними должны были последовать штабные офицеры. Затем предполагалось прорваться к позициям 344-го полка, соединиться с остальными и с боем пробиваться через цеха «Баррикад» к заводу «Красный Октябрь» и далее – к своим. Смелый и, что греха таить, несколько абсурдный план начали обсуждать, так как другого варианта просто не было. План поддержал комиссар Фомин, начштаба Маслов и комполка Коноваленко. Все понимали, что положение было безвыходным. Не ждать же, сидя в развалинах, когда подойдут танки и прямой наводкой, а возможно, и огнемётами, нас уничтожат. Комбат А. А. Бербешкин определил точки поворота обороны со стороны берега, и даже определили состав группы прорыва, тщательно продумали, какое можно

набрать вооружение для ударной группы, в который уже раз пересчитали имеющиеся патроны и пистолеты у офицеров.

Да, план был фантастическим, но, как говорят, в чрезвычайных обстоятельствах действенны только чрезвычайные меры. Вот что интересно, фактов окружения разных групп советских войск за войну было немало. И каждая из них сама искала выход из положения или принимала решение, как нанести в последний момент больше урона врагу, подороже отдать жизнь. Думаю, среди множества принятых в подобных обстоятельствах решений вряд ли найдутся два одинаковых.

Но, к счастью, этот план нам выполнить не пришлось, нас спасло начавшееся 19 ноября наступление советских войск под Сталинградом. Именно спасло. Потому что, как сейчас стало известно, Гитлер в специальном приказе армии Паулюса, объявленном устно всем командирам – до командиров полков включительно, обязал «использовать трудности русских при ледоставе», сделать всё, чтобы пробиться к Волге у металлургического и артиллерийского заводов и захватить эту часть города. Планировалось широкомасштабное использование авиации и артиллерии, которые должны были «проложить путь этому наступлению и поддержать его». Командующий 6-й армией Паулюс приказ Гитлера направил в войска с припиской: «Я убеждён, что этот приказ вызовет новое воодушевление в наших храбрых солдатах». В приказе точно указаны пункты будущей атаки: заводы «Баррикады» и «Красный Октябрь». Именно здесь стояла 138-я стрелковая дивизия.

Только сейчас, когда стали доступны для изучения документы немцев, можно понять, с каким трудом фашисты готовили это наступление. Ведь и им приходилось несладко в сталинградских развалинах. В первые же дни четвёртого штурма сапёрные батальоны потеряли до 20 % личного состава. В последующие дни потери были настолько велики, что майор Линден, исполнявший обязанности по руководству штурмовыми отрядами, запросил подкреплений. Он просил пехотный полк для укрепления 305-й дивизии, поскольку только это может принести успех. Ответ генерала Зейдлица гласил: «Все пехотные дивизии на Волге ослаблены, но пехотный полк можно перебросить».

Достижение даже самых небольших побед давалось противнику всё с большим и большим трудом. Немецкий историк пишет: «14 ноября остатки специальных частей предприняли новое наступление, чтобы захватить отдельные руины, которые из-за фланкирующего огня становились недостижимыми. Блиндажи противника были соединены друг с другом, подступиться к ним удалось лишь путём минирования и взрывов». И наконец: «В результате ежедневных атак батальоны были измотаны, и 15 ноября наступательные действия в районе пушечной фабрики из-за больших потерь пришлось прекратить». Правда, мы, защитники города, этого «прекращения» не почувствовали. Продолжался интенсивный миномётный обстрел, постоянные стычки с противником, старавшимся улучшить свои позиции. Но то, что наступление противника постепенно выдыхается, мы видели своими глазами. Но об этом – чуть ниже.

О грозном приказе Гитлера мы, конечно, не знали, но понимали, что новая атака, новый штурм нашего участка неизбежны, и готовились защищаться до последнего. Не может же враг, приложив такие гигантские усилия и положив столько жизней, чтобы овладеть Сталинградом (читай – путём к кавказской нефти), в последний момент отказаться от своих намерений?

На наше счастье, так и случилось. Из рассекреченных немецких документов известно, что Паулюс, выполняя приказ фюрера, 18 ноября перевел на участок будущего наступления дополнительные силы и доложил командующему группой «Б» М. Вейхсу, что на 20 ноября намечен решающий штурм. В частности, об этом пишет генерал Г. Дерр в книге «Поход на Сталинград». Но 19 ноября началось наступление наших войск на немецкую группировку, и командующий группой «Б» Вейхс приказал Паулюсу операцию в Сталинграде отменить. Но мы этого, повторяю, не знали и ждали штурма. Перед рассветом южнее наших позиций послышался шум танковых моторов. Мы поняли, что это танки сосредоточиваются для наступления.

Мы готовились отражать очередную (какую по счёту – никто уже не помнил) атаку врага. Плотнее заделывали пробоины и оконные проёмы. По проспекту Ленина выкопали выемку, «замаскировали» её ящиками и другим хламом, имитируя установку мин, которых у нас давно уже, конечно, не было. На видное место вытащили

разбитую «сорокапятку», приладив вместо оторванного колеса снарядный ящик... Всё это были наивные попытки хоть как-то надавить противнику на психику.

Так прошёл крайне тревожный для нас день 18 ноября. Все находились в одинаковом положении – в ожидании чего-то неизбежного. Но длинных разговоров не получалось. Каждый был занят своими думами. Комбат Бербешкин вместе с уральцем, автором плана прорыва, несколько раз проверяли наличие патронов. Офицеры по нескольку раз вынимали из кобур свои пистолеты и также пересчитывали патроны. Все были голодны, но о еде почти не говорили. Мучила жажда. С вёдрами и пищевыми бачками бегали под обстрелом к берегу за водой, потом делили по кружкам. Это было, вероятно, обычное нервное напряжение перед ожидаемым штурмом. Утро 19 ноября выдалось туманным, усиливалась пурга, её шум заглушал все остальные звуки.

Штабная рация уже несколько дней молчала – сели батареи. Однако, постояв какое-то время, батареи оказывались способны несколько мгновений поддерживать напряжение. И вдруг ранним утром 19 ноября замигала лампочка – есть связь! к рации вышел начштаба дивизии В. И. Шуба. Кратко доложил начальнику штаба армии Н. И. Крылову обстановку и в ответ услышал: «Мужайтесь! Держитесь. Уже началось...» на этом связь вновь прервалась. Новость разлетелась мгновенно. Все гадали, что же началось – оказание помощи окружённым на «острове» или... что? по Волге и омывающей «остров» Денежной Воложке сплошным потоком шёл лёд, создававший непрерывный сильный шум. Поэтому мы не могли слышать с севера грома канонады начавшегося наступления.

Днём артиллеристы, стоявшие за Волгой, передали приказ «сверху»: быть более внимательным к ракетным сигналам. Из-за сохранения секретности большего пушкари сказать не могли. Но мы уже почувствовали: что-то изменилось. Над позициями осаждённой 62-й армии и над Волгой не было видно «рам», обычно целыми днями кружившей в этом районе. Миномётный обстрел наших позиций продолжался, но как-то... вяловато. Все бойцы «огненного острова» были на местах в ожидании, но атака врага всё не начиналась.

Командный пункт 138-й стрелковой дивизии

Фото
из личного
архива автора

К концу дня 19 ноября за Волгой, а потом и у соседей появились три цветных ракеты, что означало – «ждите катеров». Стали готовить причал: сдлабливать кромки льда у берега, расчищать спуски к причалу, уточнять команды для разгрузки. Я, как представитель холодной Сибири и росту немалого, обычно выставлялся к корме. Если около носа катера бойцы могли стоять на сухом и принимать от матросов грузы с борта, то стоявший у кормы должен был заходить в ледяную воду. Желающих стоять в ледяной воде, как правило, не находилось, и ставили комсорга, как обычно меня называли. Позвонили из 344-го, передали приказ: быть в штабе у штольни.

Пулемётные очереди, перекрывавшие подходы к нашему берегу, участок причала не доставали. Но немцы всегда к подходу

катеров усиливали миномётный обстрел, так что разгрузка оставалась опасным делом. Поэтому некоторые из работающих в штольне на момент разгрузки старались найти «срочную работу» и на берег не выходили, хотя сам комдив И. И. Людников и начштаба В. И. Шуба обычно руководили разгрузкой и всё полученное брали на учёт.

Ближе к полуночи южнее нас заметно усилилась огненная дуэль. Немцы из орудий всех калибров и пулемётов били по нашим катерам, которые вели ответный огонь. Вскоре в дело вступила наша заволжская артиллерия, принявшаяся подавлять огневые точки врага. К нам шли четыре бронекатера, расталкивая густую шугу и разбивая большие льдины. Подошедшие доставили более ста человек пополнения, боеприпасы и продовольствие. Началась срочная разгрузка при яростном миномётном обстреле участка берега. При разгрузке погибло несколько Бойцов, а также майор К. Рутковский и капитан П. Гудков. Я стоял у кормы в воде и принимал ящики и мешки от матроса, подносил к берегу и передавал кому-то, стоящему на сухом. С катера нам передали газеты и обращение штаба фронта о переходе в контрнаступление. Так мы узнали о наступлении. И радовались этому больше, чем полученному продовольствию. Поняли, что наша упорная оборона на «Баррикадах» была не напрасной. Она обеспечила подготовку наступления.

Капитан бронекатера передал комдиву, что из-за усилившейся шуги и твердости плывущих льдин, катера больше приходиться не будут. По восстановленной рации получили приказ об экономном расходовании полученного и готовности к длительной обороне. На катера погрузили 130 раненых, и они отошли. Начался учёт полученного и распределение по полкам. При этом выяснилось, что при разгрузке два ящика боеприпасов уронили в воду. Быстро уточнили место и импровизированным багром – трубой с загнутым концом – попытались зацепить и вытащить злосчастные ящики. Но это не удалось, кому-то надо было лезть в ледяную воду.

Я после разгрузки быстро вылил воду из сапог и переменял мокрые портянки. Вышел к причалу. Стоявшие переглядывались, но желающих заходить в воду не находилось. Ко мне обратился комиссар дивизии Н. И. Титов: «Колесников, прояви комсомольскую инициативу». И пришлось мне, ещё не согревшемуся от первого

захода, снова лезть в воду. По направлению трубы я быстро ногой нашарил ящик, но, чтобы его взять в руки, надо было наклониться, погрузившись в воду всем телом. Выждав, когда проплыла большая льдина, я наклонился, захватил ящик и вынес к берегу. Быстро достал второй. Многие из штабных наблюдали эту процедуру. Тут же стоял командир штабной роты Грицина с бутылкой водки и налитым стаканом в руках. Наверное, в первый раз я «для сугреву» выпил стакан водки. Комдив И. И. Людников, наблюдавший происходящее, обратился ко мне: «Комсомол, ты заслуживаешь награды. Если бы ты был рядовым, я бы тебе сейчас вручил медаль «За отвагу». Но ты офицер – надо представлять в штаб армии». Обещание Иван Ильич выполнил, и я к своим двум медалям «За отвагу» был награждён медалью «За боевые заслуги». Еле держащегося на ногах, друзья отнесли меня в тёплый подвал и начали, как они говорили, «оттаивать». Благодаря этому, а может, сказался сибирский корень или молодость и комсомольский задор – но я не заболел, и уже через два дня принял участие в формировании штурмовой группы для освобождения 41-го дома, и даже считался кандидатом на должность комиссара комсомольского дома.

После получения пополнения, продовольствия и боеприпасов, а главное, радостного известия о начале наступления наших войск, моральное, да и физическое состояние защитников «огненного острова» значительно улучшилось.

Однако немцы не оставили своих намерений. Атаки на «Остров Людникова» продолжались, но уже меньшими силами и с малым числом танков и самолётов. А мы, отбивая атаки врага, готовились к наступлению.

„РОЛИК“ ДАЁТ СВЯЗЬ

На крутом берегу Нижнего посёлка «Баррикады», в южной конечности «Острова Людникова» поставлен памятник героическому подвигу группы связистов 138-й дивизии. На памятнике – четыре фамилии отважных воинов.

История «Ролика» такова. В дни, когда город стал объектом непрерывных бомбовых ударов и горел, кругом рушились здания и горела земля, связь постоянно прерывалась. Возможно, в эти дни

по берегу был протянут телефонный кабель между речными остановками «Краснооктябрьская» и «Баррикады». С переездом штаба 62-й армии в штольни завода «Баррикады» связисты соединили штаб с частями, действовавшими в центральной и южной частях города, устойчивой многожильной связью. А вот в прибрежной части Сталинграда, которая подверглась непрерывным обстрелам, провода то и дело рвались, и бороться с этим не было, казалось, никакой возможности. Однако нет предела изобретательности русского солдата! Хитроумные связисты подняли провода и протянули их не по земле, а по крутому обрыву, закрепив на вбитые в грунт колышки. В середине линии оборудовали промежуточный пункт связи. В обрыве яра выдавили штольни, где стояли телефонные аппараты и дежурили связисты.

17 октября штаб 62-й оставил штольню «Баррикады», там разместился штаб 138-й дивизии. По наследству ему была передана и линия связи, проходившая по береговому обрыву. Штольни-пещерки, занятые связистами 138-й, получили позывной «Ролик». Кто-то из бойцов непрерывно сидел у аппарата, другие дежурили и, если требовалось, находили и устраняли порывы провода. В общей сложности на «Ролике» продежурило одиннадцать бойцов. Двое из них – И. Вихров и К. Мельников погибли. Командовал лейтенант Василий Краснобаев.

Памятный знак
„Ролик“

Фото
из личного
архива втора

Тяжелейшие дни для «Ролика» наступили с 11 ноября, когда немцы на участке между 138-й и 95-й дивизиями вышли к берегу Волги и заняли оба выступа Глубокой балки, в том числе высокий

яр, под которым располагались штольни связистов. Это был тот самый желанный выход гитлеровцев к берегу Волги, к которому они стремились несколько месяцев, ради которого положили огромное количество жизней. Но – к берегу они пробились, а вот к волжской воде так и не прошли, мешал героический «Ролик».

В боевых донесениях 62-й и Сталинградского фронта в Ставку ВГК о боях за этот рубеж сообщается: «2 ноября противник в течение дня все своё внимание и действия сосредоточил на фронте 62-й армии, и с утра 02.11.42 г. до семи полков пехоты с танками при поддержке массированных налётов авиации и сильного артиллерийско-миномётного огня перешли в наступление на участки завода «Баррикады» и «Красный Октябрь», овраг Банный, стремясь непрерывными атаками, переходящими в штыковой 5 бой, прорваться к Волге».

«7 ноября гитлеровские войска пытались прорвать нашу оборону в районе Глубокой балки между заводами «Красный Октябрь» и «Баррикады». После массированного артиллерийского налёта враг перешёл в наступление. Бой длился весь день. Фашисты не сумели прорваться к Волге, их атаки были отбиты».

«8 ноября. Воины 138-й стрелковой дивизии И. И. Людникова вели кровопролитные бои с противником, бросившим в атаку части гренадерской и танковой дивизий. Противник так и не сумел овладеть всем районом завода».

«9 ноября. Положение защитников Сталинграда резко ухудшилось: установились крепкие морозы, на Волге начался ледостав».

«11 ноября. В течение дня воины 62-й армии вели ожесточённые бои, сражались ручными гранатами и штыками, бились за каждую пядь земли. К исходу дня превосходящим силам врага удалось занять южную часть завода «Баррикады» и выйти к Волге на участке фронта 500–600 метров. 138-я стрелковая дивизия И. И. Людникова, отрезанная от основных сил армии, от соседа и своих тылов, продолжала сражаться со штурмовавшими её позиции тремя гитлеровскими дивизиями. В этот день воины дивизии, в полках которой оставалось по 70–100 человек, отразили шесть атак».

Итак, 11 ноября враг занял обрыв берега, под которым находились штольни-ниши связистов. Связисты-то и отбили атаку немцев, пытавшихся по дну оврага пройти к реке. За первой атакой

последовала вторая. В ход пошли гранаты. С большими потерями враг отступил, так и не довелось ему отведать волжской воды.

В овраг и берег реки посыпались гранаты немцев, но они рвались внизу, не причиняя ущерба укрывшимся в нишах бойцам. Прервалась связь со штабом дивизии. С наступлением темноты на восстановление провода пополз младший сержант Алёша Колосовский. Удерживая конец провода, нашёл разрыв, начал искать второй. В это время фашисты вновь сделали попытку пройти к воде. Комсомолец Колосовский вступил в бой. Двоих уложил из винтовки, во вторую группу бросил гранату, уложил ещё двух вражеских солдат. Нашёл второй конец провода и связь соединил. После чего невредимым вернулся в «Ролик».

Шефство над «Роликом» взял 344-й полк, наладивший снабжение смельчаков продовольствием и патронами. В один из походов к «подшефным» вместе с бойцами в «Ролик» отправились комиссар батальона Н. Г. Ильиных и командир миномётной роты Бечайкин. Свой приход комиссар Ильиных назвал выездным заседанием партбюро и провёл импровизированное партсобрание. На собрании были рассмотрены заявления о приёме в партию В. Краснобаева и Н. Вихрова. На А. Колосовского было написано представление к награждению орденом Красной Звезды.

Такая «заноза», как находящийся буквально под носом, но неприступный пункт связи, конечно, не могла не бесить фашистов. Они не прекращали попыток уничтожить «Ролик», заставить его замолчать. Они пытались обстреливать ниши связистов из автоматов и забрасывать их гранатами. Но бойцы уходили глубже в землю и оставались невредимыми. Тогда с обрыва на верёвках стали спускать ящики со взрывчаткой, намереваясь взрывать их на уровне, где располагались ниши связистов. Но наши нашли выход и выстрелами перебивали верёвки, «адские машины» падали вниз и там благополучно взрывались. После каждой такой диверсии немцы предпринимали попытку пройти по дну оврага, но каждый раз убивались восвояси, получив жёсткий отпор.

Однажды ночью младший сержант Кузминский пробрался в штаб дивизии и доложил командиру:

– Мы фрица видим. Он нас – нет. Знает, что мы в овраге, а выкурить не может. Пока есть патроны и харч. Мы не уйдем. Что прикажете делать?

– Сидите на месте, – ответил И. И. Людников, – следите за действиями фашистов и обо всём докладывайте мне. Вы наш левый фланг. Во что бы то ни стало не пропусайте их к Волге.

– Ясно, товарищ полковник! «Ролик» будет вертеться, – заверил связист.

Враг не унимался, но «Ролик» продолжал жить, целых 42 дня не давая немцам выйти к волжской воде на этом участке! за время длительной изоляции защитники «Ролика» изучили нравы врага, по минутам рассчитали последовательность его действий и выбрали самые безопасные моменты для перебежки по «тропе смерти», как называли дно оврага, плотно простреливаемого пулёмётным огнём, выбирали подходящие дни для похода в часть или для доставки продовольствия и боеприпасов.

21 января соседняя 95-я дивизия начала очередной штурм узкого клина, разделявшего участки дивизий. 23 января 650-й полк 138-й соединился с наступающими и младший сержант Коля Кузминский по соединённому проводу доложил «первому»: «Алло, «Ролик» соединяет с соседом. Связь установлена, говорите».

К этому моменту на «Ролике» находились младший сержант Н. Н. Кузминский, рядовые А. Н. Ветошкин, С. К. Харазия и А. С. Колосовский. Этим и объясняется появление на памятном знаке именно этих четырёх фамилий.

Глава пятая

НАСТУПЛЕНИЕ

19 ноября – памятная дата в истории Великой Отечественной войны. Именно в этот день началось историческое наступление советских войск под Сталинградом. Воинам 138-й стрелковой дивизии, защитникам героического «Острова Людникова», эта дата памятна вдвойне. Как уже говорилось, буквально назавтра, 20 ноября, должно было начаться мощное наступление противника для выполнения директивы фюрера – полностью занять берег Волги у «оружейного завода». К решающему штурму были готовы три германские дивизии, превосходившие защитников «острова», вероятно, в десятки раз и числом, и вооружением. И лишь начавшееся наше наступление вынудило немецкое командование штурм отменить, что нас и спасло. 19 ноября мы получили радостную весть о наступлении, что вселило в бойцов уверенность и оптимизм. Теперь призыв «Ни шагу назад!» сменился призывом «Вперёд, на Запад!» Получили мы и материальную поддержку грузы с четырёх катеров, в основном, конечно, вооружение, продовольствие и медикаменты. Бронекатера вывезли на Большую землю 150 раненых. Теперь бойцы «острова» могли вести не только оборонительные бои, но и наступать мелкими группами на отдельные объекты обороны врага.

„ВАЖНЫЙ ВОЕННЫЙ ОБЪЕКТ“

Дивизия, как и вся 62-я армия, получила директиву Верховного активизировать боевые действия, удержать немецкие дивизии в городе и не позволить Паулюсу перебрасывать пополнение на участки прорыва и стремительного наступления наших войск западнее Сталинграда. Хотя 138-я имела скромные силы, насчитывавшие лишь сотни и даже десятки активных штыков, при полном отсутствии тяжёлого вооружения, тем не менее стали готовить наступление и мы.

Во время штурма 11–14 ноября немцы заняли ряд домов по улице Таймырской, в том числе трёхподъездный дом № 41, и вклинились в оборону 344-го полка. О неудачной попытке тогда же отбить его у противника я рассказывал выше. Из занятого дома враг мог обстреливать нашу оборону во всю глубину, а дома № 37 и 38, оставшиеся опорными для 344-го полка, даже забрасывать гранатами. Комсомольцы полка предложили отбить этот дом у неприятеля, объединившись для этого в штурмовую комсомольскую команду. Инициатива получила всеобщую поддержку, но несоответствие сил было слишком явным. Сам комдив, много раз внимательно рассматривавший злополучный 41-й дом, знал, как он сильно укреплен немцами. Двери и окна первого этажа были заложены кирпичом. Второй и третий этажи превращены в пулемётные и огневые точки. Внимательным наблюдением было установлено, что в доме находится многочисленный гарнизон. Но и не ликвидировать этот опаснейший для нас опорный пункт врага было нельзя.

К штурму дома № 41 стала готовиться вся дивизия. Создали команды подрыва стены северной части дома, чтобы в образовавшуюся расщелину можно было проникнуть штурмовой группе, а вслед за ней пройти основной группе, которая должна занять дом и сразу приступить к укреплению обороны. Велась тщательная подготовка. Комсомольцы Володя Пономарёв и Сергей Лазарев при помощи кошек (крючков) повытаскивали из траншей врага рогатки, разминировали подходы и углубили нишу закладки взрывчатки под северный угол дома.

Добытые мины стали началом комплектования фугаса для подрыва стены. За это взялся сам комбат сапёрного батальона,

инженер по образованию Андрей Васильевич Косарев. Он сделал математические расчёты и на живом примере показал, что для победы нужен не только порыв на подвиг, но и знания: в частности, точный расчёт толщины стены и силы направленного взрыва для образования прохода необходимой ширины. Он же нас предостерег от попытки заранее устраивать окоп-проход к месту будущего взрыва. «Ведь вы раскроете врагу наши намерения», – рассудил он. Ни тола, ни запаса мин у нас не было. Начались разведка и сбор мин. Провели комсомольское собрание, на нём присутствовал начштаба дивизии В. И. Шуба. Он доложил комдиву о готовности к атаке, и на 22 ноября был назначен штурм. С наступлением темноты, когда, по уверениям разведчиков, немцы начинают ужин, вынесли подготовленный фугас к месту взрыва, команды под готовились к броску. Грянул взрыв, камни и осколки ещё не полностью попали на землю, штурмовики бросились к месту взрыва. Мы не знали размеров образовавшейся щели, но рассчитывали, что он будет достаточным для того, чтобы штурмовая группа смогла проскочить в подвал и завязать бой.

К счастью, расчёты А. В. Косарева оказались точными. В щель можно было проникать, правда, приходилось прыгать вниз в абсолютной темноте, рискуя попасть под автомат немца или удариться о камень, но всё обошлось благополучно. Вслед за штурмовой бросились бойцы группы захвата и начали подниматься на первый этаж, где и встретились с гитлеровцами. Полетели гранаты. После непродолжительного боя был занят первый этаж северного подъезда. Быстро устроен окоп для прохода к прорыву, по которому враг сразу же открыл усиленный огонь. В отвоеванной нами части дома были взяты первые пленные, захвачено вражеское вооружение.

Уже через час немцы предприняли первую контратаку. В бой включились бойцы группы прикрытия из домов № 37 и 38. Немцы подтянули пушки и танки для стрельбы прямой наводкой по занятой части дома. Но воины-людниковцы устояли. Продолжая наступать, вышли на третий этаж, а потом овладели и помещениями второго подъезда.

41-й дом стал нашим, о чём было информировано высшее начальство. 22 ноября московское радио передало, что части, обороняющие Сталинград, не только успешно отбивают атаки против-

ника, но и сами переходят в наступление. «Воины части, которой командует Людников, атакой заняли важный в городе объект». Наш радист Федя Егоров, первым услышавший эту новость, передал в штаб, быстро были написаны листовки и розданы по окопам, в том числе и в освобождённые подъезды 41-го дома.

Бывший посол СССР в Турции в своих воспоминаниях написал, что это сообщение московского радио более предназначалось для турок. Гитлер требовал вступления Турции в войну против СССР, и те пообещали сделать это, как только русские объявят, что оставляют Сталинград. А тут вдруг такое сообщение! Мы, сталинградцы, тонкостей дипломатии не знали, но для нас московское сообщение стало величайшей похвалой и признанием величия нашего воинского подвига: ещё бы, освобожденная часть дома названа «важным военным объектом». Это сильно воодушевило всех, мы стали с удвоенной энергией готовиться к новым атакам.

За домом № 41 закрепилось название «Комсомольский». Это название рабочие «Баррикады» передали строителям, восстановившим разрушенное здание после войны.

Освобождение 41-го дома стало первым актом борьбы 138-й за освобождение города. Важнейшей для нас задачей оставался прорыв блокады и восстановление регулярного снабжения и пополнения рядов. Обеспечив безопасность центральной части площадки, стали готовиться к атаке на немецкий коридор, разделявший дивизию с 62-й армией, и с надеждой смотреть на Денежную Воложку в ожидании завершения ледостава.

Парторг 344-го полка П. И. Власенко сообщил, что в полку есть сибиряки, знатоки и умельцы перехода рек по идущему ледоходу. Пригласили их к начальнику штаба. Это были те самые знаменитые снайперы Филимон и Филипп Байдаков и Лященко, оба с Иртыша. Вместе с Шубой и Косаревым они осмотрели идущую шугу, прислушались к её шуму и объявили, что идёт мелкая шуга, надо ждать мороза.

Положение осложнялось тем, что с вражеской стороны на наши окопы постоянно вещало радио, призывавшее сдаваться в плен. Сначала его глушили пулемётным огнём, а когда с патронами стало совсем худо – за дело взялись снайперы. В практике радиопропаганды широко использовались обращения сдавшихся в плен

к бывшим сослуживцам, обращение к обороняющимся по фамилиям. Так, назывались фамилии комдива и Коноваленко, каким-то образом узнанных. Но – ни одного обращения наших солдат, добровольно поднявших руки вверх. Ни одного! А возможности сдать-ся, конечно, были. Во время ночных дежурств наши находились метрах в 30 от вражеских позиций, перебежать ничего не стоило. Не нашлось желающих.

650-й полк занимал позиции по берегу оврага, на южном обрыве которого располагались немцы. Комсорг полка Вася Симагин с группой комсомольцев решили ночью подняться по обрывистому скату, внезапно атаковать и захватить немецкую огневую точку. задумка удалась. Участок в 30 метров был освобождён, на одну пулёмётную точку у немцев стало меньше.

А. А. Бербешкин,
командир батальона

Основные силы 650-й полк сосредоточил на правом фланге, где была предпринята атака на позиции врага. Продвинулись метров на 50, заняли несколько блиндажей и окопов, но понесли потери. Комдив, анализируя итоги боя, признал, что потери несопоставимы с результатом атаки, и приказал менять тактику – неожиданными бросками штурмовых групп занимать объекты. Активнее привлекать заречную артиллерию.

Более успешной была атака штурмовой роты 344-го полка. Бойцы прорвались через входные ворота к цехам и нанесли противнику значительный урон, захватили оружие и даже двух пленных. В этом бою особо отличился командир батальона А. А. Бербешкин, который и возглавил атаку.

Однако 138-я по-прежнему не была деблокирована. Ко всем бедам добавился голод. «Наступательная голодовка» так называли этот период наши острословы. Дважды сокращались пайки, больше сокращать было нечего. Особенно тяжёлыми выдались последние ноябрьские и первые дни декабря. Рация работала исправно, мы постоянно получали известия об успешном развитии наступления, но, когда об этом рассказывали бойцам, в ответ получали жалобы на голод. Нам твердили, что о нас помнят, что грузы вскоре к нам поступят. Но 2 декабря произошёл несчастный случай – двое раненых, доведённые голодом до отчаяния, прихватив для маскировки простыни, пытались форсировать Денежную Воложку на крепкой льдине. Однако были немцами обнаружены и уничтожены. Комдив приказал специально разъяснить бойцам обстановку и всякие выходы на лёд запретить.

Сам комдив и работники штаба присматривались к Денежной Воложке, по которой шла сплошная шуга, но уже стали проплывать крупные льдины. Ждали, когда лёд станет. И дождались 4 декабря лёд на Воложке стал. Снова вызвали знатоков. Они с шестами и доской прошли метров на 30–40 и определили, что лёд ещё не прочный, надо пару дней подождать. Но нас опередили местные жители Зайцевского острова, они первыми и прошли по застывшей протоке. На «остров» прибыли артиллеристы-корректировщики.

Все переходившие протоку тщательно инструктировались. Двигаться рекомендовалось только по одному, на дистанции 8–10 метров, грузы брали малыми порциями, в руках у каждого – шест или доска. Лёд был уже вполне крепким, опасность представляли заметённые снегом тонкие перемычки. На берегу всё принесённое учитывалось и распределялось по подразделениям. Так пришёл конец второй голодовке.

Запомнился мне такой эпизод. Разведчики принесли с Зайцевского какие-то небольшие мешочки с провизией – серьёзные грузы носить ещё опасались. И стали передавать встречающим, пересыпая принесённое в вещмешки, а то и в подставленные шапки. При этом просыпались хлебные крошки. Я увидел, как пожилой солдат, встав на колени, стал собирать крошки со льда в рот. Заметив мой взгляд, смущённо объяснил: «Трое суток во рту маковой росинки не было»...

Лёд крепчал, переправа налаживалась. Но не дремал и враг. На левом фланге у 768-го и на правом фланге за 650-м полком немцами были установлены крупнокалиберные пулемёты, из которых протока прицельно простреливалась. Лишь западная треть была недосягаемой для вражеского огня.

Вслед за разведчиками 400-го отдельного пулемётно-артиллерийского батальона, как официально именовалась группировка, оборонявшая Зайцевский остров, пошли группы носильщиков с мешками с боеприпасами и продовольствием на плечах. Удавка блокады окружения в одном месте была прорвана. На заснеженном льду появилась хорошо заметная тропа, названная «тропой жизни», что позволяло гитлеровцам постоянно держать её под прицельным огнём. Поэтому использовали ледовую дорогу только ночью. Иногда нашим пулемётчикам удавалось снайперским огнём подавлять активность немецких огневых точек и облегчать задачу смельчакам-носильщикам. Самым губительным был миномётный обстрел с закрытых позиций. Мины разрывали тонкий лёд, образуя широкие полыньи. Но ничто не могло остановить наших солдат.

Как могли, помогали наши с Зайцевского. Организовали снайперскую группу, которая отстреливала немцев, бивших с крутого берега по тропе. Для уничтожения прямой наводкой вражеских пулемётных гнёзд приспособили пушку-сорокапятку.

Проложенная тропа позволила и нашим ходокам, и разведчикам с Зайцевского доставлять окружённой дивизии боеприпасы, а нам начать готовить более масштабные наступательные операции, прежде всего на клин, отделявший дивизию от частей 62-й армии.

С первым же «рейсом» на Зайцевский остров были переправлены пленные – «языков» накопилось уже довольно. Долго спорили: что с ними делать? Одни предлагали по-простому пустить в расход, другие придерживаться общепринятых правил обращения с военнопленными. Последние победили, пленным выдали на всех одну плитку шоколада выживайте, как можете, ждите отправки в тыл, а потом, уложив на металлические листы, перетащили через неокрепший лёд.

Позже получили благодарность штаба за ценные сведения, доставленные «языками». Гуманность, оказывается, приносила свои плоды.

На заводе
„Баррикады“ после
окончания битвы.
Февраль 1943 г.

Из фондов
музея-заповедника
«Сталинградская битва»

Замёрзшая Денежная Воложка дала защитникам «Острова Людникова» и ещё одну бесценную возможность.

Два месяца дивизия находилась в блокаде, бойцы не мылись, толком не меняли бельё, честно сказать, обовшивели. Комдив издал приказ: весь личный состав помыть, обмундировать и вооружить – впереди скорое наступление. К сроку, что называется, подospel слух о построенной на Зайцевском бане – с прекрасной парилкой.

Мне, как и каждому из «гарнизона» «острова», хотелось хоть ненадолго вырваться из ада, прийти в себя, почувствовать себя человеком... Но не пойдёшь же один по едва ставшему льду! по сути дела, я, бывавший по делам службы в тылу, мог бы улучшить минутку и помыться. Но что скажут однополчане? Улизнул, воспользовавшись служебным положением!

От этих мыслей, а главное, от невозможности оказаться в густом влажном пару, особенно сильно стало зудеть давно толком не мытое тело. Не станешь ведь считать полноценным мытьем обтирание тёплой водой в подвале...

Вот тогда и придумалась идея провести на Зайцевском острове семинар комсомольского актива, вымыть и накормить комсorghов. Начальник политотдела сразу высказался против, пришлось обращаться к начальнику штаба дивизии, он меня поддержал. Конечно, приказ предписывал сделать для всего личного состава, но с кого-то надо бы начинать! Вот и решили начать с комсомола. Заодно нам было поручено собрать и отнести на почту письма на родину – почтовой связи мы были лишены с 11 ноября!

Начальник штаба согласовал список комсorghов, первыми отправлявшихся в баню, разрешил также взять из каждого полка человек по 6–7 активистов, но только при условии, что при этом не будет оголяться оборона.

С наступлением темноты на причале начала быстро собираться сформированная команда. Каждому выдали белый маскхалат, проинструктировали о правилах передвижения по неокрепшему льду.

Протоку пересекли удачно. На противоположном берегу нас уже ждали, принимали как героев. Бегом достигли бани и попали в санобработку: парикмахеры мигом снимали отросшие волосы, сбрасывали с себя старое грязное бельё – и в баню, часть которой занимала парилка. Вдоволь намылись, любители попарились доставшимися вениками... А в соседнем помещении готовился отменный обед от одного запаха неудержимо текли слюнки.

Меня, как старшего, спросили: а можно ли, дескать, вам, идейным, по сто грамм? Наши молодцы хором гаркнули, что можно, только попросили хоть по корочке хлеба перед этим чтобы не пить пустой желудок.

После помывки выдавали чистое бельё и гимнастёрки, о подборе по размеру тогда речи не шло прошедшую санобработку обувь с новыми портянками... Рай!

А потом был обед! Пожилой старшина разлил выставленные стаканы по сто граммов, а самому юному из защитников объявил: «Тебе ещё рано» – и вручил ему пару конфет.

Надо ли говорить, что семинар я начал с благодарности устроителям и высказал своё мнение, что наша мечта о переломе в ходе войны сбылась и мы присутствуем при его свершении. Передал собравшимся благодарность командования за стойкость и мужество.

Начали разливать по мискам и разносить вкуснейший навари-

стый суп, какого мы не пробовали уже несколько месяцев.

Я предоставил слово комиссару миномётного дивизиона, старому большевику М. Ф. Ковригину, который поддержал мою оценку состояния хода войны, выразил уверенность в нашей полной победе и впервые назвал события на «Острове Людникова» историческими.

Молодые, стосковавшиеся по здоровой пище комсорги энергично утоляли голод, сметая со стола кашу и хлеб, который хозяева еле успевали подкладывать на тарелки. Белые булочки, поданные к стакану кофе, большинство попрятали в карманы...

Тут я обнаружил, что в намеченный план семинара необходимо срочно вносить коррективы: баня и сытный обед разморили непривычных к этому активистов, многих поборол сон, поэтому обмен опытом пришлось отменить. Тем временем подошёл к концу и короткий осенний день. Из комендантской роты сообщили, что грузы для отправки на «Остров Людникова» доставлены к переправе и сейчас формируются вьюки для каждого из нас объёмом до двух пудов. Пришлось «идейную часть» семинара сократить, чтобы дать активистам отдохнуть перед обратной дорогой.

После короткого отдыха участники семинара побежали к импровизированному складу, быстренько загрузились и побежали, соблюдая правила безопасности, в обратный путь. Кое-кто из особо житейски мудрых успел прикинуть, что перенесенного нами груза как раз хватит, чтобы снять проблему голода для обороняющихся.

Сдав грузы на нашем берегу, комсорги разошлись по подразделениям. Как потом доносили политруки, рассказы комсоров о семинаре заметно улучшили моральное состояние всех солдат – вера в необходимость подвига, вера в победу возросли многократно. Вслед за комсоргами были проведены подобные встречи снайперов, командиров взводов, связистов и других категорий воинов.

Так полки 138-й дивизии деятельно готовились к решающему удару по врагу.

Забегая вперёд, скажу, что слава о той бане на Зайцевском была так велика и притягательна, что 23 декабря, когда наши части соединились по берегу с 95-й дивизией и комдив И. И. Людников впервые за 40 дней прибыл в штаб 62-й армии, первое, о чём он попросил командарма, разрешить ему сходить в ту самую баню...

Решающее наступление началось 15 декабря. Пошли на хитрость. Наши пушки с восточного берега регулярно обстреливали позиции немцев. И стали приучать немцев, что артналёт начинается по особому сигналу – три красные ракеты. Немцы довольно быстро приспособились и с появлением трёх ракет уходили из окопов переднего края в убежища и подвалы. И вот, по приказу комдива, наши пехотинцы изготовились к атаке. В небо взлетели три красные ракеты. Однако после пары первых пушечных выстрелов огонь был перенесён в глубину вражеской обороны, а пехотинцы пошли в атаку. Как пишет И. И. Людников, «под грохот артиллерийских батарей штурмовые группы пехотинцев внезапно бросились вперёд и захватили первые вражеские траншеи». Продвинулись метров на сто, но основной цели соединиться с частями 95-й дивизии – не достигли. Межзаводской участок, за который немцы упорно боролись почти два месяца, был ими сильно укреплён дотами и проволочными заграждениями.

Основной удар по фашистскому клину у берега Волги наносил 95-й полк дивизии под командованием омича Н. П. Бударина, будущего Героя Советского Союза. 23 декабря очередная атака советских воинов увенчалась успехом. Враг на выступе был уничтожен и изгнан с берега Волги. Был освобожден берег, в яру которого более двух месяцев находился пункт связи «Ролик».

Н. П. Бударин,
командир дивизии

Навстречу воинам 95-й наступали бойцы 650-го полка 178-й дивизии, произошло соединение. Сорокадневная блокада была прорвана. «Ролик» доложил комдиву о возобновлении связи и передал приглашение И. И. Людникову посетить штаб 62-й армии.

Обрывистый берег Волги стал круглосуточно проходимым, и комдив без помех прошёл в штаб, а к нам прибыли корреспонденты, сделавшие снимки, которые затем широко публиковались в печати. Мне довелось побывать на армейском совещании комсомольского актива и узнать самые свежие военные новости. 138-я, получив вооружение и боеприпасы, активизировала наступательные действия, улучшая свои позиции и освобождая отдельные объекты, скоывая и удерживая в городе крупные силы врага.

До 10 января полки дивизии вели наступление в районе завода «Баррикады». В ночь на 11 января дивизия сдала свои участки 400-му батальону, продвинулась на юго-запад и вступила в бой северо-западнее завода «Красный Октябрь». Фашистские войска оказывали упорное сопротивление. В последнее время усердно муссируется версия, будто бы к концу боёв за Сталинград окружённые войска Паулюса стали «добрее». Это ложь. Враг упорно сопротивлялся и наносил нам урон, гибли наши товарищи, пережившие тяжелейшие дни блокады и окружения. В боях в конце января погибли зам. командира 1-го батальона 768-го полка П. П. Винокуров, агитатор этого же полка отважный осетин Н. А. Харжаев, зам. комбата связи Я. М. Головкин и многие другие, прошедшие тяжелейший путь сражения за «Баррикады».

Лишь 2 февраля с этого участка сдались в плен последние группы северной группировки немцев.

„ГДЕ РОДИЛСЯ, ТАМ И ПРИГОДИЛСЯ“

Здесь речь пойдёт о молодых сталинградцах, с которыми мне приходилось встречаться в течение всей героической обороны города.

При каждом пополнении дивизии в 1942 году в неё вливались, как правило, призывники старших возрастов, часто – пожилые люди. Молодых были буквально единицы, комсомольские организации подразделений были крайне малочисленными.

Но в октябре в составе пополнения стали прибывать добровольцы из вчерашних школьников, как правило, приписавших себе лишний год, а то и два. Горячие патриоты, они стремились на фронт, ибо видели свой долг в спасении Родины.

Война застала их на школьной скамье. Спасаясь от жесточайших бомбардировок города, они оказывались за Волгой, многие теряли родителей, голодали, просились в воинские части, брались за любую работу, лишь бы быть в армии, овладеть военным делом. А уже затем, всеми правдами и неправдами, попадали в состав пополнений из тыловых подразделений.

Все они были активными, рвались выполнять самые сложные и опасные задания. Писали заявления, и я с удовольствием вручал им новенькие комсомольские билеты. При этом они просили в документе проставить настоящую дату рождения, а не ту, что значилась в списке прибывшей команды. «Это же будет постоянный документ», – поясняли некоторые... На деле большинству оказывалось шестнадцать лет, а некоторым и пятнадцать.

Среди прибывших 19 ноября с пополнением бойцов оказалось около десяти комсомольцев, несколько человек прибыли с написанными заявлениями о вступлении в комсомол. И вот, когда, закончив разгрузку катера, я грелся в траншее после купания в ледяной воде, рядом находились вновь прибывшие. Узнав, что я комсорг, они сразу же просили сохранить их группу и направить её для выполнения особо важного задания. Я передал их просьбу начальнику штаба В. И. Шубе. В итоге все они попали в 344-й полк, и комсорг полка Слава Дубцов начал оформлять их в комсомол.

А вскоре нашлось им и «особо важное задание». Это был штурм 41-го дома, подробно описанный выше. Накануне операции провели комсомольское собрание, на котором выступил с постановкой задачи начальник штаба. Потом рассматривались заявления в комсомол, и я тут же выписывал вновь принятым билеты. Причём в нарушение принятого порядка в графе «Место вступления» писал: «Сталинград».

Среди вступивших был и Ваня Трегубов. Взяв в руки комсомольский билет, он встал на одно колено, поцеловал билет и коротко сказал: «Оправдаю». К сожалению, удостовериться в том, что так и будет, пришлось слишком скоро...

Штурм начался практически сразу после собрания. Грянул взрыв фугаса, и ребята, несмотря на то, что камни и осколки ещё находились в воздухе, бросились к месту подрыва, рассчитывая, что в стене будет пробито отверстие, достаточное для проникновения

в здание. Надежда оправдалась, и бойцы стали прыгать в темноту, не зная, куда приземлятся – на груды камней или на автоматчиков врага.

Заняли первый этаж первого подъезда. Ваня Трегубов наспех оборудовал огневую точку для своего пулемёта. Когда немцы бросились в контратаку, он уже встретил их плотным убийственным огнём.

Тогда противник подтянул два танка и орудие, которые открыли стрельбу по дому прямой наводкой. На импровизированное пулемётное гнездо рухнул большой обломок стены... И все же какое-то время пулемёт ещё действовал!

Позже, извлекая тело юного героя из-под обломков стены, мы обнаружили, что ноги пулемётчика были раздавлены.

ВЕСТОЧКА

Война величайшее бедствие для всех, но особенно для детей и подростков, угодивших волею случая в эпицентр боевых действий. Мне, возглавлявшему в дивизии комсомол, чаще, чем другим, приходилось встречаться с ними, каким-то образом участвовать в судьбе, принимать или восстанавливать в ВЛКСМ, ставить на учёт, записывать в комсомольские штурмовые группы.

Однажды, ещё в сентябре 1942 года, когда 138-я дивизия вела боевые действия в южной части Сталинграда, в расположении 344-го полка появилась девочка. Назвалась Аней Волжаниной и обратилась с заявлением, в котором просила восстановить её членство в ВЛКСМ и выдать комсомольский билет с указанием стажа с 23 июня 1941 года. Она уверяла, что, когда фашисты напали на нашу страну, они, группа четырнадцатилетних, добились, чтобы их приняли в комсомол и дали каждому поручения. Её комсомольский билет сгорел в разбомблённом доме.

В тот момент, когда в их дом попала бомба, мать была на работе. Девочка ждала её на пепелище три дня, а после, написав на картонке: «Мама, я жива, ищу тебя», голодная, зарёванная пошла на фабрику. Однако и фабрика тоже оказалась разрушенной. Идти стало некуда. Случайно Аня вышла к тыловой стоянке 344-го полка и попросила поесть. Старшина сжалился над ней и выдал полную

порцию. По тому, с какой жадностью девочка ела солдатскую кашу, понял, что она голодна уже много дней. И он упросил комиссара Фомина взять девочку помощницей повара. Комиссар засомневался, но девочка настойчиво заявила, что она комсомолка, а комиссары всегда помогали комсомолу. Так я встретился с ней, и вскоре Аня была принята в хозяйство полка почтальоном.

В её обязанности входило получать на полк почту и собирать солдатские письма. Делу она отдавалась всей душой, зная, кто получает письма, требовала, чтобы солдаты не задерживались с ответом, потому что дома волнуются за фронтовиков. Даже докладывала комиссару и комсorghу, если ответов оказывалось меньше, чем получено писем. Стала Аня и хорошим агитатором, одной из первых знакомилась с газетами и рекомендовала бойцам интересные статьи.

Когда 138-ю дивизию стали из 64-й армии переводить в город в состав 62-й армии, Ане предложили остаться в Бекетовке, но она настояла на своём и осталась у нас. К этому времени все уже полюбили девушку и ласково прозвали Весточкой...

Когда 138-я вступила в бои за «Баррикады», полевой почты близко не было, но Весточка нашла выход: ходила к переправе, получала почту и разносила письма прямо по цехам, где сражались защитники. Когда же Денежная Воложка замёрзла, Весточка стала переходить под обстрелом на остров Зайцевский и дальше на лодке через Волгу, где на полёвой почте получала письма и газеты на полк.

Весточка считала, что война не время для любви, и на этой почве даже рассорилась с девушками, прибывшими к нам из Камышина для пополнения батальона связи. Особо возмущалась работницами почты, которые, оставляя связки неразобранных писем и газет, бегали на соседний аэродром и даже красили губы. Но уже когда мы защищали «Баррикады», стали замечать, что Весточка старалась чаще бывать в подвале, где размещались комиссар полка с юным адъютантом, почти подростком, Яневым и комсorgh полка Слава Дубцов. Юноши помогали раскладывать письма по батальонам и делить газеты. Как активный член коллектива, Аня стала членом полкового бюро комсомола, выполняла поручения.

Как-то раз мне довелось быть участником молодёжной дискус-

сии о роли любви в жизни человека. В полевых условиях вопрос ставился гораздо конкретнее: стоит ли в блокноты переписывать стихи о любви? в горячей речи, утверждая, что война не время для любви, Весточка в присутствии заявила: «Вот я же обхожусь без любви» и... осеклась, украдкой глянув туда, где сидели Слава и Янев. Видно, дрогнуло-таки сердце юной сталинградки...

22 декабря усилиями наших полков и особенно 95-й дивизии узкий коридор, отделявший «Остров Людникова» от других частей 62-й армии, был ликвидирован. Установились постоянные связи с базами снабжения, в том числе и с отделением полевой почты. Отпала необходимость ходить за письмами за Волгу, стало регулярным снабжение газетами, а усилиями Весточки стали поступать и журналы, и даже книги. Их по гарнизонам обороняемых домов разносила Весточка, продолжая скрупулезный учёт, кто сколько получил писем из дома, заставляла солдат писать ответы и даже вручала им для этого листки бумаги и карандаши.

Довольно часто с Большой земли приходили письма от девушек, желавших познакомиться с фронтовиком. Иногда на конверте значилось: «Самому храброму солдату» или что-то вроде этого. Такие письма Весточка обычно вручала солдатам из западных областей страны, оккупированных фашистами. И именно этих солдат она особенно настойчиво заставляла писать письма родным, убеждая, что скоро их родные места будут освобождены и самой большой радостью для родственников будет получить эти вот письма с фронта.

...Великую радость все мы переживали, когда стали получать вести об успешном наступлении наших войск под Сталинградом, узнали о соединении дивизий 62-й армии с войсками, наступавшими с запада. Шло успешное уничтожение окружённой группировки. 25 января бойцы прославленных дивизий Родимцева и Батюка соединились с воинами 21-й армии. Окружённая группировка была рассечена пополам. 31 января был взят в плен генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс. Южная группировка вермахта прекратила существование.

Срочно была отпечатана листовка, которую предписывалось распространить в войсках. Весточка взяла одну пачку и из дома заводского ремесленного училища побежала в батальоны,

осаждавшие окружённых немцев западнее полотна железной дороги. Метрах в пятидесяти от нас в насыпи дороги был безопасный проход. Но девочка, ослеплённая радостью, побежала прямо через насыпь... Где-то в осаждённом доме сидел фашистский снайпер и взял бойца на мушку. Сердце Весточки было прострелено, и её кровь залила листовки... Листовки были всё же доставлены в окопы. Узнав о гибели своей любимицы, бойцы принялись бить врага с утроенной яростью.

Вечером 1 февраля почти при таких же обстоятельствах получил смертельное ранение в живот комсорг Слава Дубцов, его срочно унесли в медсанбат на Зайцевский остров, где он и скончался. Обидно умирать, когда победа была уже достигнута. Ещё горше от сознания, что умолкли юные сердца, лишь проснувшиеся для любви, только-только потянувшиеся друг к другу...

Похоронили Весточку 3 февраля на берегу Волги в братской могиле недалеко от заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь». Да, враг ещё продолжал огрызаться, и мы несли потери. Но итог грандиозного сражения на Волге был уже ясен.

О подвиге сталинградской школьницы я написал вскоре после войны, и в школе № 2 в Нижнем посёлке в музее был оформлен стенд, посвящённый ей. О подвиге ровесницы дети писали сочинения.

„ЭХ, КАК БЫ ДОЖИТЬ БЫ...“¹⁴

Я выше уже упомянул разговор, вернее, дискуссию о любви, имевшую место в подвале дважды осаждённого дома в ноябре 1942 года. Вспомнил, и тепло стало на душе ведь вот такая штука: люди, пережившие то, что нельзя пережить, стоявшие фактически на краю гибели, много раз смотревшие в лицо смерти, сами убивавшие врагов, спорят... О любви! Слава Дубцов назвал этот разговор конференцией.

Вспоминаю лицо Весточки, пылающее юношеским максимализмом: на войне любви не место! Задумчивые, мечтательные улыбки более старших участников «конференции»... То, что люди не очерствели, не выжгли свои души дотла, я считал и считаю главной победой нашего народа в той страшной войне – победой нравственной, победой духа!

Никто не стал ни опровергать девушку, ни, тем более, осмеивать. Интересно выступил знатный снайпер, ветеран Гуртьевской дивизии, сибиряк, до войны учитель. Как не поверить простым вроде бы словам о том, что любовь святое, извечно присущее человеку чувство и его нужно сохранять и крепить в самых сложных ситуациях, словам, сказанным человеком, рука которого оборвала не одну вражескую жизнь! Говорили и другие, и чувствовалось люди отходят душой от суровых сталинградских будней, и в глазах их читалось мечтательное: «Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы и обнять любимую свою...».

История широкой популярности этой песни в дивизии такова. Осенью 1942 года в Алма-Ате были закончены съемки фильма «Александр Пархоменко». Кинематографисты привезли новую картину вместе с группой снимавшихся в ней артистов в действующую армию. Уж не знаю, сами ли они до этого додумались или получили такое указание. 64-я армия вела в те дни жестокие оборонительные бои южнее Сталинграда. Мы стояли тогда у 74-го разъезда. В дивизию позвонили, рекомендовали прислать делегацию на просмотр. Каждый штык был в те дни на счету, но меня с комсоргами полков и несколькими рядовыми комсомольцами командировали «в кино».

Отличный был фильм! Особенно запомнилась песня. После просмотра все дружно просили повторить тот эпизод в фильме, где она звучала, затем просили спеть её Петра Алейникова, исполнявшего песню на экране. В заключение просили продиктовать и записали слова.

Вернулся я в дивизию, стал по окопам и землянкам рассказывать о фильме, пересказывать его содержание, диктовать солдатам слова песни. Но что слова? Просят спеть. Какой из меня солист? но пришлось собраться с силами. И в 650-м полку я песню, как смог, спел. На следующий день прихожу в 768-й полк, а навстречу из землянки: «Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы...». Сотни раз потом слышал эту песню в исполнении и самодеятельных артистов, и самых что ни есть народных и всё равно даже близко не испытывал такого потрясения, как в тот раз, когда пели её простые солдаты, не учившиеся ни музыке, ни пению, но бесхитростно и всей душой надевавшиеся дожить...

О нём мечтали и говорили давно. Ну не может же бесконечно быть так: один давит, а второй только терпит и огрызается!

Перелом в ходе войны – вот главная тема разговоров в штабном подвале 344-го полка 138-й дивизии. По ночам, когда немцы отправлялись на свой вполне благоустроенный ночлег, командиры взводов и рот, в основном выходцы из села, прошедшие краткосрочные курсы младших командиров, собирались вместе для подведения итогов боевого дня, постановки задач на следующий, а также чтобы поделиться с товарищами мыслями, которые днём не могли быть высказаны, поскольку головы командиров были заняты другим – конкретными мерами по организации обороны, обеспечению снабжения подразделений, эвакуацией раненых и т. д. Осенью 1942 года тема перелома наступившего или приближающегося была самой обсуждаемой. Возможно, в дивизиях, в обычной боевой обстановке, практически ежедневно собирать вместе всех офицеров было невозможно, но в конкретных условиях 344-го полка, удерживавшего оборону в 700 метров по фронту, командиры и бойцы из обороняемых домов собирались в подвале, получали питание, часто задерживались и на беседу.

Мы стойко и мужественно обороняли каждую пядь своей земли, мы всё прекрасно знали из газет и политинформаций о формировании антигитлеровской коалиции; знали, что на Тихом океане против союзника Гитлера Японии активно действуют американцы и китайцы. Знали и об экономическом могуществе Америки. По собственным ощущениям в боях за Сталинград догадывались об ослаблении военных сил Германии. Дошли до Нижней Волги, а вот подавить последние очаги сопротивления у самой кромки воды не могут. Не хватает умения? Или сил?

Из всего этого делался вывод: соотношение сил противоборствующих сторон меняется. Значит, перелом неизбежен и близок. Где и когда он должен произойти? Может быть, здесь, в Сталинграде? Спорили, гадали и приходили к выводу: а где же ещё, если не здесь?! Само слово «перелом» вошло в обиход, комсорг полка Слава Дубцов сформулировал лозунг: «Держись, «Баррикада», бей фашистскую свору, готовь перелом». Мы помнили и слова

Финал. Январь 1943 г.

Из фондов
музея-заповедника
«Сталинградская битва»

Верховного о том, что заводы у нас работают хорошо. Об этом пишут родные в письмах. Доходят слухи, что в районы севернее Сталинграда эшелонами подвозятся танки. Возможно, с людскими ресурсами у нас туго, это ещё в приказе «Ни шагу назад!» говорилось. Сами видели, какими тонкими ручейками шло к нам пополнение старики и малолетки... Но растёт наш опыт, умение бить врага. Всё возрастает ненависть к захватчикам и решимость выстоять и победить.

Как-то после разговора пришлось даже напомнить разгорячённым спорщикам о разгроме русскими татарского ига, поляков, сидевших даже и в Кремле, шведов и Наполеона... В разговорах появилось понятие «пространственный фактор». Где-то нашли школьный атлас, обозначили на нём нашу довоенную границу и особенно выделили Сталинград, утверждая, что это же «сердцевина» Державы и у нас нет другого выхода, как только побеждать. В общем, перелом должен произойти здесь и только здесь.

После прихода на «остров» бронекатеров и получения радостного известия о начале нашего большого контрнаступления севернее Сталинграда наши споры обрели конкретное содержание: теперь всем было ясно, что именно здесь, в Сталинграде, происходит перелом в ходе этой войны, что наша упорная оборона, наше отчаянное цепляние за каждый обломок стены, за каждый камень — и есть подготовка того перелома, который должен был произойти, произошёл, и теперь ненавистных фашистов мы погоним вспять, до самого их логова. Тот факт, что по-прежнему против нас стояли полностью укомплектованные и сытые немецкие части, что опасность

их атаки на «Остров Людникова» нисколько не уменьшилась, общее победное настроение придавало бойцам сил.

На этом подъёме, как сейчас бы сказали, кураже, был взят и тот самый «важный в городе объект», и то, что гарнизон практически обезлюдившего «острова» может проводить успешные наступательные операции, свидетельствовало ярко и однозначно: враг стал не тот. Перелом – свершился.

Да, впереди было ещё пленение Паулюса, впереди была ещё Курская битва, от которой вермахт так и не смог оправиться, впереди было ещё много боёв, страданий и жертв, но общего победного настроения нашего народа изменить не могло уже ничто. Мы теперь твердо знали: победа будет за нами!

Начало большого наступления 19 ноября, успешные действия по окружению фашистской группировки оказали на бойцов огромное моральное воздействие. Неимоверно вырос интерес ко всему происходящему на фронте. Полковым радистам было разрешено принимать сводки Совинформбюро, записывать их и передавать в подразделения, политработники и командиры выпускали листовки, ходили по подразделениям и проводили беседы с личным составом. Бывало, не успеешь ещё зайти в какой-нибудь подвал, а тебе уже – вопрос: как там на фронте? Скоро ли конец? Всех охватила тревога, когда узнали о мощной группе Манштейна, рвавшей на вырубку блокированным в Сталинграде немцам, но потом, когда выяснилось, что наши устояли, успокоились, – стали ждать завершения операции.

В моей сумке с комсомольскими делами хранилась карта из какого-то учебника. Стоило развернуть её – присутствующие тут же окружали меня, радовались, находя знакомые по радиосводкам названия – Серафимовичи, Морозовка, спорили, уточняя расстояния в километрах.

В одной из комнат подвала, где размещался штаб 344-го полка, мы с комсоргом Дубцовым начертили углём на белой стене карту перешейка Дона и Волги, обозначив на ней места боёв. Этот немудрящий чертёж вызвал большой интерес. Из соседних домов приходили солдаты, чтобы взглянуть на «карту». Местные, а также воевавшие в тех местах спорили, вносили в него поправки....

Без разговора об общем положении дел не обходилось ни одно собрание, ни одна беседа. Вступавших в комсомол первым делом спрашивали не об уставных требованиях, а о состоянии дел на фронтах. Надо ли говорить, что такой настрой, такой жадный интерес слушателей – величайшее благо для пропагандиста! и мы решали насущные вопросы – настраивали людей на продолжение боевых действий и наступления до соединения с наступавшими нам навстречу частями.

Вместе с тем возрастала забота о жизни и быте солдат. Людей, переживших такие трудности, необходимо было сберечь. С ликвидацией разрыва между 138-й дивизией и остальными частями 62-й армии резко улучшилось снабжение, нас стали посещать офицеры штаба армии, которые зачастую приводили с собой корреспондентов, которые сделали множество снимков, сегодня широко публикующихся в печати. Наладилась поставка газет, листовок и другой печатной продукции. Из газет мы узнали о предъявленном Паулюсу ультиматуме, о наступлении, начавшемся 10 января, о рассечении фашистской группировки на две части северную и южную. Переживали, что соединение с частями шедшей нам навстречу 21-й армии произошло не на нашем участке обороны.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

В декабре и начале января 1943 года 138-я дивизия вела бои в районе завода «Баррикады» и Нижнего посёлка, улучшая свои позиции, располагаясь в обжитых подвалах и на огневых точках. 10 января комдив Людников получил приказ о смещении позиций полков южнее, в посёлок Красный Октябрь, и сдаче ранее занимаемых позиций 400-му батальону, ранее стоявшему на Зайцевском острове. 138-й же предстояло освобождать посёлок хлебозавода и примыкавшие к нему здания Скульптурного парка.

Фашисты оказывали яростное сопротивление, но активность их авиации и артиллерии заметно падала. Достаточно сказать, что вражеские самолёты над нами больше не летали. Однако любое неосторожное движение, перебежка по-прежнему подкарауливались немецкими снайперами. Мы несли немалые потери. А с утратой противником степной части «котла» концентрация войск в городе

возросла, поэтому нам и приходилось довольствоваться лишь занятием отдельных малых объектов.

По установившемуся льду дивизия переправила артиллерию, которая стала активно использоваться для подавления огневых точек врага. В это время как раз разгорелись жаркие споры между так называемыми «радикалами» и «домашниками». Первые ратовали за безжалостное уничтожение объектов врага, располагавшихся в развалинах зданий, в том числе и жилых домов. Вторые – за сохранение развалин в их тогдашнем виде, поскольку их всё равно вот-вот придётся восстанавливать. Мне, простому комсorghу, неизвестны были эти течения в верхах, но, как человек деревенский, знавший цену труду, я поддерживал начштаба В. И. Шубу, стоявшего за «домашников». Эту точку зрения разделял и командир артполка Соколов, удерживавший пушкарей от стрельбы прямой наводкой по развалинам, где засели фашисты.

31 января фельдмаршал Паулюс со штабом сдался в плен. Вместе с командующим сдалась в плен и южная группировка немцев. Однако северная группировка, с которой и сражалась 138-я дивизия, продолжала бессмысленное сопротивление.

Командарм В. И. Чуйков известил И. И. Людникова, что хочет лично произвести последний выстрел на позиции 138-й дивизии. Быстро подготовили позицию и пушку. Утром прибыл командарм, его привели на позицию. Василий Иванович обратился к сержанту, командиру орудия, за разрешением занять место наводчика.

Генерал встал к заряженному орудю и сделал выстрел... В этот момент в окнах осаждённых домов стали появляться белые флаги. Враг сдавался. Со снаряда пушки, у которой стоял командарм, был свинчен взрыватель, так что выстрел был произведён скорее сигнальный. Удовлетворённый генерал дал указание Людникову направить людей для приёма пленных и уехал с позиции.

А мы направились принимать пленных. Выходивших из зданий сразу делили на солдат и офицеров. Разные были лица... В печати и кинохронике все сталинградские пленные выглядят закутанными в тряпье оборванцами. Но среди офицеров попадались сохранившие форму и выправку, и в глазах их ясно читалась ненависть. Осматривая оставленные немцами позиции, мы, как правило, не находили боеприпасов многие свято выполняли приказ Гитлера сражаться до последнего патрона.

Помню одного такого – одет как картинка, все чистое и отглаженное... Вышел в фуражке, хотя стоял жуткий мороз. Оружие своё не вынул из кобуры и не бросил в кучу, как другие, а кивком показал на застегнутую кобуру принимавшему его лейтенанту. Тот сам расстегнул кобуру, вынул пистолет и присоединил его к остальным трофеям. Жест немца означал – меня берут в плен в форме, я оружие не сдаю, меня разоружает противник, который сильнее. Что же, подумал я тогда, логично – мы действительно оказались сильнее.

Военный совет Донского фронта послал Верховному главнокомандующему донесение: «Выполняя Ваш приказ, войска Донского фронта в 16:00 2.2.1943 года завершили разгром и уничтожение окружённой сталинградской группировки противника... В связи с полной ликвидацией окружённых войск противника боевые действия в городе Сталинграде и в районе Сталинграда прекратились».

ПРОЩАНИЕ СО СТАЛИНГРАДОМ

Сталинградская победа весьма своеобразная и единственная по своему характеру. После напряжённейших и тяжелейших боёв вдруг оказаться победителем в глубоком тылу. Для нас, ветеранов 138-й, испытавших на себе смертельную удавку 17–19 ноября, почувствовавших ослабление этой удавки 20 ноября, а потом соединение с остальными частями 62-й армии, окончание боёв в городе стало как бы естественным фактом.

Но мы вместе с другими участниками Сталинградской битвы испытывали величайшую радость оттого, что из огненной круговерти выходим живыми, и ещё большую радость испытывали за страну и за родную армию, одержавшую великую победу.

4 февраля 1943 года в центре Сталинграда состоялся митинг победителей с участием широкого круга представителей частей, защищавших город. Днём раньше часть наших подразделений стала отправляться в Среднюю Ахтубу для погрузки в эшелоны, в городе оставались лишь те, кому предстояло участвовать в митинге победителей. Утром 4 февраля мы оставили наши подвалы в районе «Красного Октября» и, уже готовыми к отъезду, пошли на митинг. После митинга, отправив немногочисленную нашу делегацию в Среднюю Ахтубу, мы, группа офицеров, попрощались со своими друзьями

**Наши войска
овладели заводом...
1943 г.**

Из фондов
музея-заповедника
«Сталинградская битва»

из 95-й, в том числе с омичом Н. П. Будариным, и пошли пешком через Волгу. Каждый из нас при этом часто оглядывался на оставшийся позади город, лежавший в развалинах, и вновь мысленно возвращался к недавним событиям. На островке, укрепленном приподнятыми льдинами, мы остановились. Кто-то из офицеров снял шапку и стал на колени. Мы всей группой последовали его примеру, отдавая дань земле, сохранившей нас в адском пламени и взрывах.

Когда мы с обнаженными головами стояли на коленях, рядом пробегала группа девушек, как выяснилось, направляющихся по комсомольским путёвкам на восстановление Сталинграда. Мы заинтересовали их.

– Что это вы стоите на коленях?

– Прощаемся с городом.

– Вы не из «Дома Павлова»?

– Нет, мы с «Острова Людникова».

– Разве есть такой остров?

– Есть и такой остров, и балка смерти, и многое другое.

– Девочки, это же здорово, что мы встретили таких людей. Давайте сфотографируемся. А то придём в город, а защитников там уже не будет.

Одна из девушек достала свою «Лейку» и спросила:

– А нам можно с вами?

На территории
завода „Баррикады“
после боёв.
Февраль 1943 г.

Из фонаря
музея-заповедник
«Сталинградская битва»

Разумеется, мы не возражали. И девчонки начали вставать между нами, а иные присели в первый ряд.

– А теперь куда? поинтересовались на прощание наши неожиданные собеседницы.

– Как куда? в Берлин.

– А нам нельзя с вами?

Такого обещать мы не могли, пожелав им оставаться в тылу и побыстрее поднять город из руин. Поднявшись на коренной берег, мы ещё раз остановились и оглянулись. Город чернел своими развалинами и сохранившимися кое-где заводскими трубами.

Ни одного дымка, никаких признаков жизни. Мы уходили с убеждением, что преодолен великий рубеж, и думали, что такого ада больше не повторится. Но мы ошибались. Впереди нас ждали новые испытания, не менее жестокие и кровавые, на Курской дуге, при форсировании Днепра и в других больших и малых сражениях...

Командование 62-й армии дало высокую оценку подвигу 138-й. В представлении на гвардейское звание Военсовет армии писал о дивизии: «...стойкая в обороне, первая в наступлении... Участок земли, который обороняла дивизия, явился одним из тех недоступных бастионов, из которых состоит волжская твердыня». Из дивизий, защищавших Сталинград, 138-я была первой в списке на гвардейское звание. 138-я Краснознаменная была переименована в 70-ю гвардейскую. Воевавшая рядом с нами 95-я дивизия стала 79-й гвардейской.

О присвоении нашей дивизии гвардейского звания мы услышали по радио. В этом же сообщении было сказано, что наиболее отличившийся 344-й стрелковый полк преобразован в 203-й гвардейский и награждён орденом Красного Знамени.

Вскоре пришла поздравительная телеграмма Л. Н. Гуртьева из под Орла. На неё наш комдив И. И. Людников ответил: «Наше гвардейское звание – это заслуга и славной 308-й дивизии, с которой мы совместно обороняли «Баррикады».

Гвардейское знамя дивизии вручили 1 мая 1943 года, когда мы стояли под Орлом. Присутствующий при вручении фотокорреспондент «Известий» сделал снимок, на котором запечатлён момент, когда гвардейское знамя проносилось перед строем ветеранов дивизии, героических участников сталинградских боёв. Этот снимок очень дорог мне и до сих пор хранится в моём личном архиве.

Волгоградцы, как и весь наш народ, бережно хранят память о том, что связано со Сталинградской битвой, героическими защитниками волжской твердыни. Небольшой участок берега Волги, восточнее завода «Баррикады», до сих пор носит название «Остров Людникова». Границы острова отмечены тремя танковыми башнями, установленными на постаментах. А по берегу реки стоят несколько памятных знаков с текстами о подвигах воинов 138-й дивизии.

В Аэропортовском парке воздвигнут памятник на братской могиле воинов 308-й дивизии. В центре высокий пьедестал, на котором фигура воина в шинели и плащ-накидке. В правой руке солдата автомат, в левой каска. Воин склонил голову над прахом тех, кто отдал жизнь за свободу Родины, за счастье своего народа. На пьедестале мемориальная доска с текстом. Ещё одна мемориальная доска установлена у главных ворот завода «Баррикады». Посвящена она также героизму воинов 308-й дивизии, защищавшей этот участок парка и завод.

Более сотни имён воинов 308-й, 284-й и других сибирских дивизий помещены на мемориальных плитах комплекса «Мамаев курган». А на Сталинградской панораме показан ряд боевых эпизодов, раскрывающих подвиг бойцов 308-й дивизии. В частности, на одном из полотен запечатлён сражённый воин, держащий в зубах провод. Этот воин – омич Матвей Путилов, ценой своей жизни обеспечивший связь сражающимся частям своей дивизии.

Глава шестая

ЭХО ВЕЛИКОЙ БИТВЫ

Героическая защита «Баррикады», стойкость и исключительное мужество в обороне «Острова Людникова», высокая оценка действий дивизии в печати породили у личного состава и, в первую очередь, у офицеров убеждение, что дивизия станет гвардейской. Это подтверждали и слухи, поступавшие из штаба 62-й армии. Молва была такой устойчивой, что в подразделениях 768-го полка, воевавшего рядом с позициями 37-й гвардейской, стали правдами и неправдами доставать и запасаться гвардейскими значками. В разговоре с комдивом командарм В. И. Чуйков назвал 138-ю дивизию гвардейской и даже привел оценку, которую он написал в представлении.

СЛАВНАЯ СОВЕТСКАЯ ГВАРДИЯ

Ждали приказа – и дождались! 7 февраля 1943 года по радио был передан приказ № 56 Народного комиссара обороны о преобразовании 138-й Краснознаменной дивизии в 70-ю Краснознаменную стрелковую дивизию.

Дивизию поздравляли с получением гвардейского звания. Прислал поздравление командир 308-й дивизии Л. Н. Гуртьев. На его приветствие комдив И. И. Людников ответил: «В высокой оценке 138-й большая заслуга 308-й, с которой 138-я защищала «Баррикады» и совершила подвиг в защите Сталинграда». Кульминационным моментом чествования стало 1 мая, когда для вручения дивизии гвардейского знамени ожидали командующего Центральным фронтом, тогда ещё генерал-полковника, но уже прославленного полководца К. К. Рокоссовского. А началась эта подготовка с эпизода, в котором участвовал и автор этих строк. Об этом кратко и скажу.

С 20 марта 70-я гвардейская вошла в резерв Центрального фронта, и представители дивизии участвовали во всех фронтовых совещаниях и семинарах, нас заслушивали при передаче опыта, мы получали необходимые указания и т. д. На семинары комсомольских работников приглашался и я. В ходе одного из таких семинаров со мной подробно беседовал заведующий комсомольским отделом Н. А. Носачёв, а затем член Военного совета К. Ф. Телегин, который сказал мне, что мы земляки и что он участвовал в борьбе с колчаковщиной. А потом добавил, что наш командующий тоже участник борьбы с Колчаком и освобождения Прииртышья. Мне это было приятно, конечно, но особого значения я этому факту не придал. Оказалось, зря.

Биографии командующих фронтами и армиями в войну не публиковались. О Рокоссовском мы знали, знали, что он из поляков, а его боевую биографию нет. Вероятно, К. Ф. Телегину и пришла мысль познакомить нас с эпизодами участия К. К. Рокоссовского в освобождении Сибири.

Нам объявили, что будет встреча с командующим фронтом. К. К. Рокоссовский говорил о значении Сталинградской победы и добавил, что до Берлина ещё далеко, а враг силён и надо хорошо готовиться к борьбе с ним. В конце выступления командующий спросил:

– Кто из вас сибиряк?

Ответил К. Ф. Телегин:

– Вот этот молодой гвардии капитан из дивизии Людникова.

Я встал.

– Сибирь большая, откуда из Сибири? спросил командующий.

- Из Омской области, с реки Ишим.
- А точнее?
- Из Казанского района.
- Село Вакарино знаешь?
- Знаю. Оно недалеко от нашего села.
- Можешь начертить схему местности?

Я несколько смутился, но подошёл к столу и на листе бумаги изобразил волнистую линию реки Ишим, обозначил города Ишим и Петропавловск, сёла Казанское и Вакарино.

– А здесь какое село? – показал командующий на схеме южнее Казанского.

- Большие Ярки. А за озером малые Ярки.
- А вот здесь что за речка?
- Боровлянка. У нас её зовут Боровлянский лог.
- Правильно, и в девятнадцатом году её называли логом.

К. К. Рокоссовский взял листок и начал рассказывать, как в начале ноября 1919 года 30-я дивизия вместе с другими частями вышла к Ишиму, восточный берег которого колчаковцами был сильно укреплен, окутан колючей проволокой. Кавалерийскому дивизиону, которым командовал К. К. Рокоссовский, было поручено провести разведку боем. Понаблюдав со стога сена в бинокль за противоположным берегом, командир дивизиона определил, что удобнее пробраться за реку можно по заросшему лесом и кустами логу и атаковать врага с тыла.

Манёвр удался. Основная группа кавалеристов пошла в атаку на позиции колчаковцев, а в это время из леса показалась конная батарея. Оценив обстановку, комдивизиона силой малой группы решил атаковать артиллеристов и захватить пушки. Рокоссовский скомандовал: «За мной!» и с поднятой саблей первым поскакал на батарею.

Растерявшиеся артиллеристы подняли руки. Зарубив офицера, достававшего наган, комдивизиона скомандовал: «Кто хочет жить, к пушкам, развернуть и открыть огонь по колчаковцам». Бой был выигран. Поскольку он происходил близ села Вакарино, то и получил название Вакаринского боя. За этот бой К. К. Рокоссовский получил свой первый орден Красного Знамени. А захваченная им батарея в составе 30-й дивизии прошла до маньчжурской границы.

В конце беседы командующий сообщил, что получено гвардейское знамя для 70-й гвардейской дивизии. Я проявил комсомольскую нескромность, пригласил К. К. Рокоссовского приехать в дивизию для вручения знамени и добавил, что в дивизии много сибиряков. Командующий согласился.

О получении гвардейского знамени и о том, что командующий дал согласие лично вручить дивизии это знамя, я сообщил в штаб дивизии, и началась энергичная подготовка к торжеству. К моему возвращению с семинара работа уже вовсю кипела. Решили ветеранов боёв за Сталинград свести в особый батальон, который и должен был доставить знамя на митинг. Подбирались рослые, крепкие знаменосцы, которых должен возглавить ассистент из числа офицеров старослужащих. Составили список ветеранов. Я был в него включён, поскольку начал службу ещё в 1940 году в Кирово-Кане. Мой рост, а главное, то, что именно я пригласил командующего в дивизию, сыграли свою роль, и я был назначен ассистентом. Надлежало подготовиться. Митинг был назначен на 1 мая. Знамя должны были доставить к месту боевого построения полков дивизии. Нам нужно было подготовить древко и на случай, если знамя окажется помятым, иметь под рукой утюг для его разглаживания.

Утром начали прибывать из полков группы ветеранов, в основном пожилые люди, снайперы. Мы осматривали их внешний вид, как правило, далеко не парадный, вооружение винтовки. Мне удалось со многими побеседовать. Народ оказался разный, в том числе из пополнения разных дней, но более всего из тех, кто прибыл в дивизию в Цыганской заре и был передан нам из 308-й дивизии, вместе с нами защищавшей «Баррикады». В числе ветеранов оказалось два алтайца из героической 48-й барнаульской бригады. Почти ни у кого не было никаких наград. Я доложил об этом руководству, и последовала команда срочно оформлять наградные листы.

Привезённое знамя оказалось свёрнутым вокруг древка, и приготовленный нами утюг не пригодился. Знамя закрепили на древко. Ветеранам объяснили, что знамя понесём перед их рядами, и они строем батальона доставят его для вручения дивизии. Специально приехал фотокор из газеты «Известия».

На торжество прибыли гости от соседей и ветеранов Сталинграда. Делегацию от 95-й, теперь уже 78-й гвардейской дивизии,

стоявшей по соседству и также входившей в 17-й гвардейский корпус, возглавлял наш боевой сосед по Сталинграду, омич Н. П. Бударин.

К сожалению, по какой-то причине командующий фронтом приехать на вручение гвардейского знамени не смог, поручил сделать это командиру 17-го гвардейского корпуса генерал-лейтенанту А. Л. Бондареву. Знамя пронесли перед строем ветеранов, которые быстро построились в колонну, и мы вышли на поляну, где на кузовах автомашин была сооружена трибуна. Перед трибуной я доложил генералу, что гвардейское знамя для вручения 70-й Краснознаменной гвардейской стрелковой дивизии доставлено. Генерал А. Л. Бондарев сказал приветственные слова. Солдаты стали на одно колено, и гвардейское знамя было вручено командиру дивизии генерал-майору Ивану Андреевичу Гусеву. После его благодарственного слова в звенящей тишине торжественно зазвучали слова гвардейской клятвы: «Принимая боевое Красное знамя Советской гвардии, покрытое неувядаемой славой в боях за Родину, мы клянемся быть достойными славы гвардейцев...». Верность этой клятве предстояло доказать в боях, которые вскоре разгорелись на Курской дуге.

Гвардейское знамя 70-я дивизия пронесла со славой. Стояла насмерть, отражая главный удар фашистов в Курской битве, за что была награждена орденом Ленина. Десятки воинов дивизии за форсирование Днепра были удостоены высокого звания Героев Советского Союза. Участвовала в боях за освобождение Польши и Чехословакии. После освобождения Праги дивизия была перебросена в город Станислав (ныне Ивано-Франковск) и вела борьбу с бандами бандеровцев. После окончания войны дивизия дислоцировалась в Ивано-Франковске. Отстроилась, существовал богатый материалами музей боевой славы. Но после распада СССР на Западной Украине к власти пришли националисты, внуки и продолжатели грязного дела тех самых бандеровцев, и они 70-й гвардейской дивизии жёстко и подло отомстили. Дивизия прекратила существование, архив разграблен, уничтожено гвардейское знамя и развожены 23 ордена со знамени дивизии и её орденоносных полков.

**Вручение гвардейского знамени
70-й гвардейской стрелковой дивизии.**

Группу знаменосцев сопровождает А. Д. Колесников. 1 мая 1943 г.

Фото из личного архива автора

Но всё это было значительно позже. А тогда, в 1943-м, мы праздновали нашу победу. На всех ветеранов были составлены наградные листы и приказами комдива, командующего 17-м гвардейским корпусом и 62-й армией, они были награждены медалями «За боевые заслуги» или «За отвагу», а некоторые из ветеранов и офицеров – орденами Красной Звезды.

В послевоенные годы я начал поиск ветеранов с «Острова Людникова», но мои попытки не увенчались успехом. Помню, что в дивизии составлялся список ветеранов-сталинградцев, но, к сожалению, он не сохранился. Хорошо, что присутствовавший фотокорреспондент «Известий» умело выбрал место, когда знамя проносили перед строем ветеранов, и группа их попала на снимок.

Читатель, всмотрись внимательнее в лица героев, прошедших смертельные схватки в Сталинградской битве и вышедших победителями из невероятно трудных и кровопролитных боёв. Лица их просты и бесхитростны. В глазах – твёрдость и готовность к новым

боям, к новым трудностям и новым победам. Им предстоит ещё пережить невероятное напряжение Курской битвы, нечеловечески трудное форсирование Днепра, им предстояло освободить Украину и страны Европы. И, судя по всему, никто из них, кроме меня, не дожил до сегодняшнего дня... Вечная им память.

СТАЛИНГРАДСКИЙ ЭТАЛОН

По завершении Сталинградской битвы соединения Донского фронта, в том числе и 62-я армия, были переброшены на другие участки. Командующий фронтом К. К. Рокоссовский принял под своё начало Центральный фронт. Видимо, не без его участия на Центральный фронт, в район Курского выступа, были переведены наиболее отличившиеся в Сталинграде 70-я и 75-я гвардейские дивизии. Из них был сформирован 17-й гвардейский корпус, который сначала был определён во фронтовой резерв, а затем включён в состав 13-й армии, стоявшей на орловском направлении, как раз на том, где ожидался главный удар гитлеровцев с севера.

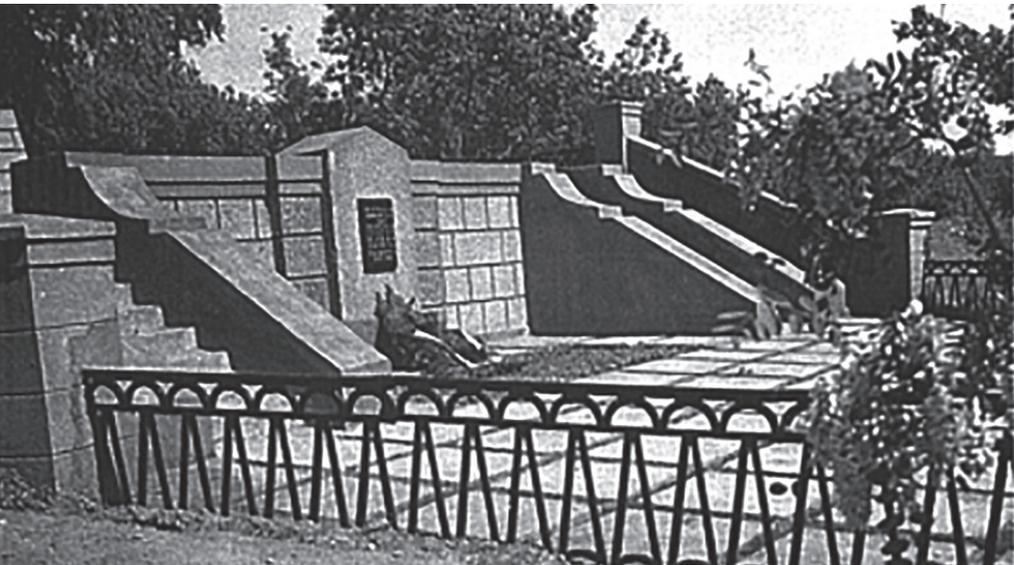
Перед нами стояла задача передать бесценный боевой опыт вновь прибывавшему пополнению, научить его побеждать. Проблема заключалась в том, что дивизии выходили из боёв до крайности обескровленными, например, как я уже отмечал, к моменту окончания боёв на «Острове Людникова» в строю 138-й дивизии оставалось чуть больше 300 солдат и офицеров. Немногочисленные «старички» могли без следа раствориться в пополнении. Командованию соединений потребовалось проявить большое не только военное, но и педагогическое мастерство, чтобы этого не произошло, чтобы крепкая фронтовая закалка и родившиеся в боях славные традиции были надёжно переданы молодёжи.

Советское командование делало все для укрепления направления ожидаемого главного удара немцев. Малочисленные гвардейские дивизии доукомплектовывались курсантами сибирских военных училищ – омского, кемеровского, тюменского, курганского, томского и других. Люди прибывали буквально эшелонами. Пополнение было необычным и по возрасту, и по моральному настрою. Это были ещё совсем дети – резервы пополнения армии людскими ресурсами были практически исчерпаны, страна жертвовала

последним – своим будущим. В военные училища принимались тогда в основном добровольцы, прямо со школьной скамьи. Все они рвались на фронт. Встретив войну тринадцати-пятнадцатилетними, они успели вдоволь нахлебаться порожденных ею трудностей, недоедали, наравне со взрослыми тянули жилы у станков и на пашне, проводили, а многие и похоронили отцов и старших братьев. Им было за что ненавидеть немцев. Они шли на фронт осознанно, были готовы выполнить свой долг, что и продемонстрировали в ходе Курской битвы. С начала апреля 1943 года сталинградские дивизии были быстро пополнены личным составом, как писал в своих мемуарах К. К. Рокоссовский, до 7–7,5 тысячи человек, и началась напряжённая военная учёба, та самая передача молодёжи добытого кровью боевого опыта. Создавались партийная и комсомольская организации. Коммунистов, однако, было немного, главной политической опорой в воспитании становился комсомольский актив. Главное было – научить бойцов не бояться танков. Учёба вся шла под сталинградскими лозунгами: «Сталинградцы танков не боятся!», «Метко стрелять по смотровым щелям – это по-сталинградски!» и т. д. Даже повара и те стали заваривать чай «по-сталинградски».

Танк – грозное оружие, но и он имеет свои слабые стороны. Мы учили ребят бороться с бронированной машиной осмысленно, бесстрашно и расчётливо. В одном из овражков соорудили макет «тигра» в натуральную величину и с помощью верёвки катали по рельсам. Бойцы должны были учиться на глаз определять расстояние до танка, далеко и метко бросать ручные гранаты, стремясь попасть под гусеницу или в моторную часть. Учили использовать так называемое «мёртвое» пространство перед танком, когда его пулемёт не может поразить цель прямо перед собой. Однако надо отдать должное и врагам, они тоже знали об этой «ахиллесовой пяте» своих новейших тяжёлых танков и искали возможность их обезопасить. В частности, с обеих сторон от тяжёлого танка стали пускать «уступом» (чуть сзади) два средних или даже легких, которые плотным огнём своих пулемётов прикрывали «тигр» от гранатомётчиков. Приходилось и нам, в свою очередь, искать противоядие.

Сражение на Курской дуге, которому суждено было стать одним из величайших за всю историю войн, началось рано утром

Волгоград. Памятный знак
„Остров Людникова“

Фото из личного архива автора

5 июля 1943 года огневым налётом контрнаступления полков Центрального фронта. С рассветом немцы, несмотря на понесённые в ходе артобстрела потери, пошли в наступление. Дивизии, стоявшие на передовой, сдержали первый бешеный натиск. Чётко обозначилось направление главного удара врага. 17-й корпус получил приказ немедленно выдвигаться туда. Вышел на подготовленные позиции в Подсоборовке и занял оборону. На следующий день, 6 июля, главный удар немцев обрушился на позиции 203-го гвардейского полка 70-й гвардейской дивизии, которым командовал В. Л. Коноваленко, и его соседа слева – 207-го гвардейского полка.

В телеграмме командиру 70-й дивизии К. К. Рокоссовский отмечал, что дивизия стояла насмерть и выстояла против беспримерного в истории войн натиска врага. Натиск был действительно ошеломляющим. Наступление началось налётом более ста бомбардировщиков и массированным артиллерийско-миномётным обстрелом. «Юнкерсы», отбомбившись, отходили на север, их сменяли все новые и новые группы самолётов. Этот кошмар продолжался больше

часа. Каждый квадратный метр земли был по несколько раз поднят в воздух, и казалось, что здесь никого не могло остаться в живых. Но, когда в атаку пошли немецкие танки, а их на этот узкий участок немцы бросили не менее 250, наши окопы ошетинились оружием, бойцы вели интенсивный огонь, отсекая от танков пехоту, а когда бронированная лавина приблизилась на расстояние броска, в танки полетели гранаты.

Уже первые минуты боя показали, что мы не зря учили молодых. От слитного гула и тяжёлой поступи вражеских танков, от постоянного плотного артиллерийского и пулемётного огня осыпались стены окопов, а наши бойцы не то что не дрогнули, а, наоборот, проявляли чудеса мужества и воинской сноровки.

Гвардии сержант Василий Фёдорович Черненко вёл огонь по приближающимся танкам и пехоте из пулемёта. Когда пулемёт был разбит, Черненко с парой противотанковых гранат пополз навстречу «тигру». Однако гранатами повредить танк не удалось. В ближайшем окопе сержант нашёл связку гранат и бросился с ней под гусеницы. «Тигр» беспомощно завертелся на повреждённой гусенице и был добит бутылками с горючей смесью. За этот подвиг В. Ф. Черненко посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Часть немецких танков сумела-таки на большой скорости достигнуть наших рубежей и преодолеть окопы пехоты. Наши бойцы, пропустив танки над собой (вот что значит не бояться их!), открыли огонь по бегущей вслед за машинами пехоте и заставили её залечь.

Прорвавшиеся фашистские танки вскоре напоролись на нашу артиллерию (дивизионный артполк и армейский гаубичный) и наши танки, начавшие бить по ним прямой наводкой. С тыла по фашистам открыли огонь расчёты противотанковых ружей. Ни одного случая оставления нашими бойцами позиций отмечено не было.

Я в тот день находился на КП 3-го батальона 203-го полка капитана Г. В. Толкачёва. Бой проходил на слегка пересечённой местности, какими изобилуют южные склоны Среднерусской возвышенности – с севера на юг тянулись два не очень глубоких понижения. Танки на КП пройти не могли – 30-градусный уклон был для немецких машин непреодолим, но бомбили и обстреливали нас, как и всех. Связь с ротами была практически утеряна, все провода оборваны,

поэтому, чтобы видеть, что творится на поле боя, приходилось вы-ползать на высокий гребень, и я своими глазами видел удивительную в своей зловещей масштабности картину. Небольшой участок обороны, примерно в два километра, стал ареной не виданного до тех пор в истории ожесточённого «многослойного» боя. Наши пехотинцы сражались с вражескими автоматчиками, в тылу их оказалась сотня вражеских танков – лицом к лицу с плотным строем советских бронированных машин и артиллерией, ведущими огонь прямой наводкой.

В это время в небе появились советские самолёты, обрушившие бомбы и снаряды на танки врага. Атака фашистов была отбита. Уцелевшие немецкие танки, а их осталось меньше половины, пятась и обрушивая своей тяжестью стенки окопов и погребая в них как павших, так и живых, отползли назад. Но, пятась задом, они подставляли нашим истребителям танков слабо защищенную корму, и ещё не одна вражеская машина была сожжена при отступлении.

Вечером был получен приказ о переводе гвардейцев на высоту 235.3, где и заняли оборону воины 203-го и 207-го полков. Гвардейцы проявляли чудеса героизма. Отличилась противотанковая батарея гвардии лейтенанта Сергея Евдокимовича Денисова. Артиллеристы настолько хорошо замаскировали огневую позицию, что она практически не пострадала ни от артподготовки немцев, ни от налётов их авиации. Зато, когда вражеские танки подошли на расстояние выстрела, открыли по ним разящий огонь и уничтожили к концу дня двенадцать машин. Все бойцы расчёта были награждены за этот бой орденами, а их командир стал Героем Советского Союза.

Командир роты противотанковых ружей старший лейтенант А. Г. Кауров не только блестяще руководил действиями подчинённых, но и лично подбил четыре танка. Рядовой Ф. И. Юплаков подбил три танка и сбил вражеский самолёт Ю-88. Сержант Г. И. Акинидзе уничтожил три танка, а отделение сержанта П. И. Хаустова – пять.

Командир взвода 207-го гвардейского полка А. И. Савельев умело руководил подчинёнными, лично уничтожил из пулемёта несколько десятков гитлеровцев, за что был награждён орденом Ленина.

Здесь нет возможности подробно рассказать обо всех героях

тех дней. Тяжёлые бои, в которых гвардейцы, особенно 203-й и 207-й полки, проявляли чудеса храбрости и самоотверженности и в то же время несли большие потери, продолжались и в последующие дни. Скажу лишь, что благодаря мужеству гвардейских полков враг здесь не прошёл, лишь от шести до одного километра сумели фашисты вклиниться в нашу оборону. Ну, а что было дальше, чем завершилась Курская битва, известно всем.

Впрочем, рассказывать это не является моей целью. Мне важно показать, как боевой опыт сталинградцев помогал нам в борьбе с врагом, как он тем самым повлиял на исход беспримерной схватки нашего народа с фашизмом. Закалённые в огне «волжской твердыни», наши войска стали поистине непобедимыми!

...Кстати, о техническом отставании Красной армии, о котором я говорил в первых главах книги. 8 июля 1943 года мне довелось наблюдать воздушный бой над Курской дугой. Налетевшая на наши позиции группа «юнкеров» была частично сбита, частично рассеяна. Больше вражеские самолёты над нашими войсками не появлялись. Немецкому господству в воздухе был положен конец.

СЛАВУ ГЕРОЕВ В ПАМЯТЬ ПОТОМКОВ

Великая Отечественная война, как и вся Вторая мировая война, была войной манёвренной при высокой насыщенности армий моторной техникой. Значительная часть боевых действий проходила «у незнакомого посёлка на безымянной высоте». Эти бои фиксировались в боевых донесениях штабов подразделений и в памяти вышедших живыми из этих сражений и лишь редкими упоминаниями имён героев. Много таких сражений проходило и на подступах к Сталинграду, на объектах и на развалинах города. В рассказах о подвигах сибиряков в боях за Сталинград сообщалось о сражениях у разъезда 74-й километр, возле Лысой горы, на участке Аэропорта, в цехах завода «Баррикады». Фиксировались совершённые подвиги, назывались имена, но заметных памятников не возводилось. Лишь после Победы из общей массы мест совершения подвигов стали выделяться наиболее видные места и возводиться надгробные обелиски, а потом и скульптурные памятники.

Памятники Сталинградской битвы стали величественными

монументами и получили мировую известность. Это прежде всего Сталинградский мемориал – «Мамаев курган» с именами некоторых воинов, погибших в Сталинградском сражении. В серпантине мемориальных досок находятся плиты с именами командира 308-й дивизии Л. Н. Гуртьева и связиста этой дивизии Матвея Путилова. Из общего комплекса выдающихся сооружений особо выделяется скульптура воина «Стоять насмерть». На одной из встреч с ветеранами Е. Вучетич сказал, что, создавая памятник, он имел в виду командарма В. И. Чуйкова. Сам Василий Иванович на это ответил, что это обобщенный образ отважного воина, скорее он относится к сибирякам, и командарм показал на группу сибиряков, сидящих на правом фланге под вывеской «Сибиряки».

Кроме общего комплекса памятников, в Сталинграде есть отдельные памятники на местах боёв сибирских дивизий. Из них особо выделяются памятники на «Острове Людникова». Начало их возведения состоялось ещё в 1943–1945 годах ветеранами завода «Баррикады» и комсомольцами, прибывшими на восстановление артиллерийского предприятия. Ими был воздвигнут обелиск на братской могиле воинов 138-й и 308-й дивизий. Обследованы и взяты на учёт развалины директорского дома, обозначены границы «Острова Людникова». Взят на учёт бункер штаба армии, позже в связи с разбором брёвен и угрозой обвала подземелья бункер был взорван. Но уже в 1955 году начали возводиться обелиски с установлением танковых башен на границах «Острова Людникова». Обрыв к реке был оформлен как памятник воинам 138-й дивизии. Недалеко от него был сооружен памятник связистам «Ролика».

Мемориальные доски были установлены на одном из первых восстановленных зданий, школе № 16, и на воротах завода с указанием 308-й дивизии. После освобождения города 3 февраля 1943 года началось благоустройство братской могилы в Скульптурном парке, где похоронены воины 308-й дивизии. Был установлен деревянный обелиск. В 1954 году была установлена на высоком пьедестале фигура воина в шинели и плащ-палатке. Солдат в боевой каске, в правой руке автомат. Воин склонил голову над прахом тех, кто отдал жизнь за Родину. Первоначально обелиск-памятник в Скульптурном парке был посвящён воинам-сибирякам 308-й дивизии. Но так как здесь сражались и другие соединения 62-й армии, то этот обелиск стал памятником 62-й армии.

Упорные бои по защите завода «Баррикады» вели 308-я и 138-я дивизии. Восточнее заводской территории на участке Нижнего посёлка в небольшом сквере в конце проспекта Ленина в огромной воронке от разорвавшейся бомбы производились захоронения погибших. Недалеко от основной братской могилы на обрывистом берегу Денежной Волжонки были захоронены рабочие завода «Баррикады». На обоих захоронениях возведены памятные обелиски. Берег хорошо благоустроен, и на нём установлен знак «Остров Людникова». Этот памятный комплекс включён в список важнейших мест города Сталинграда и посещается туристскими группами.

Победа в Великой Отечественной войне добыта нами очень дорогой ценой – гибелью миллионов защитников и изнурительным трудом и бедами тружеников тыла. Много сделано для увековечения подвига. Подготовлены и изданы списки погибших и участников боевых действий. В числе не вернувшихся с войны выделены группы погибших в боях, на кого получены «похоронки», и «без вести пропавшие». К последней группе более всего относятся участники первых месяцев войны, когда наши части отступали и некоторые попадали в окружение. По Крутинскому району Омской области по призыву и добровольно ушло на фронт 5 714 человек. Из них не вернулось 3 703 человека, в том числе более 250 человек числятся пропавшими без вести. На 446 человек не получены похоронки, и их семьи не пользовались правами погибших, а подавляющее большинство из них было активными борцами с гитлеровцами.

В списках погибших уроженцев Омской и Тюменской областей более всего без вести пропавших из состава 229-й дивизии, сформировавшейся в городе Ишиме. Эта дивизия героически сражалась на подступах к Сталинграду и попала в окружение. По Армизонскому району из 1 810 человек, не вернувшихся с фронта, – 370 человек – без вести пропавшие. Более всего призыва января 1942 года. Из Абацкого района ушло на войну 3 512.

Большая работа по увековечению памяти погибших проведена на родине героев. В райцентрах и по многим сёлам возведены памятники. На них установлены мемориальные доски с именами погибших земляков.

И вместе с тем нельзя считать эту работу завершённой. Помимо общественной работы по увековечению, должна вестись семейная,

родовая работа. Помнить имена павших на защите Родины, сохранять документы, фотографии, вещи. В православной вере было в традиции иметь семейные поминальники, небольшие удобные книжечки, в которые заносились имена умерших, и их имена повторялись при службах за упокой. Хорошо бы возродить эту традицию и хотя бы за семейным столом в памятные дни называть имена, в том числе и павших в боях за Родину. В семье Колесниковых, помню, в моём детстве на божнице за иконой хранился поминальник, и бабушка в родительский день ходила с ним в церковь. Батюшка называл имена «за упокой» и «за здравие». Запомнилось имя Мирон, с чего начинался наш семейный поминальник. Спросил у бабушки, но она не знала, ей сообщил это имя мой прадед Колесников. Будучи историком, в документах нашёл, что у моего далекого предка – солдата Фрола было два сына: Фотий и Мирон. Последний ушёл в рекруты и погиб под Смоленском в 1812 году. Имя убиенного воина Мирона чтилось потомками.

Было бы хорошо что-то подобное восстановить, чтобы подрастающее поколение знало имена своих предков на пять–десять поколений. Знало и гордилось подвигами предков.

Оглавление

К ЧИТАТЕЛЯМ	5
ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ГЕРОЕВ	7
ГЛАВА I. РЕШАЮЩИЙ РУБЕЖ	13
Мобилизация всех сил народа	13
Неравная борьба экономик	15
Один на один с Европой	19
Удар группы армий «Центр»	22
Ни шагу назад	27
ГЛАВА II. НА ПОДСТУПАХ	31
На острие главного удара	32
Рубеж на Есаульском Аксае	48
Из огня – в полымя	55
Пополнение	60
Переправа	70
ГЛАВА III. ТРЕТИЙ ШТУРМ	75
Фронт на «Баррикадах»	76
Штыковая	80
Бои за Скульптурный парк	86
Оборона завода «Баррикады»	91
Похвальное слово «Богам войны»	97
Боевое братство	99
Подземная война	103
Посылка с родины	110
Фронтовой быт	116
ГЛАВА IV. «ОСТРОВ ЛЮДНИКОВА»	121
За каждую улицу, за каждый дом	122
Глубокая балка	126
Со всех сторон	128
Знаменитый «пробег Печенюка»	141
Блокада	144
Бой не последний, но решительный	146
«Ролик» даёт связь	159
ГЛАВА V. НАСТУПЛЕНИЕ	164
«Важный военный объект»	165
«Где родился, там и пригодился»	175
Весточка	177
«Эх, как бы дожить бы...»	180
Великий перелом	183
Последний выстрел	186
Прощание со Сталинградом	188
ГЛАВА VI. ЭХО ВЕЛИКОЙ БИТВЫ	192
Славная советская гвардия	192
Сталинградский эталон	198
Славу героев в память потомков	203

**Колесников
Александр Дмитриевич**

ОСТРОВ В МОРЕ ОГНЯ

Литературно-художественное издание

Литературный редактор: *И. Б. Гладкова*

Дизайнер: *Н. В. Владимиров*

Технический редактор: *В. А. Юдина*

Тираж 1 000 экз.

Подписано в печать 15.07.2024
Формат 60×84_{1/16}
Бумага офсетная. Гарнитура Calibri.
Усл. печ. л. 12,09.

Отпечатано в типографии «Золотой тираж» [ООО «Омскбланкиздат»]
644007 г. Омск, ул. Орджоникидзе. 34
www.omskblankizdat.ru

А. Д. Колесников в рядах РККА. 1940 г.

А. Д. Колесников. Армения 1941 г.

А. Д. Колесников

А. Д. Колесников, Маршал Д. Т. Язов
и командующий 33-й гвардейской
ракетной армией В. В. Мороз в г. Тара

А. Д. Колесников

Александр Дмитриевич Колесников (1919 – 2012) – участник советско-финской и Великой Отечественной войн, доктор исторических наук, профессор, прошёл свой боевой путь в составе 138-й стрелковой дивизии. Сформированная в 1939 г. дивизия сражалась на Карельском перешейке, под Выборгом, в Крыму и донских степях. Обессмертила своё имя героической обороной сталинградского завода „Баррикады“ и легендарного „острова Людникова“ в октябре – декабре 1942 года. Бойцы и командиры 138-й стрелковой дивизии под командованием полковника И. И. Людникова и сформированной в Омске 308-й стрелковой дивизии под командованием полковника Л. Н. Гуртьева стояли насмерть и не пропустили фашистов к Волге.

Этому эпизоду грандиозного сражения под Сталинградом посвящена предлагаемая читателю книга. В ней удачно соединились стратегические обобщения, сделанные на основе научных изысканий, которыми автор занимался всю свою послевоенную жизнь, и так называемая „окопная правда“ – то, что жило в его памяти, памяти человека, ходившего в атаки, делившего с товарищами последний кусок хлеба и хоронившего погибших друзей. Достойны восхищения мужество, трудолюбие и упорство ветерана, который многие годы по крупицам собирал сведения о воинах-сибиряках и нашёл в себе силы написать эту суровую и честную книгу.